
ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
И рече Олегъ Кіеву се буди мати градомъ русскимъ
ВИЛЬНА
1869.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

„ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ И ВЪ БУДУЩЕМЪ 1869 Г.

Цѣна за 12 книжекъ 6-ть рублей на мѣстѣ и 8-мь рублей съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи.

Адрессоваться въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ въ Вильнѣ, и къ коммисіонерамъ „Вѣстника“ А. Ѳ. Базунова въ С. Петербургѣ и А. И. Ферапонтову въ Москвѣ.

Въ редакцію „Вѣстника Западной Россіи“ можно получать отдѣльными, вновь исправленными оттисками: „**Очерки бѣлорусскаго Полѣсья**“ (89 стр.) Цѣна для подписчиковъ „Вѣстника“ 1 руб. за 3 экземпляра съ пересылкою.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ VI,—1868.

КНИЖКА XII.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.
Въ типографіи М. РОММА, на Ивановской улицѣ, въ зданіи гимназіи, противъ губернскаго правленія.

1869.

Дозволено цензурою 7-го апрѣля 1869 г. Вильна.

I.

№ 13.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ И УНІИ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

(Переводъ съ латинскаго).

СВѢДѢНІЯ О ПОЛОЦКОМЪ БАЗИЛІАНСКОМЪ СОФІЙСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Акты этого монастыря, начатые въ 1746 году по повелѣнію Ираклія Лисовскаго, прото-консультора литовской базиліанской провинціи, главнаго викарія и оффиціала полоцкой архіепископіи.

Полоцкъ, одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, находится при Западной Двинѣ, въ нынѣшней Витебской губерніи. Христіанство здѣсь начало распространяться со временъ Владиміра Св., и особенно утвердилось при сынѣ его Изяславѣ, коему достался въ удѣлъ г. Полоцкъ.

Съ появленіемъ христіанства начали появляться тутъ и христіанскіе православные храмы. Одинъ изъ древнѣйшихъ здѣсь храмовъ, Софійскій соборъ, основаніе котораго русскіе лѣтописцы относятъ къ концу X-го столѣтія (1000 г.) Первоначально церковь эта

была деревянная. По смерти Вячеслава и Давида Всеславовичей, прекращается родъ полоцкихъ князей, ведущихъ свое начало отъ Владиміра и сына его Изяслава, перваго полоцкаго князя. Нѣкоторое время Полоцкъ управлялся 30 старцами, которыхъ выбирали сами граждане. Недолго однако Полоцкъ пользовался самостоятельностью, въ немъ произошли внутренніе безпорядки и неурядицы, которыми непреминули воспользоваться сосѣдніе литовскіе князья. Литовскій князь Мингайло овладѣлъ этимъ городомъ, и присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ. По смерти Мингайлы, Полоцкое Княжество досталось въ удѣлъ по наслѣдству младшему сыну его Генвилу. Генвилъ скоро женился на дочери тверскаго князя Бориса— Маріи. Благочестивая супруга умѣла такъ подѣйствовать на мужа, что Генвилъ первый между литовскими князьями принялъ христіанство подъ именемъ Юрія. Сынъ его Борисъ ознаменовалъ свое правленіе между прочимъ построеніемъ въ замкѣ каменнаго собора во имя св. Софіи, на мѣсто прежняго деревяннаго. Этотъ же князь построилъ въ Полоцкѣ еще двѣ каменныя церкви съ монастыремъ на полоцкомъ предмѣстьѣ, по другую сторону Двины, на рѣчкѣ Бѣльчицѣ, во имя Бориса и Глѣба и св. Параскевіи. Русскіе князья неразъ пытались возвратить этотъ городъ, и потому Полоцкъ часто переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ польскихъ королей къ русскимъ князьямъ и наоборотъ. До завоеванія Полоцка Стефаномъ Баторіемъ въ 1579 г., въ городѣ и въ его окрестностяхъ было 11 православныхъ мужскихъ и женскихъ монастырей и 18 церквей. Съ утвержденіемъ польскаго владычества, особенно со введеніемъ уніи, ревностнымъ распространителемъ которой здѣсь былъ извѣстный полоцкій архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ, въ Полоцкѣ около 1621 г., православные не имѣли уже ни

одной церкви. Какой-то дворянинъ, Иванъ Стабровскій, уступилъ православнымъ свой домъ, въ которомъ и была устроена церковь, какъ это видно изъ его записи отъ 16-го іюня 1621 г. *) Всѣ православныя церкви были отняты уніатами. Каѳедральный Софійскій соборъ перешелъ въ управленіе базиліанъ, которые основали при немъ свой монастырь и школу.

Акты этого монастыря, веденныя съ *1746* по *1779* г., любопытны во многихъ отношеніяхъ. Они, съ одной стороны, знакомятъ вообще съ жизнью и характеромъ базиліанскаго ордена; съ другой стороны они знакомятъ съ политическими событіями того времени; особенно заслуживаютъ въ этомъ отношеніи вниманіе свѣдѣнія, сообщаемыя актами о временахъ перваго раздѣла Польши. Составители актовъ, большею частью настоятели Софійскаго монастыря, были современниками и очевидцами описанныхъ въ актахъ событій, что и придаетъ имъ особенную цѣну. Полоцкіе базиліане, какъ видно изъ актовъ, зорко слѣдили за политическими событіями и нельзя сказать, чтобы равнодушно относились къ нимъ.

Акты писаны частію на латинскомъ языкѣ, частію на польскомъ. Переводя на русскій языкъ и издавая

---

*) Я Янъ Стабровскій ознаймую тымъ квитомъ моимъ, ижъ кгды вси церкви нашое старожитное религіи грецкой и монастыри и церковь св. Софіи у замку въ мѣстѣ Полотскомъ будучые, архіепископъ Іосафатъ самъ оборотившися въ новую вѣру—унію, неслушне кгвалтомъ ихъ у насъ захватилъ, а ижъ бы хвала Бозка у насъ релѣи грецкой земянъ и мѣщанъ воеводства полотского никгды неуставала, домъ Ерекго (Юрія) Стабровскаго пана брата моего, который есть въ мѣстѣ полотскомъ надъ рѣкою Двиною, за ужитемъ ихъ милости пановъ пріятеловъ моихъ земянъ воеводства полотскаго, пановъ братій моихъ и мѣщанъ нѣкоторыхъ въ нашой старожитной релѣи грецкой подъ послушенствомъ констаптинопольскаго патріарха вытрвалыхъ, далъ есть до часу слушного до отправованя набоженства водлугъ нашое св. релѣи грецкое а для лепшей певности и далъ есмь мой квитъ запись подъ печатью моею. (Памят. Кн. Вит. Губ. за 186...)

эти акты въ свѣтъ, я выбиралъ изъ нихъ только то, что мнѣ казалось болѣе интереснымъ или характеристичнымъ въ извѣстномъ отношеніи.

1746 г. Декабря 18. Получили мы приглашеніе отъ іезуитовъ на богословскій диспутъ въ ихъ коллегіи. Послѣ диспута была приличная закуска и обѣдъ. За обѣдомъ вина и наливки подавали доминиканамъ первымъ, а не намъ, что дѣлалось или изъ презрѣнія къ намъ, или изъ ненависти (quod fuit vel in contemptum, vel ex odio).

Въ прежніе годы, въ праздникъ Рождества Христова, мы обыкновенно бывали у іезуитовъ съ поздравленіемъ, и они у насъ также бывали; а въ нынѣшнемъ году *мы у нихъ были съ поздравленіемъ, а они у насъ не были.*

Въ этомъ же мѣсяцѣ іезуиты праздновали день кончины св. Станислава Костки. Изъ нашихъ никто не былъ на этомъ праздникѣ, потому что іезуиты насъ не приглашали, тогда какъ всѣ другіе католическіе ордена были приглашены ими.

1749 г. Въ этомъ году, въ мѣсяцѣ іюнѣ, благодаря заботамъ Сильвестра Артецкаго, настоятеля монастыря и секретаря провинціи, началась закладка каменнаго монастыря.

1767 г. Сентябрь. Въ этомъ году имѣла быть созвана наша генеральная конгрегація, но не состоялась по случаю безпорядковъ въ ойчизнѣ, произведенныхъ диссидентами съ дизунитами и партіею Радзивилловскою. Всѣ они вмѣстѣ составили конфедерацію и требовали у сената свободы вѣроисповѣданія. Требованія ихъ подкрѣпляла Москва, къ которой они обратились за помощью.

Въ этомъ же году, какой-то инженерный офицеръ, посланный московскимъ правительствомъ, произво-

дилъ люстрацію всего придвинскаго края, т. е. описывалъ имѣнія, сколько въ каждомъ земли, на сколько она урожайна или неурожайна, описывалъ также рѣки, озера, мельницы, деревни, мѣстечка, города, чиншевые доходы, словомъ все касающееся экономіи края, и притомъ описывалъ не какъ инженеръ, а какъ ревизоръ. Ходила молва, что весь этотъ край до Двины будетъ отнятъ. Напуганные чины воеводства стали переселяться по ту сторону Двины. И нашъ монастырь, по ихъ примѣру, болѣе цѣнные вещи и утварь церковную отправилъ въ Судиловичи.

Октябрь. Въ Варшавѣ созванъ былъ экстраординарный сеймъ по настоянію дизунитовъ и диссидентовъ, при содѣйствіи Москвы. Послами на этотъ сеймъ явились почти всѣ приверженцы партіи Радзивилловской. Разсмотрѣніе жалобъ диссидентовъ было поручено особой коммисіи. Коммисія эта, волей не волей, принуждена была уступить требованіямъ диссидентовъ, т. е. дозволить полную свободу вѣроисповѣданія, строить новыя церкви и возобновлять старыя, дизунитамъ кромѣ того дозволено возвращать отнятыя у нихъ уніятами церкви,—право занимать всѣ высшія государственныя должности по всѣмъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ, кромѣ сената.

Нѣкоторые изъ сенаторовъ, а именно: Ржевусскій, польный гетманъ коронный, воевода краковскій; князь Солтыкъ, епископъ краковскій; Залусскій, епископъ куявскій, возстали противъ этихъ пунктовъ, за что были арестованы и подъ конвоемъ московскимъ отвезены въ Вильну, а оттуда въ Москву. Посламъ угрожали пыткой, а одного изъ нихъ, по имени Кожуховскаго, привязали къ пушкѣ и перевезли въ Литву. Князь Радзивиллъ, предводитель конфедераціи коронной, вопреки правамъ и конституціямъ, закрылъ сеймъ и велѣлъ тѣмъ же посламъ, подъ страхомъ лишенія

имущества и всѣхъ правъ состоянія, явиться вторично на сеймъ 2-го февраля.

1768 г. Февраль. Въ этомъ мѣсяцѣ, по ходатайству епископовъ нашихъ, вообще враждебныхъ нашему ордену, короли сдѣлали архимандріями *) слѣдующіе монастыри: виленскій, тороканскій, лавришовскій, пустынскій, мстиславскій и минскій. На виленскую архимандрію выданъ былъ привилей о. Володзкѣ, генеральному прокуратору нашему въ Римѣ; на тороканскую—Востоцкому, генеральному секретарю нашему; на лавришовскую— Гедройцю; на пустынскую— о. Горбацкому, пинскому номинату; на минскую— о. Сорокѣ. Узнавши объ этомъ, провинціалъ нашъ литовскій о. Никодимъ Карпинскій тотчасъ же разослалъ писсма къ высшимъ государственнымъ сановникамъ, преданнымъ нашему ордену, а королю послалъ меморіалъ чрезъ брата своего Ираклія Карпинскаго, бывшаго тогда прокураторомъ нашимъ въ Варшавѣ, человѣка извѣстнаго при дворѣ. Достигъ онъ по крайней мѣрѣ того, что приказано было разслѣдовать это дѣло.

Школы наши здѣшнія были въ такомъ близкомъ общеніи съ іезуитскими, что наши профессоры неменѣе 12 разъ въ годъ бывали на диспутахъ у іезуитовъ; въ свою очередь и іезуиты не менѣе 10 разъ въ

---

*) Монастыри, имѣвшіе титулъ *архимандрій* или аббатствъ, принадлежали къ числу королевскихъ *бенефицій*, которыя раздавались королями въ пожизненное владѣніе лицамъ какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія. Въ церковно-административномъ отношеніи, монастыри эти подчинялись власти митрополита, между тѣмъ какъ обыкновенные монастыри, такъ называемые *суперіорства* или *старшинства* подчинялись власти базиліанскаго генерала или протоархимандрита, а настоятели этихъ монастырей, называвшіеся обыкновенно суперіорами или старшими, избирались только на четыре года. Вслѣдствіе особенныхъ привиллегій аббатскихъ монастырей, невыгодныхъ для ордена, базиліане не допускали размноженія аббатствъ.

годъ бывали у насъ на диспутахъ. Дружба наша съ ними доходила до того, что когда они бывали у насъ или мы у нихъ, то каждый изъ насъ велъ себя въ гостяхъ, какъ дома; не проходило ни одной недѣли, чтобы мы у нихъ, или они у насъ не гостили.

Май. Въ праздникъ Тѣла Божія пригласилъ насъ для участія въ процессіи, самъ провинціалъ іезуитскій. Участвовало въ этой процессіи 10 человѣкъ изъ нашихъ. По правой рукѣ въ процессіи, наши занимали первое мѣсто. Послѣ процессіи насъ пригласили къ обѣду, на которомъ насъ угощали весьма усердно и радушно. Спустя недѣлю, была нами совершена такая же процессія по всему городу, по *нашему обряду*. Въ этой процессіи участвовали всѣ профессоры іезуитской коллегіи и занимали первое мѣсто по правой рукѣ. Мы пригласили ихъ къ ужину, который состоялъ изъ мясныхъ блюдъ (na kolacią mięsną), съ охотою согласились и прибыли. Веселились долго, до полуночи.

Три года тому назадъ, завистъивый врагъ церкви Божіей и св. вѣры, изгналъ о. іезуитовъ изъ сильнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ государствъ европейскихъ—Франціи, Испаніи и Португаліи; теперь опять съ новою силою бросился на св. церковь, хочетъ въ конецъ уничтожить іезуитскій орденъ. Воспротивилась было этому столица апостольская, угрожая отлученіемъ тѣмъ изъ владѣтельныхъ особъ, которые осмѣлятся изгнать изъ своихъ владѣній оо. іезуитовъ, ей взаимно угрожали войною (стр. 88).

Въ этомъ же году начали строить каменную церковь и монастырь въ Толочинѣ на средства фундаторки, княгини Сангушко (стр. 87—88).

Въ этомъ же, т. е. 1768 году, августа 25, окончена постройка каменнаго монастыря; начата она была 1752 г.

Писали намъ изъ Варшавы, будто наши епископы хотѣли хлопотать на сеймѣ объ отнятіи у насъ права самоуправленія, подъ тѣмъ предлогомъ, будто мы базиліане, не умѣемъ управлять собою безъ епископовъ. Чтобы предупредить грозившую намъ опасность, мы тотчасъ же отправили въ Варшаву на сеймъ генеральнаго викарія изъ провинціи коронной, о. Малковскаго и генеральнаго секретаря о. Коблянскаго; отправился также на сеймъ изъ нашей провинціи (литовской), провинціалъ о. Карпинскій и секретарь провинціи о. Новицкій, старшій виленскаго св. Троицкаго монастыря. Прибывши въ Варшаву, нашъ провинціалъ былъ два раза на аудіенціи у короля его милости. Король принялъ его весьма радушно, восхищался величественной его осанкой, хвалилъ его умъ и вообще нашелъ, что онъ достоинъ управлять провинціею и тѣми людьми, которые любятъ короля; пожелалъ ему даже быть генераломъ нашего ордена. По дѣлу о новыхъ архимандріяхъ приказалъ нарядить слѣдствіе. Былъ также о. провинціалъ и у министровъ литовскихъ и коронныхъ; всѣ приняли его весьма ласково, обѣщали помогать ему на сеймѣ, но къ несчастію сеймъ не состоялся, не прибыли послы (стр. 91).

Изъ Варшавы получили мы извѣстіе, что дворъ нашъ уничтожилъ нунціатуру въ Варшавѣ и все управленіе дѣлами церкви въ Польшѣ, передано примасу епископу. Бывшій тогда нунцій Ангелій Марія публично протестовалъ противъ этого распоряженія. Чрезъ двѣ или три недѣли, нунціатура была опять возстановлена. Въ концѣ этого года, король получилъ письмо отъ св. отца, въ которомъ онъ увѣщеваетъ короля твердо держаться вѣры католической, охранять ее и не дѣлать никакихъ уступокъ лютеранамъ, кальвинамъ и схизматикамъ. Король отвѣчалъ на это письмо смѣло, съ сознаніемъ своего достоинства, и да-

же довольно холодно; вообще отвѣтное письмо короля было написано довольно колко (стр. 86).

1768 г. Сентябрь. 26-го числа начались сеймики. Въ нашемъ монастырѣ остановился е. м. панъ Зеновичъ подкоморій. Сеймикъ продолжался четыре дня, но пословъ не выбрали; никто въ воеводствѣ не согласился на выборы, потому что конфедераты угрожали лишеніемъ имущества и всѣхъ правъ состоянія того, кто осмѣлится явиться на сеймъ посломъ.

Во время сеймиковъ, всѣ войска русскія, бывшія въ Полоцкѣ, вышли за городъ; по окончаніи сеймиковъ, опять возвратились въ городъ. Всѣ войска были на сторожѣ: спали только днемъ, потому что боялись нападенія конфедератовъ.

4-го октября гостили у насъ всѣ русскіе офицеры; послѣ обѣда пили кофе, мы пропѣли имъ *многая лѣта,* чѣмъ они остались очень довольны. Пробыли у насъ до четвертаго часа. На другой день, русскія войска вышли изъ города весьма поспѣшно и направились къ Минску; подъ Несвижемъ встрѣтились съ конфедератами минскими, ошмянскими и слонимскими, и всѣхъ ихъ разогнали, а самаго Радзивилла *вѣжливо* попросили отправиться въ Варшаву (стр. 90).

1769. Еще предъ праздникомъ Рождества Христова прибыло въ Полоцкъ три полка русскаго войска. Полковникъ кн. Голицынъ прислалъ къ намъ наканунѣ Рождества Христова узнать, будетъ ли у насъ, и въ которомъ часу, всенощная и обѣдня. Я самъ (настоятель) отправился къ нему съ визитомъ и разсказалъ все подробно. Ко всенощной онъ не прибылъ, былъ только у обѣдни. Мы пригласили его съ 12 офицерами къ обѣду и пропѣли имъ *многая лѣта,* чѣмъ они остались довольны. За обѣдомъ играла музыка (kapellia). Самъ князь былъ весьма вѣжливъ. Всѣ три полка ничего не взяли отъ нашего монастыря,

когда какъ отъ другихъ брали все, что имъ нужно было; впрочемъ брали немного, платили умѣренно, никому значительной обиды не сдѣлали (стр. 92).

1-го января, память Василія В., патрона базиліанскаго ордена.—На утрени, послѣ Славославія великаго было Renovatio votorum, т. е. возобновленіе или повтореніе монашескихъ обѣтовъ. Службу совершали оо. іезуиты. Обѣдню пѣтую (śpiewana msza), совершалъ самъ ректоръ коллегіи въ сослуженіи съ 12 схоластиками; другіе профессоры коллегіи, отслужили каждый по одной *читанной* обѣдни.

Въ этомъ же году, наши архимандриты (opaci nasi,) писали въ конгрегацію пропаганды и ко двору и къ министрамъ польскимъ, прося, чтобы имъ однимъ только было предоставлено право быть генералами ордена и провинціалами (стр. 93).

Іюль. По распоряженію генерала нашего Билинскаго, получили мы чрезъ своего провинціала оповѣщеніе на генеральную конгрегацію, которая назначена была 26 числа въ Брестѣ, или въ Бѣломъ. Оповѣщеніе это (innotescentia) было прочитано народу, которому заповѣдано молиться о благополучномъ исходѣ конгрегаціи.

3-го августа отправились мы на генеральную конгрегацію, которая назначена была въ Брестѣ въ день Успенія Пресв. Богородицы, но не состоялась по той причинѣ, что тогдашній митрополитъ Филипъ Володковичъ, скрываясь отъ москалей, ушелъ въ Пруссію. Коадъюторы его, Левъ Шептыцкій, епис. львовскій и Антоній Млодовскій, еписк. владимірскій, тотчасъ же сообщили объ этомъ въ Римъ и получили оттуда приказъ управлять дѣлами митрополіи. Узнавши объ этомъ, митрополитъ тотчасъ же возвращается въ отечество, въ свою епархію, но коадюторы его нетолько не позволили ему управлять митрополіею, но не до-

зволили ему даже председательствовать на предстоящей конгрегаціи; кромѣ того, они выхлопотали въ нунціатурѣ распоряженіе о закрытіи конгрегаціи, которая по этому и несостоялась. И такъ мы принуждены были съ посрамленіемъ возвратиться назадъ.

Въ эти же дни получены были универсалы отъ Барской конфедераціи (польской), поляки просили Литву и Русь принять участіе въ конфедераціи. Въ Гродну и Вильну прибылъ Пулавскій съ 4,000 конфедератовъ (стр. 95—96).

12-го сентября прибылъ въ нашъ монастырь съ женою и дѣтьми воевода мстиславскій—Плятеръ. О. Долматъ привѣтствовалъ его милость рѣчью на латинскомъ языкѣ, а о. Зайковскій привѣтствовалъ ее милость рѣчью на польскомъ языкѣ. Воевода съ сыновьями выпили по рюмкѣ венгерскаго вина, а ея милость съ дочерьми отправились въ женскій монастырь на кофе.

Декабрь. Просили оо. іезуитовъ на торжество въ день Василія Великаго. Присланъ изъ Рима новый ректоръ коллегіи о. Черневичъ, — человѣкъ знатной фамиліи, любезный и вообще достойный уваженія. Въ первый день Рождества Христова, онъ былъ у меня съ визитомъ, но не засталъ въ келіи,—я совершалъ въ это время литургію, принялъ его о. *примаріушъ*. На слѣдующій день я отплатилъ ему визитъ. Принялъ меня весьма ласково. Ѣздилъ я къ нему еще разъ съ приглашеніемъ на торжество въ день св. Василія Великаго. Отказался отъ предложенія по слабости здоровья и потому между прочимъ, что боится холода; вмѣсто себя обѣщалъ послать предшественника своего, о. Пончковскаго, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы онъ (Пончковскій) служилъ съ своею *капелліею* (музыка съ пѣвчими), а не съ струнь-

скою *), потому, что нѣкоторые изъ этой *капелліи* находятся подъ запрещеніемъ за оскорбленіе причиненное прокуратору ихъ спасскому Топчинскому, въ противномъ случаѣ они отказываются отъ участія въ торжествѣ. Поѣхалъ я въ Струнь и сообщилъ объ этомъ архіепископу. Извѣстіе это очень удивило его и огорчило. Возвратившись домой, я вскорѣ получилъ отъ преосвященнаго записку, въ которой пишетъ, что онъ не можетъ снесть такого униженія для себя и проситъ меня ни въ чемъ не уступать оо. іезуитамъ,—а нужно замѣтить, что іезуиты уже начали объ этомъ дѣло въ нунціатурѣ. Отправляюсь я съ этой запиской опять въ коллегію и объявляю волю архіепископа. Всѣ оо. іезуиты бывшіе въ это время въ келіи ректора,—а ихъ было около 10 чел.,—единогласно отвѣчали, что они не могутъ быть у насъ на торжествѣ въ день св. Василія Вел., и что *казнодей* (проповѣдникъ) ихъ, который готовилъ къ этому дню проповѣдь, произнесетъ ее въ наступающее воскресенье въ своей церкви,— а память св. Василія Вел. была въ пятницу. Какъ сказали, такъ и сдѣлали: никто изъ нихъ не прибылъ къ намъ въ день св. Василія, — отпраздновали они у себя въ воскресенье. Но такъ какъ не мы и не они были причиною этого, то очень извинялись передъ нами, обѣщали и на будущее время находиться въ такихъ же братски-дружескихъ отношеніяхъ къ намъ, какъ и прежде, лишь бы только благополучно кончить имъ въ нунціатурѣ свой процессъ съ архіепископомъ. И дѣйствительно, какъ и прежде, они бывали у насъ, а мы у нихъ; и диспуты богословскіе и философскіе поочередно бывали у насъ и у нихъ. Въ Струнѣ, во все время процесса, ни съ визитами, ни съ привѣт-

*) *Струнь,* резиденція полоцкаго уніатскаго епископа, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Полоцка.

ственными рѣчами *оратія* не бывали. Огорченный и униженный (zhanbiony) архіепископъ нашъ также небылъ на торжествѣ. Литургію совершалъ въ этотъ день ксендзъ Горбацкій, изъ свѣтскаго клира, по латинскому обряду, въ сослуженіи съ нашей братіею.

1770 г. Февраль. Въ первыхъ числахъ этого мѣсяца, начались сеймики. Въ монастырѣ нашемъ остановился подкоморій Зеновичъ. Засѣданія сеймика происходили въ одной изъ монастырскихъ залъ. На первыхъ засѣданіяхъ ничего ровно не сдѣлали, только спорили, и довольно горячо, произошло даже нѣкоторое разъединеніе и разногласіе. На третій день, изъ опасенія, чтобы не произошло какихъ нибудь безпорядковъ, засѣданія производили въ нашей церкви. Засѣданіе продолжалось цѣлый день, съ 8-ми часовъ утра до 7-ми часовъ вечера, депутатовъ однако не выбрали, хотя соискателей было 12 чел., изъ нихъ согласились было выбрать четырехъ, но гг. Корсаки требовали подачи голосовъ. Панъ подкоморій, бывшій на сторонѣ партіи Пржисецкихъ, видя, что партія Корсака вдвое и даже втрое больше его партіи, не согласился на подачу голосовъ. Обѣ эти партіи хотѣли имѣть каждая своего депутата. Изъ церкви вышли въ канцеллярію. Корсаки протестовали на подкоморія, что вопреки праву не согласился на подачу голосовъ, а подкоморій на Корсаковъ за превышеніе власти.

Мартъ. Получено декретъ изъ конгрегаціи пропаганды по дѣлу нашихъ аббатовъ (архимандритовъ), хлопотавшихъ, чтобы протоархимандритъ и провинціалы наши избирались изъ ихъ круга: nihil esse innovadum—отвѣчала на ихъ просьбу конгрегація пропаганды (стр. 97—100).

Декабрь 16. По распоряженію папы Климента XIV, былъ объявленъ по всей епархіи двухнедѣльный юби-

лей. Начался онъ такимъ образомъ: за нѣсколько недѣль предварительно разосланы была печатныя объявленія по всѣмъ приходамъ, а въ городахъ прибиты афиши къ дверямъ церквей (уніятскихъ) и костеловъ. Юбилей начался въ субботу у францишкановъ; въ этотъ же день прибылъ къ намъ и нашъ преосвященный. На слѣдующій день въ 7 часовъ утра, преосвященный отправился къ францишканамъ. Окончивши утреню, отправились и мы всѣ къ францишканамъ. Въ 8 часовъ, началась читанная обѣдня, которую совершалъ францишканецъ. Нашъ преосвященный сидѣлъ на особой скамеечкѣ, а мы всѣ вмѣстѣ на скамейкахъ, доминикане съ крестомъ тоже сидѣли на особомъ мѣстѣ. Послѣ проповѣди началась *суппликація* *). По окончаніи ея, нашъ преосвященный въ мантіи, омофорѣ и въ митрѣ, сталъ предъ большимъ алтаремъ, всѣ мы тоже облачились въ ризы и стали вмѣстѣ съ преосвященнымъ. Послѣ обычнаго начала: „Благословенъ Богъ нашъ, Царю небесный, Отче нашъ помилуй мя Боже, начали пѣть канонъ покаянный; *Помощникъ и Покровитель*, и съ пѣніемъ его вышли изъ костела съ крестнымъ ходомъ уже около 9 час. утра. Въ первыхъ рядахъ шли съ крестомъ францишкане, затѣмъ доминикане, а за ними мы базиліане. Звонили во всѣхъ костелахъ и церквахъ, даже у схизматиковъ. Отъ францишкановъ крестный ходъ направлялся Малою улицею къ рынку, оттуда мимо іезуитскаго костела къ Двинѣ, въ замкѣ; іезуиты однако не вышли на встрѣчу, въ чемъ на слѣдующій день, извинялись чрезъ своего провинціала. Стеченіе народа было громадное, было много и русскихъ офицеровъ въ парадныхъ мундирахъ, а солдаты хоть издали, въ сторонѣ, шли до самаго каѳедральнаго собора. Только въ со-

*) Покаянный молебенъ или канонъ.

боръ отозвалась музыка, а до сихъ поръ не играла. Съ пѣніемъ покаяннаго канона, процессія вошла въ соборъ, нашъ преосвященный тотчасъ же началъ служитъ читанную обѣдню; викарій нашъ сказалъ проповѣдь о юбилеѣ и разсказалъ весь порядокъ его. Во время проповѣди, преосвященный сидѣлъ на тронѣ; послѣ проповѣди направился къ большому алтарю и началъ пѣть латинскую „супликацію“ *на польскомъ языкѣ*. Богослуженіе кончилось въ 12 часовъ. Послѣ обѣда въ 2 часа, данъ былъ звонъ на поученіе (*на наукенъ*); въ 3 часа началась вечерня съ проповѣдью и „супликаціей.“ Въ такомъ порядкѣ совершалось богослуженіе въ теченіи двухъ недѣль. Исповѣдующихся такъ было много, что каждый день въ конфессіоналахъ (исповѣдальняхъ) сидѣло по 10 и по 12 исповѣдателей; слушалъ исповѣдь даже самъ преосвященный (стр. 111—112).

Сентября 2-го. Судъ открылъ свои публичныя засѣданія. Съ 12 на 13 число ночью, прибыли въ городъ конфедераты, или лучше сказать своевольная толпа бродягъ оршанскихъ, моршанскихъ и др., подъ предводительствомъ Штейна, коморника В. Кн. Литов. Было ихъ, какъ разсказываютъ, около полутораста человѣкъ. Отрядъ ихъ изъ 50 всадниковъ, подъ предводительствомъ Гозіуша и Шолухи, отправился въ Струнь, резиденцію нашего архіепископа. Прибывши туда, бродяги эти раздѣлились на нѣсколько отрядовъ; одинъ изъ нихъ окружилъ архіерійскія палаты; другой—архіерейскія службы; третій—стоялъ у конюшень. Предводители вошли въ палаты и *просили* архіепископа дать имъ лошадей и музыкальные инструменты; между тѣмъ стоявшая на дворѣ толпа бродягъ уже распоряжалась архіерейскимъ добромъ, не дожидаясь чьего бы то ни было распоряженія. Одни забирали лошадей, другіе шарили по всѣмъ угламъ,

ищя музыкальныхъ инструментовъ и оружія. Однихъ лошадей забрали около 49; забрали также оружіе, порохъ, свинецъ, и со всею этою добычею возвратились опять сюда въ городъ. Около 8 часовъ утра, когда судьи открыли свои публичныя засѣданія, прибылъ Штейнъ съ 20 всадниками и остановился предъ судебною камерою. Спѣшивъ, онъ вошелъ въ камеру со свитою изъ 3 человѣкъ, просилъ судей занять свои мѣста; затѣмъ потребовалъ себѣ голоса и сталъ говорить о конфедераціи, подалъ для записи въ актовыя книги свое заявленіе, приказалъ подать реестръ дѣлъ назначенныхъ къ разбирательству и протоколы засѣданій и затѣмъ велѣлъ закрыть засѣданіе.

Изъ судебной камеры Штейнъ со свитою отправился въ нашъ монастырь, потомъ пошли въ архивъ, гдѣ хранились дѣла цѣлаго воеводства, забрали всѣ дѣла со времени королевской коронаціи, сложили ихъ въ одной изъ монастырскихъ келій, заперли ее и запечатали. Очевидцемъ всего этого, какъ въ судѣ, такъ и въ архивѣ, былъ я самъ, настоятель монастыря. Я попросилъ ихъ къ себѣ, но они недолго пробыли у меня, только нѣкоторые выпили по рюмкѣ водки. Въ этотъ день былъ приготовленъ у меня обѣдъ для судей, и уже накрытъ былъ столъ на 16 человѣкъ. Я попросилъ и ихъ отобѣдать, но они не согласились, просили только прислать имъ рыбы, такъ какъ это была пятница, что я и исполнилъ. Затѣмъ конфедераты ушли. Сѣли мы обѣдать. Едва мы успѣли откушать первое блюдо, какъ растворились двери моей келіи и вошелъ вицемаршалокъ конфедератовъ Новацкій и спросилъ: „кто здѣсь г. судья Сволынскій?“ Сволынскій всталъ и сказалъ: „Я Сволынскій.“ Вы посадили въ тюрьму г. Норницкаго?—„Я и весь гродскій урядъ.“—Прошу васъ сейчасъ же освободить его и дать въ томъ росписку. Росписка тотчасъ же

была написана, и Норницкій былъ освобожденъ. Я просилъ вицемаршалка отобѣдать вмѣстѣ съ нами, но онъ отказался и ушелъ. Послѣ обѣда судьи не отправляли судовъ, потому что забраны были актовыя книги; весь вечеръ они провели въ моей келліи. Ночью мы послали экипажъ въ Струнь за архіепископомъ; онъ вскорѣ прибылъ къ намъ. Пока мы совѣтовались, что дѣлать, какъ получили извѣстіе, что конфедераты вышли изъ города на Махировъ и Бѣлый въ Волынецъ.

14 числа въ субботу, не осталось въ городѣ ни одного конфедерата, потому что русскіе войска были въ нѣскольких верстахъ отъ города. И въ этотъ день обѣдали у меня судьи, гродъ и палестра. Между тѣмъ пришли въ городъ русскія войска: было ихъ около 700. Вечеромъ отправились мы въ Струнь для совѣщаній.

15-го числа въ воскресенье, прибыли конфедераты въ Волынецъ, всѣ исповѣдались и причастились у оо. доминикановъ. Около полудня, прибыли туда русскіе войска изъ Дисны, внезапно напали на конфедератовъ и разогнали ихъ, многихъ взяли въ плѣнъ, многихъ также ранили и убили; спаслись бѣгствомъ только маршалокъ и вице-маршалокъ съ нѣсколькими всадниками. Какъ скоро пришла москва въ городъ, тотчасъ же была отперта келія, въ которой запечатаны были актовыя книги, самъ маіоръ Катаевъ снялъ печать, выдалъ книги и велѣлъ судьямъ продолжать свои засѣданія. (Majarzyli, a nie sądzili) (122—123).

Въ сентябрѣ этого года, приключилось ужасное несчастіе съ поляками, или лучше сказать, съ нашими литовцами. Гетманъ литовскій Огинскій издалъ приказъ, въ коемъ велѣлъ всѣмъ войскамъ, какъ польскимъ такъ и литовскимъ, собраться въ его имѣніе Телеханы. Собралось всѣхъ около 6,000; въ Телеханяхъ (около

Пинска) произошла стычка съ отрядомъ русскихъ войскъ, который отступилъ съ значительнымъ урономъ. многіе попались даже въ плѣнъ. Изъ подъ Пинска, гетманъ направился сюда наРусь и пошелъ подъ Миръ. Услышавши о приближеніи русскихъ войскъ, воротился въ Столовичи со всѣми своими войсками. Здѣсь нечаянно напалъ на нихъ генералъ Суворовъ и поразилъ ихъ на голову; 374 человѣкъ взялъ въ плѣнъ; самъ гетманъ едва спасся бѣгствомъ, Весь обозъ, артиллерія, войсковая касса около 55 т. червонныхъ золотыхъ, все досталось непріятелю,—не говоря уже о золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, принадлежавшихъ гетману и его товарищамъ. Гетманъ отъ стыда убѣжалъ за границу въ Парижъ. Это страшное, почти невѣроятное пораженіе, тѣмъ было удивительнѣе, что нашихъ было около 6000 съ 16 пушками, тогда какъ русскихъ войскъ было не болѣе 2000 съ 2 пушками (стр. 126).

16-го ноября. Получено извѣстіе изъ Варшавы о покушеніи на жизнь короля нашего Станислава-Августа Понятовскаго. 3-го ноября, въ воскресенье, около 9 часовъ вечера, король посѣтилъ больнаго канцлера литовскаго, кн. Чарторійскаго. Когда король возвращался во дворецъ, убійцы (конфедераты) встрѣтили его на улицѣ, выстрѣлили и прострѣлили карету, остановили ее, вытащили короля и пѣшкомъ повели за городъ, но не убили. Король какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти. По всему королевству былъ объявленъ благодарственный молебенъ за спасеніе его жизни.

1-го декабря. Прибыло въ Полотскъ около 600 русскаго войска, подъ командою маіора Литвинова,—человѣка дѣльнаго, любезнаго, доступнаго и справедливаго.

5-го декабря. Прибылъ къ намъ землемѣръ витебскій Вольфъ, для окончанія дѣла нашего съ инокинями и для измѣренія всей ихъ монастырской земли въ чертѣ города. Началъ онъ мѣрить отъ вала городскаго по направленію къ нашей юриздикѣ и вымѣрилъ 2 шнура, т. е. 50 саженъ; мы проиграли; потому что дѣйствительно мы, по немногу захватывая земли принадлежащей инокинямъ значительно расширили предѣлы своей юриздыки; а когда началъ мѣрить отъ іезуитскаго огорода, то отмѣрилъ 40 саж., такъ что намъ осталось только 3 сажени отъ дороги. Мы уступили инокинямъ, снисходя къ ихъ бѣдности, всю отрѣзанную землю и со всѣми даже постройками и съ домомъ, въ которомъ жилъ монастырскій докторъ; спорили также о *свинтарь* *), но такъ какъ архіепископъ нашъ не отстаивалъ, то и мы уступили. Такимъ образомъ владѣнія инокинь примкнули почти къ самому каѳедральному собору, такъ что едва-едва осталось мѣста для крестнаго хода вокругъ церкви. Лѣтъ нѣсколько тому назадъ о. Конарскій, старшій монастыря, построилъ на самой границѣ ихъ владѣній каѳедральную колокольню, и за это монастырь нашъ заплатилъ 50 талеровъ.

Послѣ всего этого предостерегаю будущихъ старшинъ (настоятелей) монастыря, чтобы они не водили дружбы съ инокинями и не вѣрили бы имъ на словѣ. Пусть не забываютъ старшіе, что инокини ни во что ставятъ наши услуги, считаютъ ихъ даже обязательными съ нашей стороры. А братія наша тому и рады. Раскаятся когда нибудь старшіе, какъ я теперь. Живи же послѣ этого съ ними дружелюбно, по-братски, по уставу отца нашего Василія В. и по заповѣдямъ Хри-

*) *Свинтарь*, кладбище при церкви и вообще все пространство въ церковной оградѣ.

стовымъ! Люби ихъ какъ сестеръ о Христѣ, но обращайся съ ними осторожно и предусмотрительно!... Особенно братію сохрани Богъ отъ знакомства съ инокинями. Что испыталъ я самъ лично въ теченіи 12 лѣтъ, не хочу распространяться. Пусть же помнятъ это и братія и старшіе.

Тотъ же землемѣръ вымѣрилъ всю землю вокругъ монастыря, въ предѣлахъ монастырской ограды. Дѣлали мы это *секретно*, чтобы впослѣдствіи было на что опереться, потому что пространство это не было до сихъ поръ вымѣрено, было только *описаніе русское*, какъ когда-то передавали это мѣсто архіепископамъ, особенно блаж. Іосафату (Кунцевичу). И этотъ впрочемъ документъ хранится въ архивѣ архіепископскомъ, у насъ только копія. Необходимо отстаивать право наше на владѣніе колодеземъ, вырытымъ на пограничной межѣ, равно какъ и Благовѣщенскою церковью (стр. 128).

20 декабря. Праздникъ Непорочнаго Зачатія. Наканунѣ прибылъ и ночевалъ у насъ архіепископъ; послѣ суммы (католической пѣтой обѣдни), отслужилъ читанную обѣдню. Въ этотъ же день, въ присутствіи всѣхъ членовъ воеводства, русскихъ офицеровъ и монаховъ всѣхъ здѣшнихъ орденовъ, пѣли благодарственный молебенъ по случаю спасенія жизни короля. Послѣ молебна всѣ гости, 50 слишкомъ человѣкъ, приглашены были на обѣдъ. Пили за здоровье императрицы, въ угоду русскимъ офицерамъ и е. м. короля польскаго, при чемъ играла музыка и стрѣляли изъ пушекъ.

21 декабря. Съ почты изъ Варшавы получили оповѣщеніе отъ имени нунція на конгрегацію. Оповѣщалъ самъ нунцій, потому что генералъ нашъ умеръ, а о викаріи его (помощникѣ) шелъ споръ. По этому, по распоряженію конгрегаціи пропаганды, самъ нунцій созывалъ конгрегацію. День съѣзда назначилъ 2-го

февраля *Срѣтенія*, въ Брестѣ-Литовскомъ; предсѣдателемъ конгрегаціи, тоже по распоряженію конгрегаціи пропаганды, на этотъ разъ назначенъ епископъ луцкій Рудницкій. Почему устраненъ отъ предсѣдательства митрополитъ нашъ, который, по конституціямъ нашимъ, долженъ предсѣдательствовать на конгрегаціяхъ, объясняется тѣмъ, что Володковичъ, тогдашній митрополитъ, былъ въ немилости при дворѣ и самъ король былъ весьма недоволенъ имъ (стр. 129).

2 февраля. День назначенный для съѣзда конгрегаціи. На канунѣ этого дня прибылъ назначенный нунціемъ предсѣдатель (Еп. луцкій—Рудницкій) и остановился у доминикановъ. Засѣданія конгрегаціи открылись 3 февраля. На первыхъ засѣданіяхъ произведены выборы генерала, помощника его, провинціаловъ, консульторовъ, прокураторовъ и др. орденскихъ чиновъ. Послѣ выборовъ приступили къ рѣшенію дѣлъ и вопросовъ, касающихся провинцій или цѣлаго ордена. Постановлено между прочимъ, чтобы во всѣхъ монастыряхъ кассиры были присяжные, назначили каждому монаху *на рясу* (habitowego) выдавать ежегодно отъ 60 до 100, неболѣе, польскихъ злотыхъ, а старшимъ или настоятелямъ монастырей не болѣе 150 зл.; изъ постороннихъ доходовъ старшимъ позволено удерживать въ свою пользу только 100 зл., остальное должны записать на приходъ. Кромѣ того приказано ежегодно давать каждому монаху пару рубашекъ холщевыхъ или полотняныхъ (kużelnych czy tkackich), одну простыню, пару наволочекъ и пару туфлей. Каждый полнокомплектный монастырь долженъ имѣть своего сапожника, портного, прячку и цырульника. Опредѣлено также, чтобы во всѣхъ монастыряхъ обѣдъ состоялъ не менѣе какъ изъ четырехъ блюдъ, а ужинъ изъ трехъ; прибавка отъ воли старшаго. Относительно формы верхней одежды опре-

дѣлено было, чтобы рясы шились съ узкими рукавами, а не съ *широкими, висячими,* какъ у свѣтскихъ священниковъ. Постановлено также, чтобы во всѣ праздничные дни монахи стояли на клиросѣ и на Литіи выходили непремѣнно въ мантіяхъ. Если позовутъ монаха къ больному, и ему придется ѣхать въ тѣлежкѣ или верхомъ, чтобы выѣзжали всегда въ монашеской одеждѣ, а не въ нѣмецкихъ плащахъ, особенно бѣлыхъ (стр. 132—134).

18 іюня. По распоряженію русскаго генерала Кохановскаго приказано было нашимъ русскимъ священникамъ списывать дома и прихожанъ въ своихъ приходахъ; жидамъ арендаторамъ приказано представить контракты, сколько платятъ аренды за содержаніе корчемъ, приказано также описать города, мѣстечки, костеты, монастыри, дома, плацы и т. п. Въ слѣдствіе этого распоряженія и я долженъ былъ представить полную опись своего монастыря.

19 іюня. Узнали мы изъ газетъ, что король прусскій отнимаетъ польскую Пруссію, ставитъ уже свой гербъ, выбираетъ подати, укрѣпляетъ города, что *цесарь* (австрійскій) отнимаетъ землю Саноцкую и Галицкую, а Москва, будто бы, намѣрена взять Бѣлоруссію по р. Березину (стр. 140).

10 іюля. День св. Апостоловъ Петра и Павла *). Въ этотъ день прибылъ въ монастырь нашъ преосвященный и служилъ *читанную* обѣдню, послѣ обѣдни просилъ на обѣдъ русскихъ офицеровъ, нѣкоторыхъ чиновниковъ воеводства и магистрата и всѣхъ настоятелей латинскихъ монастырей. По окончаніи богослуженія, когда настунило время обѣда и наши иноки уже всѣ вышли изъ церкви и собрались въ столовую, въ это время явился *аудиторъ* архіепископа и объя-

*) Вѣроятно по римскому календарю.

вилъ отъ его имени, чтобы мы всѣ опять собрались въ церковь. Когда собрались мы въ церковь, намъ приказано было пѣть молебенъ. Въ концѣ молебна маіоръ русскихъ войскъ приказалъ читать и пѣть эктенію о здравіи пресвѣтлѣйшей русской императрицы и ея наслѣдника. Когда преосвященный доложилъ маіору, что въ нашихъ книгахъ нѣтъ такой эктеніи, маіоръ сейчасъ же написалъ ее карандашемъ и подалъ преосвященному. Преосвященный опять сказалъ маіору, что нашъ діаконъ *не умѣтъ* читать русской скорописи. Маіоръ на это отвѣтилъ: „такъ напишите эту эктенію *вашими* польскими буквами.“ Преосвященный написалъ и подалъ діакону, который произнесъ: „Еще молимся о благочестивѣйшей и самодержавнѣйшей государинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ: многая лита! „Когда мы пѣли „*многая лѣта*,“ стрѣляли изъ четырехъ пушекъ, стоявшихъ на полѣ почти предъ моими настоятельскими окнами. По прочтеніи этой эктеніи, діаконъ опять произнесъ: „Еще молимся Господу Богу о наслѣдникѣ ея величества благовѣрномъ цесаревичѣ и великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ: „многая лѣта.“ При этомъ опять стрѣляли изъ пушекъ.

23 іюля. Около 5 часовъ по полудни начался сильный пожаръ, истребившій почти всю большую улицу, начиная отъ еврейской бани, съ которой начался пожаръ, до самаго замка.

II.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ПАРАГРАФЫ О КІЕВѢ,

МИХАИЛА МАКСИМОВИЧА.

§ 3.

О двукратномъ возобновленіи Трехсвятительской церкви въ 17-мъ вѣкѣ.

Первое возобновленіе было въ митрополитство Петра Могилы. Въ книгѣ Закревскаго сказанно такъ: „еще въ 1646 году Бопланъ видѣлъ ея остатки: уцѣлѣли только двѣ полуразрушенныя стѣны вышиною отъ 5 до 6 футовъ, покрытыя греческими надписями. Болѣе четырехъ сотъ лѣтъ церковь эта лежала въ развалинахъ; потомъ была исправлена (вѣроятно Петромъ Могилою 1632—1647) г.) и приписана къ Братскому монастырю“... (Стр. 209).

Я нахожу, что это сказаніе неисправно и недостаточно. Зачѣмъ здѣсь слово: *вѣроятно?* Если Бопланъ видѣлъ эту церковь 1646 года еще *въ развалинахъ,* то невѣроятно, чтобы она была *исправлена* Петромъ Могилою, котораго жизнь окончилась съ послѣднимъ днемъ того 1646 года. Если же она была исправлена въ его митрополитство, какъ это *достовѣрно,* то невѣроятно, чтобы Бопланъ видѣлъ ее 1646 года въ развалинахъ. Означенные у Закревскаго годы 1632—1647 ничего тутъ не объясняютъ; да они и поставлены не совсѣмъ вѣрно: ибо митрополитство Петра Могилы началось въ 1633-мъ году, а окончпосьл

вмѣстѣ съ 1646-мъ. Онъ скончался *въ 4 часу ночи* противъ новаго года, съ четверга на пятницу, какъ это сказано въ лѣтописи Ерлича, близкаго тому свидѣтеля. Но о началѣ Могилиного митрополитства сказано въ той лѣтописи не совсѣмъ *обстоятельно*, особенно же о посвященіи его во Львовѣ. Слѣдуя показанію Ерлича Евгеній (въ описаніи кіевософійскаго собора на 170 страницѣ) сказалъ, что Могила „вызвалъ въ Львовъ волошскаго митрополита съ епископами и тамъ, того же (1632) года, принялъ отъ нихъ посвященіе" и прибавилъ, что „оттуда онъ возвратился опять въ Краковъ на коронацію короля Владислава IV, бывшую 6 февраля 1633 года". Для болѣе вѣрной опредѣленности, я скажу, что на избирательномъ сеймѣ, бывшемъ въ *ноябрѣ* 1632 года, выбраны были два кандидата на митрополію кіевскую: архимандритъ печерскій *Петръ Могила* и подстароста винницкій *Михаилъ Ласко*. (Актъ избранія помѣщенъ мною въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1867 г. п. 8). Новый король утвердилъ перваго кандидата Петра Могилу; но его посвященіе во Львовѣ было уже послѣ коронаціи, *въ апрѣлѣ* 1633 года, и было оно совершено соборомъ *четырехъ* епископовъ православной митрополіи кіевской, а именно: *Исаакія Борисковича*, епископа луцкаго и острожскаго, *Аврамія*, пинскаго и туровскаго, *Паисія Ипполитовича*, холмскаго и бельзскаго и *Іереміи Тисаровскаго*, епкископа львовскаго, галицкаго и каменецъ-подольскаго. Я заимствую это свѣдѣніе изъ современной *лѣтописи львовской*, ближайшее свидѣтельство которой, въ этомъ случаѣ, важнѣе показанія Ерлича. Да и митрополитъ Евгеній, если бы зналъ лѣтопись львовскую, онъ предпочелъ бы ея свидѣтельство. Вотъ подлинныя ея слова: „тогожъ року (1633) Петръ Могила воеводичь молдавскій, архимандритъ кіевскій печерскій, въ Львовѣ посвящался у святой Пречистой на митрополитство. А было при посвященю владикъ че-

тыре: 1) *Аврамій* владика смоленскій 2) *Еремыя* владика львовскій, 3) *Исаакій,* 4) *Паисій* мѣлецкій *); архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ барзо много; также и шляхты русской и польской, и людей барзо много. А першое посвящене было въ середу святочную (бо святого Юра было), другое въ суботу, а третое въ недѣлю проводную; и апарата взялъ на себе, которыи самъ патріархъ святѣйшій посвящовалъ".

Въ Кіевъ возвратился *митрополитъ* Петръ Могила къ *іюлю* того года.

Возвращая въ свое вѣдомство отъ уніатовъ православные монастыри и церкви, онъ отобралъ въ томъ числѣ бывшую въ ихъ рукахъ и уже запустѣлую церковь Трехсвятительскую, съ принадлежавшими къ ней угодьями, и отдалъ ее въ распоряженіе Братскаго монастыря, за которымъ и была она утверждена грамотою Владислава IV, данною 12 мая 1638 года. Тогда приступлено было къ ея исправленію, и оно производилось въ 1639-мъ году. Въ моихъ „запискахъ о первыхъ временахъ кіевскаго богоявленскаго братства", напечатанныхъ 1865 года въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ сказано уже, что „возстановленіемь трех-святительской церкви, по порученію Петра Могилы, занимался игуменъ братскаго монастыря *Леонтій Андреевичъ Боронкевичъ*". Такъ какъ это свѣденіе еще ново для кіевоописателей и упущено изъ виду Закревскимъ, то я пополню его теперь изъ современныхъ свидѣтельствъ, напечатанныхъ 1861 года, въ 3 томѣ „актовъ южной и западной Россіи".

Въ началѣ 1640 года Петръ Могила нарядилъ посольство въ Москву, къ царю Михаилу Ѳедоровичу для испрошенія милостыни на устроеніе разоренныхъ церквей кіевскихъ. Въ числѣ посланныхъ, были *Игнатій Оксе-*

*) Прежній игуменъ мѣлецкій — Паисій, къ своему епископскому титулу прибавлялъ: «и строитель монастыря Мѣлецкаго.»

новичъ Старушичъ, намѣстникъ митрополіи кіевской и архимандріи печерской, *Сильвестръ Ясинскій,* игуменъ выдубецкій, и *Леонтій Бронкевичъ,* игуменъ кіевобратскій. Они выѣхали изъ Кіева 9 февраля, въ Москву прибыли 5 марта, а 9 апрѣля приняты были у государя; и дано имъ государево жалованье—игуменамъ по камкѣ адамашка, по 40 соболей и денегъ по 15 рублей. Леонтій, въ своей челобитной (см. въ *актахъ* № 40), объяснялъ, что церковь Трехъ Святителей, воздвигнутая св. княземъ Владиміромъ во имя ангела своего св. Василія Великаго, стояла долго пуста и разорена, а теперь митрополитъ Петръ Могила выдвигнулъ ту первоначальную церковь отъ отступниковъ православной вѣры, и отдалъ ее подѣлывать и строить ему Леонтію и всему братскому монастырю; и что онъ началъ ее подѣлывать, но устроить ее всѣмъ—сосудами, ризами и книгами, стало ему не подъ силу; а потому проситъ онъ у государя милостиннаго жалованья. И по указу царскому выдано было Леонтію: пять печатныхъ книгъ *Миней*—апрѣль, май, іюнь, іюль и августъ, и соболями *сто* рублей.

Здѣсь, къ названію церкви *первоначальною,* можно вспомянуть слова изъ тератургимы: „церковь св. Василія, *первые всѣхъ* созданная Великимъ Владиміромъ“. Таково было тогдашнее понятіе о ней у кіевлянъ.

По возвращеніи посольства изъ Москвы, игуменемъ Братскаго монастыря сталъ вышепомянутый *Игнатій Старушичъ;* и дана ему была новая королевская грамота, отъ 7 іюня 1640 года, на Трехъ-Святительскую церковь и на бывшую, близь нея Воздвиженскую, съ принадлежавшими къ нимъ издавна угодьями. Игнатій не замедлилъ, конечно, довершить обновленіе Трехъ-Святительской церкви, начатое Леонтіемъ 1639 года.

Какъ же могъ Бопланъ видѣть въ 1646 году ея развалины?... По моему примѣчанію, она и не была разру-

шенною, не „лежала въ развалинахъ“, а только бывала по временамъ въ запустѣніи, какъ и нѣкоторыя другія стародавнія церкви кіевскія. Что же касается до Боплана, то онъ видѣлъ и описалъ не ея развалины, а только придалъ имъ ошибочно ея имя. Онъ говоритъ: „замѣчательны полуразрушенныя стѣны храма св. Василія, вышиною отъ 5 до 6 футовъ, покрытыя греческими надписями. Эти надписи вырѣзаны были болѣе чѣмъ за 1400 лѣтъ предъ симъ, на алебастрѣ, но время почти совершенно ихъ сгладило. Въ развалинахъ открываютъ гробницы многихъ русскихъ князей“. Развѣ можно относить это къ Трехъ-Святительской церкви, въ которой ни одной княжеской гробницы не видно изъ древне-кіевскаго лѣтописанья,— въ зданіи которой донынѣ видно древнее узкое окно въ олтарной стѣнѣ на сѣверъ?... Нѣтъ, это развалины—Десятинной церкви, съ невысокими остатками ея разрушенныхъ стѣнъ, съ греческими литерами на ихъ обломкахъ, съ бывшими въ ней древне княжескими гробницами, изъ которыхъ въ 1635 году открыта была *Петромъ Могилою*—гробница св. князя Владиміра. А что польскій нижеперъ, хорошо опредѣлившій намъ вышину полуразрушенныхъ стѣнъ ошибочно отнесъ ихъ къ церкви св. Василія, это вовсе неважно и нисколько неудивительно послѣ того, какъ онъ тѣ греческія надписи отнесъ болѣе чѣмъ за 1400 лѣтъ (вмѣсто 645-ти), или въ другомъ мѣстѣ своей книги, говоритъ, что древній Кіевъ разрушенъ за *девять* вѣковъ (вмѣсто *четырехъ*) до того времени!

Посмотримъ теперь на второе возобновленіе Трехъ-Святительской церкви, бывшее въ митрополитство Варлаама Ясинскаго.

Въ книгѣ Закревскаго сказано:

„Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи и московскій патріархъ Адріанъ, между прочими правами и привиллегіями, отдали *грамотою отъ 28 сентября 1691 года* кіевскому

митрополиту Варлааму Ясинскому и *запустѣвшую* древнюю церковь св. Василія, подъ вѣдомство кіевской митрополіи“ (стр. 210).

Здѣсь опять ссылка на грамоты—такая же невѣрная и напрасная, какъ и та ссылка его на украинскія лѣтописи! Ни въ царской грамотѣ отъ 28 сентября, ни въ патріаршей отъ 26-го, нѣтъ и помину о запустѣвшей церкви св. Василія или Трехъ-Святительской. Въ этомъ всякому можно удостовѣриться: тѣ грамоты напечатаны Евгеніемъ, въ прибавленіяхъ къ Описанію кіевософійскаго собора, подъ нумерами 26 и 27-мъ *).

На той же 210-й страницѣ, Закревскій назвалъ *ошибочнымъ* мое показаніе, что эта церковь возобновлена 1695 года, и говоритъ въ возраженіе мнѣ: „но возобновленіе было *произведено* въ 1693 г. См. выше“. А выше у него, на той же страницѣ, сказано: „въ 1693 г. *приступлено* къ возобновленію ея“. Но приступить къ дѣлу и произвести его—не одно и тоже; да и невѣроятно, чтобы въ одно лѣто была исправлена и возобновлена *обвалившияся* каменная церковь, въ которой были уже „подѣланы хлѣбные амбары“. Вѣроятнѣе предположить такъ, что въ 93 году приступлено къ ея возобновленію; въ 94-мъ произведена постройка; а въ 95-мъ, въ храмовой день 30 генваря, освящена церковь и тѣмъ довершено ея возобновленіе. Не вижу достаточнаго основанія отмѣнять здѣсь 1695-й годъ, общепринятый издавна, Евгеніемъ, Берлинскимъ и другими.

Тамъ же у Закревскаго сказано: „въ 1783 г. а по другимъ 1787 г. причисленъ къ ней бѣдный приходъ“. Вотъ эти годы дѣйствительно ошибочны и требуютъ поправки. Изъ старой метрической книги, хранящейся въ той церкви,

---

*) «Вотъ каковы бываютъ ссылки»—говоритъ Закревскій, разбирая одну ошибочную цитату въ паломникѣ покойнаго И. П. Максимовича (стр. 283).

я удостовѣрился, что Трех-Святительскій приходъ начался съ 1789 года; а въ предшедшемъ году былъ еще приходъ покровскій.

§ 4.

О набережной землѣ крещатицкой.

Въ *Кіевлянинѣ* 1841 года помѣщены были „топографическія замѣтки“, въ которыхъ между прочимъ я попытался опредѣлить—мѣсто *Туровой божницы,* упоминаемой въ лѣтописаньи подъ 1146-мъ годомъ. По тогдашнему соображенію моему опредѣлено было такъ: *„святымъ мѣстомъ* и понынѣ называется въ народѣ мѣсто *крещатицкаго источнкка,* противъ коего древняя Почайна вливалась въ Днѣпръ. Тамъ всего естественнѣе было св. Владиміру поставить церковь, въ память крещенія 12-ти сыновей своихъ и народа кіевскаго. Потому *почти несомнѣнно* можно полагать, что божница или церковь Турова находилась *возлѣ крещатицкаго источника.* Такимъ образомъ опредѣляется мѣсто и того народнаго вѣча, которое въ началѣ августа 1146 года происходило *у Туровой божницы*“ (стр. 109).

Закревскій, въ своемъ прежнемъ описаніи Кіева (1858 г.) возразилъ противъ этого тѣмъ, что „здѣсь нѣтъ мѣста для народнаго вѣча“ и сказалъ: судя по смыслу лѣтописей, Турова божница была на Кіевоподолѣ, *близъ торговой площади*“. (Стр. 229). Тамъ же на Подолѣ, но передвинувъ ближе къ Днѣпру, онъ поставилъ Турову божницу и въ новомъ Описаніи Кіева, въ § 128-мъ; но тутъ онъ написалъ уже большое противъ меня возраженіе: прежде всего настаиваетъ онъ особенно на томъ, что для вѣча потребна *площадь,* что вѣче собрано было у Туровой божницы, слѣдовательно *на площади*“.

Конечно на площади, а не въ самомъ *оврагѣ* крещатицкомъ, на который мѣтитъ онъ, намѣреваясь именно

тѣмъ поразить мое мнѣніе. За тѣмъ у него слѣдуетъ такая выходка:

„Съ невозмутимымъ спокойствіемъ и съ удивительною устойчивостію, въ продолженіе 25-ти лѣтъ, многоуважаемый Михаилъ Александровичъ Максимовичъ *хочетъ увѣрить* всѣхъ вообще и каждаго въ особенности, что Турова божница стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ каменный памятникъ св. Владимира“...

Это пишетъ обо мнѣ человѣкъ далекій отъ меня и вовсе незнакомый мнѣ лично! Все, что я печаталъ о Кіевѣ, разумѣется, изданно было—для всѣхъ *вообще;* но г. Закревскій для меня есть одинъ изъ тѣхъ *въ особенности,* которыхъ я не думалъ и *не хочу* ни въ чемъ увѣрять. Послѣ 1841-го года, сколько могу припомнить, я нигдѣ уже не выражалъ печатно своего мнѣнія о мѣстѣ Туровой божницы у крещатицкаго источника. Но Закревскій говоритъ: „эту же самую мысль повторилъ авторъ и *въ апрѣлѣ 1866 года* (т. е. въ статьѣ „о мѣстѣ Андревской церкви„); стало быть въ отношеніи этого обстоятельства остался при прежнемъ мнѣніи (стр. 850). Охота же выдумывать небылицы! Въ той моей статьѣ нѣтъ и помину о божницѣ Туровой; да и не къ мѣсту было бы говорить о ней. Но вотъ онъ продолжаетъ свое возраженіе.

„Если бы здѣсь рѣчь шла объ одной только Туровой божницѣ, которая по всей вѣроятности была не болѣе нынѣшняго крещатицкаго памятника, то въ такомъ случаѣ не стоило бы и возражать. Обстоятельство это было *возможно* и только. Но не въ томъ дѣло. Здѣсь существенный вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы указать на ту самую мѣстность Кіева гдѣ собиралось вѣче, о которомъ говорится въ текстѣ лѣтописи. Если намъ удастся отыскать эту мѣстность, то мѣсто для Туровой божницы, какъ второстепенный вопросъ, само собою опредѣлится“ (стр. 847).

Ну, а если бы возлѣ крещатицкаго источника нашлось

ровное мѣсто для вѣча, неменьшее того, какое на планахъ Закревскаго отведено для Ярославля двора, тогда и Туровой божницѣ *можно* остаться тутъ же, у источника крещатицкаго?

Но Закревскій говоритъ: „не должно забывать, что кіевляне подлѣ Туровой божницы въ 1146 году *составили вѣче;* стало быть, собралось туда не десятокъ человѣкъ, а по крайней мѣрѣ *сотъ пять,* и притомъ сотни эти *пріѣхали верхомъ* на лошадяхъ. И такъ, при опредѣленіи мѣста, мы должны всѣ эти обстоятельства принимать въ расчетъ"...

Зачѣмъ же назначать именно *не менѣе пятисотъ* всадниковъ? Въ лѣтописи этого несказано, „а лѣтописей дополнять не слѣдуетъ"! — говоритъ Закревскій строго въ возраженіе другимъ (Стр. 343). Кто нибудь, пожалуй, скажетъ, что у Туровой божницы собралось *не менѣе тысячи;* а другой можетъ сказать, *не болѣе ста человѣкъ.* Въ лѣтописи говорится такъ:

„Игорь же ѣха Кіеву, и созва *Кіяне вси* на гору на Ярославль дворъ... И паки скопишася *вси кіяне* у Туровы божницѣ, и послаша по Игоря... *Кіяне же вси,* съсѣдше съ конь и начаша молвити"... Отсюда видно только то, что какъ на Ярославлѣ дворѣ, такъ и у Туровой божницы, были одинаково—*вси Кіяне.* Само собою разумѣется, что здѣсь говорится не о всѣхъ вообще кіянахъ, которыхъ было многотысячное число, а собственно о тѣхъ выборныхъ и уполномоченныхъ кіянахъ, которымъ предоставлялось право договора съ князьями, участіе въ вѣчѣ и т. п. Опредѣленнаго же на то числа Кіянъ изъ лѣтописи не видно. Каково бы ни было, впрочемъ, то число; но Закревскій нарядилъ уже къ Туровой божницѣ не менѣе пятисотъ всадниковъ и—говоритъ такими словами:

„Приступимъ къ дѣлу. Стоитъ только взглянуть на мѣстность, на эти буераки и дебри, чтобы дать рѣшитель-

ный отвѣтъ. Ссылаемся на всѣхъ Кіевлянъ, пусть они скажутъ: есть ли какая либо физическая возможность въ наше время собрать порядочную конницу на этомъ мѣстѣ, то есть, въ крещатицкомъ оврагѣ? Именно въ наше время, когда столь многое уже разчищено и сглажено. Еще на нашемъ вѣку мѣстность эта была покрыта, по скату горъ, рытвинами и деревьями; еще мы помнимъ, какъ Александровскій или Крещатицкій спускъ имѣлъ бревенчатую мостовую, по временамъ непроходимую (Берлинск. с. 91). Изъ актовъ извѣстно, что начиная отъ церкви Рождества Христова на Подолѣ, до бывшаго дворца въ Государевомъ саду, до 1797 года, на этомъ пространствѣ не было ни одного зданія, и что мѣсто это имѣло видъ пустыни. Въ дѣтствѣ нашемъ разсказывали намъ старожилы, которые слышали отъ очевидцевъ, что вся эта мѣстность была покрыта рытвинами, обвалами и лѣсомъ; что даже днемъ не всѣ отваживались ходить чрезъ это мѣсто съ Подола въ Печерсую Лавру, а совершали свои путешествія на Печерскъ чрезъ Старый Кіевъ. За полтараста лѣтъ тому назадъ все это мѣсто было покрыто дремучимъ лѣсомъ; о проѣзжей дорогѣ вздумалъ первый кн. Голицынъ въ *1715* году. Теперь спрашиваемъ, что же было за 720 лѣтъ тому назадъ? Гдѣ тутъ могло быть мѣсто для народнаго вѣча? Если же здѣсь не было вѣча, то не было и Туровой божницы. Кажется ясно„! (Стр. 847).

Что же это, въ самомъ дѣлѣ, какъ не дѣтскія сказки? „Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны“!...

Изъ какихъ *актовъ* видно, что памятный для Кіева генералъ-губернаторъ князь Голицынъ *первый* вздумалъ сдѣлать проѣзжую дорогу съ Печерска на Подолъ, въ 1715 году? Это видно только изъ книги Берлинскаго (стр. 49); а Закревскій придумалъ еще отъ себя, будто и Андреевскій взвозъ сдѣланъ *первоначально* тѣмъ же княземъ, около тогоже 1715 года; а до той поры будто бы двѣ

горы, Вздыхальная и Киселевка, составляли одну сплошную гору и дорога на Подолъ была черезъ Кожемяки.... Но изъ актовъ видно ясно, что *Хрещатицкій узвозъ* отъ Печерской горы на Подолъ, къ воротамъ *Хрещатицкимъ Рождественскимъ,* былъ и въ 17-мъ и въ 16-мъ вѣкахъ, также какъ былъ тогда и Андреевскій взвозъ на Подолъ отъ воротъ *кіевскихъ*. Закревскій говоритъ: „*изъ актовъ извѣстно,* что начиная отъ церкви Рождества Христова на Подолѣ до бышаго дворца въ государевомъ саду, до 1797 года, на этомъ пространствѣ не было ни одного зданія и что мѣсто это имѣло видъ пустыни".

До 1797-го... *Ни одного зданія...* Этакая способность видѣть въ актахъ и лѣтописяхъ то, чего нѣтъ въ нихъ, и не видѣть того, что въ нихъ есть!... *Приступая къ дѣлу,* Закревскій позабылъ и на этотъ разъ про свое *первое* правило: „не выдавать вымысловъ за событія и не подкрѣплять ихъ фальшивыми цитатами" (Стр. IV).

Посмотрите на *Планъ* Кіева, сочиненный въ 1745 году (въ уменьшенномъ видѣ онъ находится въ Фундуклеевомъ Обозрѣніи Кіева). Тамъ, надъ самымъ берегомъ Днѣпра, между крещатичкимъ источникомъ и Подоломъ, означены *застроенныя зданіями мѣста;* а на сѣверномъ концѣ государева сада, на горѣ, изображена подъ литерею В *крѣпостца, называемая Стародумъ*. И такъ, еще за сто двадцать лѣтъ до нашего времени были зданія и жилища по обѣ стороны крещатицкаго удолья.

Та крѣпостца *Стародумъ* существовала тамъ и въ 17-мъ вѣкѣ, и называлась тогда *Малымъ-Городкомъ* или просто *Городкомъ*. Въ извѣстной росписи Кіеву 1682 г., сказано. „*Малой-Городокъ* стараго строенія, что на Печерской горѣ, кругомъ выводовъ 125 сажень, весь худъ и обвалился: И опять: „противъ колодца Крещатика" *калитка* (въ старокіевскомъ Михайловскомъ валу), что ходятъ къ Малому-Городку, что на Печерской горѣ." Изъ отписокъ 1674 года,

напечатанныхъ въ Симбирскомъ Сборникѣ видно, что въ этотъ Городокъ, также и въ мѣстечко Печерское, наряжаемо было изъ воеводской команды по пятидесяти человѣкъ.

Но для нашего вопроса важнѣе набережное строеніе, означенное на планѣ 1745 года между крещатицкими воротами и крещатицкимъ источникомъ. Какое именно было тамъ строеніе? Это видно отчасти изъ купчей записки 1742 года, находящейся въ актахъ Михайловскаго монастыря. (Она помѣщена въ Хроникѣ того монастыря, составленной покойнымъ И. М. Скворцевымъ и напечатанной въ прибавленіи къ Кіевскимъ Епарх. Вѣдомостямъ 1861 года). Въ ней сказано: „на землѣ крещатицкой, недалече воротъ Рожественскихъ, за броваромъ государевымъ, купленное строеніе у Александра Мизникова, который нынѣ въ чину куріерскомъ, таковое: свѣтлица съ комнатою, при немъ пекарню, баню, стайню, сажалку и колодези за садомъ, а также комору съ ліохомъ за 300 руб.“ И такъ, за 126 лѣтъ въ числѣ бывшихъ тамъ надъ берегомъ Днѣпра строеній, находились: государевъ броваръ, т. е. пивоварня, и выше описанный дворъ Мизникова. А что здѣсь же, надъ берегомъ Днѣпра, было поселеніе и въ 17-мъ вѣкѣ, то видно изъ универсала гетмана Мазепы, даннаго въ 1699 году Михайловскому монастырю. Тамъ сказано: „а особно тутъ же докладаемъ и пилно приказуемъ, абы хто колвекъ любо зъ ратныхъ государскихъ, любо съ козаковъ, мѣщанъ и посполитыхъ людей, на землѣ ихъ монастырской, у крещатика, подъ городомъ, надъ берегомъ, двори и бани маетъ, и на пляцахъ въ подолномъ городѣ живетъ, таковый каждый повиненъ отдавати до монастыра ихъ Михайловскаго куничную повинность. (См. акты Западной Россіи т. V стр 286). Есть свидѣтельства о населенности крещатицкаго берега и отъ 16-го вѣка, напримѣръ запись 1596 г на монастырскій жилой грунтъ—подъ горою, съ Хрещатика, называамый Царевскій.“

Довольно, кажется, приводенныхъ мною указаній для убѣжденія всѣхъ вообще, что въ прежніе вѣка надъ крещатицкимъ берегомъ Днѣпра было просторное и заселенное мѣсто, что Днѣпръ тогда былъ далѣе отъ крещатицкой горы, чѣмъ нынѣ. Есть прямое на это указаніе и на лѣвомъ боку Днѣпра: противъ крещатицкой горы, на острову, огибаемомъ Чорторыей, донынѣ есть протокъ, называемый Старикомъ. (Такихъ Стариковъ, сопровождающихъ нынѣшній Днѣпръ, есть не малое число въ разныхъ мѣстахъ.

„Теперь спрашиваемъ, что же было за 720 лѣтъ тому назадъ? Гдѣ же тутъ могло быть мѣсто для народнаго вѣча“, взываетъ Закревскій побѣдоносно.

Должно быть и въ древнее время та набережная равнина подъ крещатицкою горою была не меньше, если еще не больше, чѣмъ въ 16 и 17 вѣкахъ; и было тогда возлѣ крещатицкаго источника довольно мѣста для торговой площади и для народнаго вѣча, собиравшагося у Туровой божницы. Я полагаю, что въ 10-мъ вѣкѣ именно здѣсь, при впаденіи въ Днѣпръ тогдашней Почайны, было главное кіевское торговище изъ тѣхъ восьми, о которыхъ упоминается въ Хроникѣ Дитмара; что именно здѣсь совершено было и крещеніе кіевскаго народа при святомъ князѣ Владимирѣ, отчего и произошли названія этой мѣстности — Крощатикомъ и Святымъ Мѣстомъ. „Оттолѣ ту гору надъ Днѣпромъ и нынѣ простолюдины зовутъ Крещатикомъ“ — говоритъ Сильвестръ Коссовъ, въ своемъ Патерикѣ 1635 года. Но съ теченіемъ времени названіе Святаго Мѣста присвоилось собственно—крещатицкому источнику; а названіе Крещатика перенесено въ позднѣйшее время и на всю нынѣшнюю крещатицкую улицу, первая половина которой именовалась прежде Евсійковою долиною, а дальнѣйшая половина ея зовется издревле—Песками. Между тѣмъ, въ продолженіе прошлаго 18-го столѣтія, Днѣпръ передвинулся подъ самую крещатицкую гору и срѣзалъ всю бывшую тамъ набереж-

ную равнину, а также тотъ длинный и узкій островъ, которымъ отдѣлялась отъ него древняя Почайна. Тогда не стало и этой знаменитой рѣки, — *изъ Днѣпра текущей и паки въ Днѣпръ впадающей,* — по словамъ очевидца ея св. Димитрія Ростовскаго.

(*Кіев. Еп. Вѣд.*)

ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ ХРИСТІАНСТВА
У СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ.

Настоящая статья, представляющая въ сжатомъ, но цѣльномъ очеркѣ самые главные — самые общіе факты славянской церковной исторіи, можетъ служить какъ бы введеніемъ—первоначальнымъ руководящимъ пособіемъ къ разъясненію частныхъ вопросовъ славянской исторіи, для тѣхъ читателей, которые сами мало имѣли случаевъ заниматься ею.

Для тѣхъ же читателей, которые пожелали бы обстоятельнѣе ознакомиться съ тѣми фактами и вопросами, которыхъ слишкомъ коротко и легко касается предлагаемая статья, считаемъ неизлишнимъ напомнить, что въ настоящее время на русскомъ языкѣ есть уже не мало серьезныхъ сочиненій по исторіи славянской, между прочимъ и церковной. Прежде всего мы должны назвать здѣсь недавно изданные три тома сочиненій замѣчательнѣйшаго нашего слависта А. Ѳ. Гильфердинга. Много фактовъ для славянской собственно церковной исторіи находится въ одномъ изъ послѣднихъ изданій незабвеннаго труженика нашей науки, покойнаго Филарета, архіепископа черниговскаго. „Святые южныхъ славянъ“ (къ сожалѣнію трудъ этотъ, изданный въ Черниговѣ, въ свое время почти никѣмъ не былъ

замѣченъ, и его трудно найти въ продажѣ). Важное значеніе для славянской исторіи имѣютъ также Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, изданный Погодинымъ, изслѣдованія Бодянскаго (о времени происхожденія славянскихъ письменъ и др.), Срезневскаго, Горскаго, Погодина, Ламанскаго, Лавровскаго, Майкова (Исторія сербскаго языка), Билярскаго (Судьбы церковно-славянскаго языка, о реймскомъ Евангеліи), Григоровича, Венелина, Палаузова (Вѣкъ болгарскаго царя Симеона и др.), Новикова (Лютеръ и Гусъ, православіе у чеховъ), Елагина (Замѣчанія на исторію Палацкаго), Макушева (придунайскіе и адріатическіе славяне), Пыпина и Спасовича (Очерки исторіи славянскихъ литературъ). Изъ переводныхъ сочиненій по исторіи славянской нужно назвать прежде всего „Славянскія древности" Шафарика, „Исторію первобытной церкви у славянъ" Маціевскаго, „Исторію Галицкой или Червоной Руси" Зубрицкаго, недавно переведенную „Исторію Чешскаго Королевства" Томка, „Исторію Сербіи" Ранке. Много серьезныхъ статей, относящихся къ исторіи и современному состоянію славянскихъ народовъ, можно найдти въ журналахъ прежнихъ лѣтъ, преимущественно въ *Русской Бесѣдѣ*, также въ *Москвитянинѣ*. *Московскомъ Сборникѣ* 1847 и 1852 года, въ *Чтеніяхъ общества Исторіи и древностей*, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Въ свѣтскихъ журналахъ послѣднихъ годовъ стоитъ обратить вниманіе на рядъ переводныхъ статей, помѣщавшихся въ *Отечественныхъ Запискахъ* подъ заглавіемъ: „Турки, Греки и Славяне." Нѣсколько статей, относящихся непосредственно къ церковной исторіи славянства, было въ духовныхъ журналахъ: *Христіанскомъ Чтеніи*, *Православномъ Собесѣдникѣ*, *Православномъ Обозрѣніи*, *Духовной Бесѣдѣ*. Не упоминаемъ о замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненіяхъ по части славянства, а также о самыхъ первоначальныхъ памятникахъ славянской исторіи и старыхъ изслѣдованіяхъ о ней. Ссылки

на нихъ желающіе и нуждающіеся въ томъ могутъ найдти въ указанныхъ нами русскихъ сочиненіяхъ.

Къ сожалѣнію, все это не приведено въ порядокъ, а потому и мало доступно большинству читателей. Результаты частныхъ работъ мало обобщены. Во всей русской, да и вовсей европейской литературѣ—нѣтъ ни одного сочиненія полно и цѣльно обнимающаго политическую исторію славянскихъ народовъ. О церковной исторіи нечего и говорить. Здѣсь еще не было даже и попытки выдѣлить и представить въ живой связи, въ цѣльномъ очеркѣ, факты религіозной исторіи славявства. Понеобходимости здѣсь приходится начинать съ азбуки, довольствоваться на первыхъ порахъ обобщеніемъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній. Считаемъ особенно благовременнымъ напомнить читателямъ о религіозной судьбѣ славянства именно въ настоящее время. 14-го февраля нынѣшняго года была тысячелѣтняя память кончины великаго просвѣтителя славянъ св. Кирилла. Чѣмъ то отзовется этотъ день въ судьбѣ славянства и чѣмъ-то отзовется славянство на этотъ день...

1.

Распространеніе христіанства между южными и западными славянскими племенами до св. Кирилла и Меѳодія.

Славянскія племена издавна (полагаютъ, еще вѣка съ VIII или VII до Р. Х.) населяли сѣверо-восточную половину Европы, т. е. большую часть европейскихъ областей Русскаго Государства и тѣ области австрійской и турецкой имперій, какія они и теперь занимаютъ. На западъ Европы въ древности поселенія славянъ простирались даже гораздо далѣе, нежели теперь простираются. На юго-западъ, по берегамъ Адріатическаго моря, поселенія славянъ доходили до Венеціи. Въ древней Паннонiи нынѣшней Венгріи, искони населеніе было славянское; мадьяры утвердились здѣсь

уже въ X вѣкѣ. Прибалтійскія области нынѣшней Пруссіи—между Вислою и Эльбою (Лабою) населены были славянами; здѣсь жили нѣкогда сильныя славянскія племена—венды, лютичи, бодричи и др., почти совсѣмъ исчезнувшія, т. е. утратившія свою народность.

Христіанство между славянскими племенами, особенно близко прилежащими къ Греціи и Риму, начало распространяться весьма рано. Въ Паннонiи, Иллиріи, Далмаціи, Македоніи, Ѳракіи, у славянъ при-дунайскихъ христіанство существовало по мѣстамъ съ самыхъ временъ апостольскихъ. По древнимъ преданіямъ апостолъ Андрей проповѣдывалъ христіанство по западнымъ и сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, по Дунаю и вверхъ по Днѣпру даже до Кіева; евангелистъ Лука и другіе ученики апостола Павла проповѣдывали по берегамъ Адріатическаго моря. Проповѣдь ихъ должна была коснуться и племенъ-славянскихъ, жившихъ въ этихъ странахъ между другими племенами. Въ Панноніи въ самые первые вѣка христіанской исторіи было извѣстно нѣсколько епископскихъ каѳедръ, и во главѣ ихъ митрополія въ Сирміумѣ (Срѣмѣ). У славянъ придунайскихъ издавна извѣстно было епископство въ Томѣ (нынѣ мѣстечко Кюстенже). Во времена гоненій на христіанство отъ римскихъ императоровъ-язычниковъ было много мучениковъ изъ славянъ, и между ними нѣсколько епископовъ. Напр. во времена Діоклитіана пострадалиИриней, епископъ сремскій и Евсевій кивальскій съ чтецомъ Публіемъ изъ Панноніи (память ихъ 26 марта), Евангелъ епископъ томскій съ пресвитеромъ Епиктетомъ (8 іюля), у славянъ при-дунайскихъ, и др. Въ IV вѣкѣ, во время гоненій на церковь отъ аріанина императора Валента, христіане славянскихъ при-дунайскихъ областей прославились особенною приверженностію къ православію (св. мученикъ Вѣтранъ, епископъ томскій, и его ученый преемникъ Ѳеотимъ, къ которому съ особеннымъ уваженіемъ относились самые замѣчательные

его современники—св. Златоустъ, блаженный Іеронимъ и церковные историки Созоменъ и блаж. Θеодоритъ.) Въ началѣ V вѣка изъ южно-славянскихъ епископовъ славенъ былъ своими миссіонерскими подвигами св. Никита ремесіанскій.

При всемъ томъ однакожъ христіанство у южныхъ и западныхъ славянскихъ племенъ далеко еще не было распространено во всемъ народѣ, а держалось только по мѣстамъ и поэтому было довольно не крѣпко. Въ IV и V вѣкахъ новые варварскіе народы, устремившіеся съ востока на Римскую Имперію, во многихъ мѣстахъ подавили начатки христіанства, по крайней мѣрѣ на время. Такъ въ Панноніи, со времени нашествія гунновъ, изчезаютъ слѣды христіанскихъ епископій. Въ VI вѣкѣ дѣлаются особенно извѣстны епископскія каѳедры у славянъ адріатическихъ въ г. Сплѣтѣ (Спалатто въ Далмаціи), и у славянъ македонскихъ—въ Охридѣ; изъ этого послѣдняго города отъ славянской семьи произошелъ знаменитый въ исторіи византійской имперіи императоръ Юстиніанъ (по-славянски управда), утвердившій за епископскою каѳедрою своего отечественнаго города права независимаго (автокефальнаго) архіепископства. Въ концѣ VII вѣка возбуждено было сильное движеніе въ пользу христіанства у славянъ юго-западныхъ—сербовъ, хорватовъ, иллирійцевъ. Греческій императоръ Ираклій распространилъ свое вліяніе на эти племена, и вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ къ нимъ болѣе свободный путь вліянію христіанства.

Но около того же времени христіанство стало подвергаться сильному гнету у славянъ при-дунайскихъ, ѳракійскихъ и македонскихъ. Сюда пришло отъ береговъ Камы и Волги новое племя—болгары. Сильные и храбрые, они постепенно отъ береговъ Дуная проникали далѣе и далѣе во внутреннія области византійской имперіи, населенныя славянами, и христіанство въ этихъ областяхъ было подавляемо на время. Но такъ какъ эти болгары по образованію

своему были ниже славянъ, покоренныхъ ими, то они сами стали подчиняться вліянію славянской народности—языку, нравамъ и вслѣдъ затѣмъ религіи славянъ, такъ что постепенно слились съ ними и дали свое имя покоренному ими южно-славянскому племени. Успѣшное распространеніе христіанства между болгарами въ началѣ IX вѣка чрезъ греческихъ плѣнниковъ, захваченныхъ сильнымъ болгарскимъ княземъ Крумомъ, преимущественно чрезъ адріанопольскаго епископа Мануила и дебельтскаго Георгія возбудило опасеніе и сильную реакцію противъ христіанства со стороны правителей болгарскихъ. По приказанію князя Крума, болгарскій военачальникъ Цокъ заразъ умертвилъ около 400 знатныхъ христіанъ, и между ними двухъ своихъ старшинъ военныхъ начальниковъ. Сынъ Крума Мортагонъ (или Крутогонъ) также неблагосклонно относился къ христіанству, а внукъ Маломіръ приказалъ казнить даже роднаго брата своего Бояна, который умирая предсказалъ, что скоро „вѣра, за которую онъ страдаетъ, распространится во всей странѣ болгарской.“ Преемникъ Маломіра—другой братъ его—Пресіамъ дѣйствительно уже благосклонно относился къ христіанству, а сынъ Пресіама Борисъ открыто принялъ христіанство и утвердилъ въ своей землѣ.

Къ тому же времени открылось движеніе въ пользу христіанства и между западными славянами. Карлъ Великій, подчинивши себѣ различныя племена германцевъ, началъ распространять свое вліяніе и на сосѣдственныхъ съ ними славянъ, жившихъ въ Моравіи, Панноніи, Богеміи и прибалтійскихъ земляхъ. Между всѣми покоренными племенами онъ старался распространить христіанство, если не путемъ проповѣди, то мѣрами насилія. Въ слѣдствіе этого, со времени Карла и при его преемникахъ начали появляться нѣмецкіе проповѣдники въ Моравіи, Панноніи, Богеміи и у славянъ прибалтійскихъ. Но такъ какъ они проповѣдывали на языкѣ непонятномъ славянамъ, вездѣ старались

вводить богослуженіе по обычаю западному исключительно на латинскомъ языкѣ, и нерѣдко возмущали народъ своими властолюбивыми и корыстолюбивыми притязаніями, интригами и насиліями, то къ проповѣди ихъ славяне большею частію относились съ недовѣріемъ, а иногда съ ожесточеннымъ сопротивленіемъ. Западные славяне мало-по-малу пріобрѣтали понятіе о христіанствѣ, и не могли не относиться къ нему сочувственно,—но только не хотѣли принимать его отъ притязательныхъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, дабы вмѣстѣ съ тѣмъ не подчиниться и нѣмецкому политическому господству.

Въ такомъ состояніи, въ состояніи колебанія, находилось христіанство у южныхъ и западныхъ славянъ до половины IX вѣка. Главною причиною нетвердаго положенія христіанства у славянъ до этого времени, кромѣ случайныхъ историческихъ обстоятельствъ, было то, что славяне не имѣли еще своей письменности, не имѣли священнаго писанія и богослуженія христіанскаго на родномъ языкѣ. Въ половинѣ IX вѣка распространилось между ними христіанство съ богослуженіемъ на понятномъ для славянскихъ племенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ явилась у славянъ своя письменность, и пошло успѣшно ихъ умственное и общественное развитіе.

Главными просвѣтителями славянъ въ религіозномъ и умственномъ отношеніи явились въ это время знаменитые солунскіе братья св. равноапостольные Меѳодій и Константинъ (въ схимничествѣ Кириллъ).

II.

Св. Кириллъ и Меѳодій и ихъ проповѣдническая дѣятельность у южныхъ и западныхъ славянъ.

Св. Меѳодій и Константинъ были родомъ изъ Солуня, македонскаго города, населеннаго преимущественно славянами; отецъ ихъ Левъ, правитель Солунской области, былъ, по

мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, славянинъ по происхожденію своему, а по мнѣнію другихъ грекъ. Отличаясь богатыми дарованіями и любовью къ наукамъ, Меѳодій и Константинъ получили лучшее по своему времени образованіе. Меѳодій, закончивъ образованіе въ отечественномъ городѣ, поступилъ въ военную службу, и скоро сдѣланъ былъ правителемъ славянской Струмской области. Константинъ, не довольствуясь тѣми средствами къ образованію, какія представляла Солунь, былъ весьма радъ тому, что его взялъ на воспитаніе въ Константинополь знатный родственникъ, великій логоѳетъ Ѳеоктистъ, одинъ изъ опекуновъ несовершеннолѣтняго греческаго императора Михаила III-го. Здѣсь онъ изучилъ высшія науки подъ руководствомъ лучшихъ наставниковъ того времени—Льва, главнаго наставника высшей константинопольской школы, основанной правителемъ имперіи Вардою, и Фотія, бывшаго впослѣдствіи знаменитѣйшимъ изъ константинопольскихъ патріарховъ. Особенное влеченіе имѣлъ Константинъ къ высшимъ богословскимъ наукамъ; его любимымъ чтеніемъ, послѣ книгъ св. Писанія, были творенія Григорія Богослова. Его покровитель Ѳеоктистъ готовилъ ему блестящее придворное поприще и богатую женитьбу. Но Константинъ уклонился отъ брака и свѣтской жизни, принялъ монашество и рѣшился посвятить свою жизнь наукѣ и служенію Богу. Его сдѣлали наставникомъ и библіотекаремъ софійской библіотеки. Здѣсь онъ своею ученостью пріобрѣлъ большую извѣстность. Его прозвали философомъ, и правительство византійское стало поручать ему самыя замѣчательныя ученыя и религіозныя предпріятія. Онъ прославился спорами съ приверженцами еще оставшагося въ Константинополѣ иконоборства. Въ 851 году, по приглашенію митиленскаго эмира, онъ былъ посылаемъ греческимъ императоромъ ко двору эмира, для разсужденій о вѣрѣ съ арабскими учеными, и здѣсь своею твердою защитою христіанства такъ

раздражилъ магометанскихъ ученыхъ, что они хотѣли даже умертвить его.

Между тѣмъ къ этому времени и старшій братъ Меѳодій оставилъ мірскую жизнь, принялъ монашество на горѣ Олимпѣ и скоро пріобрѣлъ извѣстность своими аскетическими подвигами. Его хотѣли избрать митрополитомъ одной изъ почетнѣйшихъ каѳедръ, но онъ уклонился отъ этой чести, и его едва убѣдили принять игуменство въ монастырѣ св. Полихронія. Приготовивъ себя наукою и подвижническою жизнію къ трудамъ миссіонерскимъ, св. братья выступили на свой апостольскій подвигъ.

Въ 858 году было прислано въ Константинополь посольство отъ южныхъ предѣловъ нынѣшней Россіи, гдѣ на обширномъ пространствѣ, между Чернымъ, Азовскимъ и Каспійскимъ морями, подъ управленіемъ сильнаго тюркскаго племени хазаръ, жили различныя, и между прочимъ славянскія племена. Хазарскій каганъ (ханъ) просилъ византійскаго императора, чтобы ему прислали ученаго мужа, который бы могъ научить хазаръ истинной вѣрѣ. По предложенію императора, къ хазарамъ отправился философъ Константинъ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ. Здѣсь они нашли довольно христіанъ грековъ и славянъ. На сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря уже издавна были посѣяны сѣмена христіанства—еще съ того времени, какъ древняя Таврида была ссыльною колоніею для Римской имперіи, куда между прочимъ ссылали исповѣдниковъ христіанства, и гдѣ впослѣдствіи образовались даже христіанскія епископства. Св. Константинъ нашелъ здѣсь между прочимъ какой-то переводъ евангелія, писанный *россками* буквами. *) Для обращенія въ христіанство господствую-

*) Какой былъ этотъ переводъ, писанный «росскими» буквами, объ этомъ между учеными славянистами дѣлались различныя догадки: одни предполагали, что у славянъ жившихъ по сѣверному берегу Чернаго моря, еще до изобрѣтенія св. Кирилломъ обще-

щаго племени хазаръ, нужно было показать имъ превосходство христіанства предъ ученіемъ магометанскимъ и евреевъ, также домогавшихся обратить хазаръ къ своей вѣрѣ. Св. Константинъ, обличивъ магометанскихъ и іудейскихъ проповѣдниковъ, склонилъ къ крещенію многихъ хазаръ. Успѣху проповѣди его способствовало между прочимъ чудесное открытіе имъ у берега Чернаго моря мощей св. Климента римскаго, который еще въ концѣ 1-го или въ началѣ втораго вѣка во время императора Траяна былъ сосланъ сюда за исповѣданіе христіанской вѣры и здѣсь былъ утопленъ въ морѣ дикими язычниками. Св. Константинъ, видя въ обрѣтенныхъ имъ мощахъ знаменіе благословенія Божія на его благовѣстническіе труды, впослѣдсвіи носилъ ихъ съ собою въ своихъ дальнѣйшихъ миссіонерскихъ пушествіяхъ. Христіанство у хазаръ послѣ св. Константина держалось недолго; въ 10 вѣкѣ оно опять было вытѣснено магометанствомъ; тѣмъ не менѣе проповѣдь св. Константина и Меѳодія конечно не осталась безслѣдною для славянъ, жившихъ въ южной Россіи *).

славянской церковной грамоты, была уже своя письменность (глаголицкая или другая какая) и свой переводъ нѣкоторыхъ священныхъ книгъ. Другіе думаютъ, что это былъ извѣстный переводъ епископа Ульфилы, сдѣланный еще въ 4-мъ вѣкѣ для готскихъ христіанъ. Нѣкоторые наконецъ полагаютъ, что извѣстіе о «россскомъ» переводѣ евангелія, находящееся въ жизнеописаніи св. Кирилла, составленномъ позднѣе и вдали отъ поприща его проповѣди между хазарами, вѣроятно основано на какомъ либо недоразумѣніи. По недостатку ясныхъ историческихъ данныхъ, трудно объ этомъ предметѣ установить какое-либо опредѣленное мнѣніе.

*) Скоро послѣ путешествія св. братьевъ въ Хазарію происходитъ довольно значительное движеніе въ пользу христіанства между южно-русскими славянами. Въ 866 или 867 году кіевскій князь Аскольдъ держалъ походъ на Константинополь. Походъ этотъ оказался неудаченъ. Буря разбила суда кіевлянъ у береговъ Константинополя. Греки и кіевляне приписали это событіе заступничеству силы Божіей,—и вслѣдъ затѣмъ вызванъ былъ въ Кіевъ изъ Константинополя епископъ проповѣдникъ. Проповѣдь его имѣла успѣхъ, и съ этого времени начинаетъ между русскими славянами болѣе и болѣе распространяться христіанство.

По возвращеніи отъ хазаръ, св. Константинъ и Меѳодій стали распространять вѣру между своими единоплеменниками—славянами македонскими. Слыша проповѣдь Евангелія отъ своихъ соотечественниковъ на родномъ языкѣ, славяне охотно принимали христіанство; св. Кириллъ въ округѣ одного города Брегальницы (недалеко отъ Солуня) крестилъ 4.500 славянъ.

Чтобы прочнѣе утвердить истины христіанства между славянскими племенами, св. Константинъ предпринялъ великое дѣло дать славянамъ, доселѣ не имѣвшимъ своей азбуки и письменности, національную письменность. Онъ составилъ славянскую азбуку по образцу греческой, прибавивъ къ 24 буквамъ сей послѣдней 14 новыхъ знаковъ соотвѣствующихъ особеннымъ звукамъ славянской рѣчи (напримѣръ для славянскихъ звуковъ *ж, ч, ш, щ, ы* нѣтъ соотвѣтствующихъ знаковъ ни въ греческой, ни въ латинской, ни въ другой какой европейской азбукѣ), и сталъ переводить священныя книги на славянскій языкъ. Первыя слова, написанныя св. Константиномъ, по преданію были: искони бѣ Слово и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово—Евангелія Іоанна 1-й стихъ *).

*) Относительно этого важнѣйшаго въ славянской исторіи факта, т. е. изобрѣтенія славянской письменности и перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ, есть въ наукѣ много спорныхъ невыясненныхъ еще вполнѣ вопросовъ: 1) Кому изъ св. братьевъ главнымъ образомъ принадлежитъ это великое дѣло? Самое изобрѣтеніе азбуки и первые переводы священныхъ книгъ на славянскій языкъ безспорно признаются всѣми дѣломъ св. Кирилла, но потомъ дальнѣйшіе переводы были дѣланы имъ вмѣстѣ съ св. Меѳодіемъ, а потомъ послѣ смерти св. Кирилла трудъ былъ продолжаемъ однимъ Меѳодіемъ и его учениками,—какая доля труда принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ тому и другому изъ св. братьевъ, трудно разграничить. 2) Былъ ли св. Кириллъ первоначальнымъ изобрѣтателемъ, или только усовершителемъ славянской письменности? У славянъ издавна существовали двѣ древнихъ азбуки—такъ называемая Кириллица, составленная по образцу греческой, и доселѣ (съ нѣкоторыми измѣненіями) находящаяся въ употребленіи у православныхъ восточныхъ славянъ

Къ этому же времени стало утверждаться христіанство въ Болгаріи. При самомъ дворѣ болгарскаго князя Бориса было много людей расположенныхъ къ христіанству. Распространенію христіанства здѣсь много способствовали— проповѣдь плѣннаго греческаго монаха Куфары, и родная сестра царя Бориса, долгое время жившая въ Константинополѣ заложницею и тамъ сдѣлавшаяся ревностною христіанкою. Но князь Борисъ долгое время не хотѣлъ принимать христіанства, можетъ быть опасаясь еще довольно сильной языческой партіи. Наконецъ различныя политическія неудачи, страшный голодъ и моръ поколебали убѣжденія Бориса, и онъ по совѣту сестры призвалъ къ себѣ проповѣдника св. Меѳодія. Меѳодій окончательно склонилъ Бориса къ христіанству. Борисъ принялъ кре-

---

(русскихъ, сербовъ, болгаръ), и другая Глаголица, въ средніе вѣка употреблявшаяся преимущественно у западныхъ адріатическихъ славянъ-католиковъ (отчасти—хотя мало, употреблявшаяся у чеховъ и болгаръ, и почти совсѣмъ неизвѣстная русскимъ). Эта азбука по начертаніямъ своимъ гораздо несовершеннѣе и неискуственнѣе Кириллицы, и болѣе подходитъ къ восточнымъ письменамъ еврейскимъ, арабскимъ, сирскимъ. Одни изъ ученыхъ славянистовъ полагаютъ, что до св. Кирилла не было никакой письменности и изобрѣтенная имъ Кириллица есть первая славянская азбука, а Глаголица уже позднѣе въ средніе вѣка изобрѣтена агентами латинства, дабы отторгнуть западныхъ славянъ отъ письменнаго общенія съ восточными славянами и чрезъ то удобнѣе привлечь ихъ къ западной церкви. Другіе думаютъ, что Глаголица древнѣе Кириллицы, и что слѣдовательно св. Кириллъ не изобрѣлъ, а только усовершилъ славянскую письменность, замѣнивъ въ ней несовершенные глаголическіе знаки болѣе совершенными. Нѣкоторые наконецъ полагаютъ, что св. Кирилломъ первоначально была изобрѣтена именно глаголицкая азбука, а потомъ уже позднѣе ученикомъ св. Меѳодія Климентомъ въ Болгаріи она преобразована въ такъ называемую Кириллицу. 3) Въ какомъ году изобрѣтена св. Кирилломъ славянская азбука, и на какое изъ славянскихъ нарѣчій были переведены св. братьями книги священнаго Писанія? Большая часть западныхъ ученыхъ и нѣкоторые русскіе изобрѣтеніе славянской азбуки относятъ къ 862 году, когда свв. Кириллъ и Меѳодій были вызваны на проповѣдь въ Моравію, и полагаютъ, что книги свящ. Писанія были переведены ими на моравское нарѣчіе. Другіе русскіе ученые

щеніе и христіанское имя Михаила (по имени воспріемника своего греческаго императора Михаила III); вмѣстѣ съ Борисомъ крестились многіе изъ болгарскихъ вельможъ и народа. Въ Болгарію присланъ былъ изъ Константинополя епископъ Іосифъ со многими священниками,—и патріархъ константинопольскій Фотій принялъ болгарскую церковь подъ особенное свое попеченіе, и руководилъ Бориса своими совѣтами въ самомъ управленіи народомъ.

Въ 862 году князья верхне-моравскій Ростиславъ, его племянникъ нижне-моравскій Святополкъ и паннонскій Коцелъ (Котелъ) прислали въ Константинополь просить себѣ наставниковъ въ вѣрѣ. Славяне моравскіе и паннонскіе были расположены къ христіанству, но не хотѣли принимать его отъ корыстолюбивыхъ и притязательныхъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ—съ богослуженіемъ на непонятномъ языкѣ.

думаютъ, что это дѣло начато было св. Кирилломъ гораздо ранѣе еще до путешествія въ Хазарію въ 865 году, и что переводъ священ. Писанія сдѣланъ былъ св. братьями первоначально для ихъ соотечественниковъ южныхъ славянъ македонскихъ и болгарскихъ, на ихъ нарѣчіе. Нужно при этомъ имѣть во вниманіи, что южныя и западныя славянскія нарѣчія тысячу лѣтъ назадъ не такъ различались между собою, какъ въ настоящее время. 4) Какія книги были первоначально переведены на славянскій языкъ св. братьями? Этотъ вопросъ также не легко рѣшить. По жизнеописаніямъ св. братьевъ видно, что ими первоначально были переведены книги особенно необходимыя для богослуженія — Кирилломъ и Меѳодіемъ вмѣстѣ—Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь, Часословъ, Октоихъ, Служебникъ, Паремейникъ, потомъ св. Меѳодіемъ послѣ смерти Кирилла доконченъ переводъ всей Библіи (кромѣ книгъ Маккавейскихъ) и вновь переведенъ Номоканонъ и нѣкоторыя изъ писаній св. отцевъ,—а потомъ уже послѣ св. Меѳодія его учениками—св. Климентомъ въ Болгаріи и другими переведены оставшіяся богослужебныя книги (Минея) и многія писанія св. Отцевъ. 5) Въ томъ ли видѣ дошли до насъ переводы священныхъ и богослужебныхъ книгъ, въ какомъ они первоначально сдѣланы св. Кирилломъ и Меѳодіемъ и ихъ учениками? Переводы эти впослѣдствіи были неоднократно поновляемы, но въ основѣ своей они остались такими же, какими вышли изъ рукъ святыхъ переводчиковъ, и поэтому мы имѣемъ полное основаніе считать св. Кирилла и Меѳодія установителями священнаго и богослужебнаго языка нашей церкви.

Поэтому они просили прислать имъ проповѣдниковъ отъ греческой церкви, знающихъ славянскій языкъ. Императоръ Михаилъ и патріархъ Фотій послали въ Моравію Кирилла и Меѳодія. Четыре года съ половиной трудились здѣсь св. братья, переходя изъ одной области въ другую съ проповѣдію слова Божія. Успѣху ихъ проповѣди въ особенности способствовало то, что у нихъ въ это время уже готовы были въ славянскомъ переводѣ необходимыя для богослуженія свящ. книги. Св. братья всюду вводили богослуженіе на славянскомъ языкѣ. И славяне моравскіе и паннонскіе съ радостію принимали христіанство, слыша величія Божія, возвѣщаемыя на родномъ языкѣ.

Но успѣхи проповѣди Кирилла и Меѳодія и распространеніе славянскаго богослуженія возбудили зависть и ненависть сосѣдственнаго нѣмецкаго духовенства. Епископы зальцбургскій и нассаусскій, имѣвшіе притязаніе считать Моравію и Паннонію относящимися къ ихъ епархіальнымъ округамъ, сдѣлали на Кирилла и Меѳодія доносъ въ Римъ въ томъ, что они отторгають принадлежащія западной церкви славянскія области отъ власти папской, и распространяютъ богослуженіе на новомъ—не-священномъ языкѣ. Вслѣдствіе этого Кириллъ и Меѳодій должны были отправиться въ Римъ для объясненія. Въ Италіи они должны были выдержать жестокій споръ съ латинскимъ духовенствомъ о правотѣ своего дѣла. Приверженцы латинства говорили, что слово Божіе можетъ быть возвѣщаемо только на тѣхъ трехъ языкахъ, на которыхъ Пилатъ сдѣлалъ надписаніе на крестѣ Христовомъ— т.-е. на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ. Св. братья, опровергая странное мнѣніе этихъ *тріязычниковъ*, говорили, что какъ Господь всѣмъ людямъ даетъ дары Свои— свѣтъ солнечный, благораствореніе воздуховъ и дожди плодоносные, такъ всѣ народы должны славить Господа на своихъ нарѣчіяхъ; они доказывали свою мысль свидѣ-

тельствами изъ священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта, и издавна существующими въ восточной церкви примѣрами, по которымъ всѣ народы обращающіеся въ христіанство имѣютъ Слово Божіе и богослуженіе на своихъ природныхъ языкахъ. Папа Адріанъ II, по издавна уже принятому папами правилу ласкать всѣхъ замѣчательныхъ миссіонеровъ, дабы привлекать подъ свое вліяніе обращаемые ими въ христіанство народы, принялъ въ Римѣ св. братьевъ съ большими почестями,—одобрилъ сдѣланный ими переводъ священныхъ книгъ, и осудилъ противниковъ, препятствовавшихъ ихъ святому дѣлу. Св. Константинъ заболѣлъ въ Римѣ, принялъ схиму съ именемъ Кирилла, и скончался на 42 году жизни 14 февраля 869 г., завѣщавъ своему брату начатое ими вмѣстѣ служеніе спасенію ближнихъ. А св. Меѳодій, похоронивши своего брата при церкви св. Климента, котораго мощи они вмѣстѣ принесли въ Римъ, и получивши отъ папы санъ епископа обращенной имъ въ христіанство страны *), отправился назадъ къ славянамъ продолжать свое апостольское служеніе.

Между тѣмъ въ Моравіи, интригами нѣмцевъ во время путешествія Меѳодія, произведены были сильныя политическія волненія. Князь Ростиславъ, главный покровитель славяскихъ проповѣдниковъ былъ низвергнутъ съ престола, заточенъ въ тюрьму, и потомъ умерщвленъ. Святопо къ, ставшій въ зависимость отъ нѣмецкаго императора Людовика, вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ поддаваться и вліянію нѣмецкаго духовенства. Вслѣдствіе этого св. Меѳодій, по возвращеніи изъ Рима, не могъ найдти себѣ мѣста въ Моравіи. Онъ нашелъ на нѣкоторое время пріютъ себѣ у паннонскаго

*) Нѣкоторые предполагаютъ, что оба св. брата Кириллъ и Меѳодій (или только Кириллъ) получили епископство въ Константинополѣ, когда только отправлялись на проповѣдь въ Моравію. Въ жизнеописаніяхъ ихъ объ этомъ не говорится; по преданіямъ оба святые брата въ православныхъ службахъ церковныхъ поминаются епископами моравскими.

князя Коцела, который принялъ его, съ радостію и уваженіемъ. Но когда и Паннонія должна была подчиниться власти Святополка и нѣмцевъ, нѣмецкимъ епископамъ удалось наконецъ (872 г.) отправить Меѳодія въ заточеніе, и продержать его тамъ два года съ половиной. Однакожъ, когда папа Іоаннъ узналъ объ этомъ своеволіи нѣмецкихъ епископовъ, онъ нашелъ свои побужденія заступиться за св. Меѳодія, и сталъ грозить нѣмецкимъ епископамъ запрещеніемъ совершать богослуженіе—до тѣхъ поръ, пока они не освободятъ Меѳодія; онъ также написалъ въ защиту Меѳодія письма къ самому императору Людовику и князю Святополку. Въ 874 г., св. Меѳодій былъ освобожденъ изъ заточенія, и объявленъ моравскимъ архіепископомъ,—чѣмъ уже преграждаемъ былъ нѣмецкимъ епископамъ всякій поводъ простирать свои притязанія на Моравію. Съ этого времени дѣятельность св. Меѳодія получила еще большій успѣхъ. Онъ ревностно заботился о приготовленіи учениковъ, которые бы могли продолжать его дѣло послѣ него, и всюду поставлялъ священниковъ изъ природныхъ славянъ, имъ самимъ образованныхъ. Къ концу его жизни Моравія уже имѣла до 200 своихъ священниковъ.

Счастливые успѣхи славянской проповѣди Св. Меѳодія въ Моравіи и Панноніи имѣли вліяніе и на сосѣднія славянскія страны. *Богемскій* князь Боривой, отдавшій за Святополка свою сестру въ замужество, и вступившій съ нимъ въ политическій союзъ, призвалъ къ себѣ св. Меѳодія и крестился съ своею женою Людмиллою въ 874 г. Вслѣдъ за княземъ крестилась значительная часть народа. Боривой и св. Людмилла ознаменовали свое усердіе къ вѣрѣ построеніемъ нѣсколькихъ храмовъ, ревностными заботами о распространеніи христіанства въ народѣ, и окончили свою жизнь въ монастырскихъ подвигахъ.

Языческій князь, владѣвшій *на Вислѣ*, ругался надъ христіанствомъ и тѣснилъ христіанъ. Св. Меѳодій послалъ

сказать ему, что хорошо бы ему было креститься по доброй волѣ на своей землѣ, чтобы попавшись въ плѣнъ не быть принужденнымъ креститься по неволѣ на чужой. Предсказаніе св. Меѳодія исполнилось. Князь, образумленный тяжкимъ плѣномъ, призвалъ къ себѣ учениковъ св. Меѳодія, и они насадили *въ Польшѣ* православную вѣру съ славянскимъ богослуженіемъ. Въ послѣдствіи родственные и политическіе союзы польскихъ князей съ богемскими еще болѣе содѣйствовали распространенію православія въ Польшѣ до тѣхъ поръ, пока оно тамъ не было подавлено латинствомъ.

Въ *Далмаціи* св. Меѳодій утвердилъ православіе и славянское богослуженіе по уставу восточной церкви во время своихъ путешествій въ Римъ.

У сербовъ и хорватовъ также болѣе утвердилось въ это время православіе и славянское богослуженіе. Стѣсняемые властью франкскихъ государей, сербы и хорваты обратились къ защитѣ греческаго императора Василія Македонянина. Василій Македонянинъ (славянинъ по происхожденію) принялъ ихъ подъ свое покровительство; и вслѣдствіе этого тѣ сербы и хорваты, которые оставались еще не окрещенными, приняли св. крещеніе, и всѣ вмѣстѣ—славянское богослуженіе въ переводѣ Кирилла и Меѳодія.

Такимъ образомъ почти у всѣхъ славянъ южныхъ и западныхъ одновременно во второй половинѣ IX вѣка утвердилась православная вѣра и славянское богослуженіе,—и св. Кириллъ и Меѳодій поистинѣ явились апостолами и просвѣтителями славянскаго племени.

Подъ конецъ жизни, св. Меѳодію опять пришлось терпѣть непріятности отъ нѣмцевъ. Завидуя необыкновеннымъ успѣхамъ проповѣди Меѳодія, нѣмецкіе епископы въ 879 году сдѣлали на него новый доносъ папѣ Іоанну VIII. Къ прежнему обвиненію, что Меѳодій распространяетъ славянское богосгуженіе, присоединено новое, что онъ не исповѣ-

дуетъ исхожденія Св. Духа отъ Сына, согласно съ римскою церковію. Папа самъ не былъ убѣжденъ въ истинности этого догмата, и готовъ былъ отказаться отъ него (въ письмѣ къ Фотію патріарху константинопольскому). Но опасаясь за свою власть надъ славянскими племенами, онъ наложилъ было запрещеніе на славянскую службу, и вновь потребовалъ въ Римъ на судъ св. Меѳодія. Св. Меѳодій торжественно оправдалъ свое дѣло предъ римскимъ соборомъ (880 г.), и папа еще разъ подтвердилъ всѣ предоставленныя ему права и разрѣшилъ читать св. Писаніе и совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ.

Тогда изобрѣтательные враги св. Меѳодія придумали новую интригу; пущена была молва, что въ Константинополѣ императоръ и патріархъ негодуютъ на Меѳодія за его сношенія съ Римомъ. Меѳодій, хотя и увѣренный въ расположеніи византійскаго правительства, долженъ былъ однакожъ, для разсѣянія неблагопріятныхъ толковъ, путешествовать въ Константинополь. Императоръ и патріархъ приняли съ величайшимъ уваженіемъ какъ самаго св. Меѳодія, такъ и принесенный имъ славянскій переводъ св. книгъ.

Когда наконецъ ни въ Римѣ, ни въ Константинополѣ интриги враговъ Меѳодія не достигли своей цѣли, они съумѣли выставить ему соперника въ самой Моравіи. Подъ конецъ жизни Меѳодія, папа, по ходатайству Святополка, дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ нѣмцевъ, далъ ему въ помощники по управленію моравскою церковью шваба Вихинга, епископа нитравскаго. Этотъ Вихингъ съ своею партіею сталъ все болѣе и болѣе входить въ расположеніе къ князью Святополку и возстановлять его противъ Меѳодія и его учениковъ. Въ тяжелой борьбѣ съ такими интригами св. Меѳодій и кончилъ свою жизнь 6 апрѣля 885 года въ Велеградѣ,—передавъ свою власть надъ моравскою церковію ученику своему Горазду, родомъ моравцу.

———

NB. Св. Кириллъ и Мефодій, во время своей миссіонерской дѣятельности, обращались къ Риму и давали папамъ отчетъ о своей дѣятельности. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что они были приверженцами папизма и латинства—римско-католиками? Западная церковь дѣйствительно считаетъ ихъ въ числѣ своихъ святыхъ. Западные ученые стараются доказать, что миссіонерская дѣятельность св. Кирилла и Мефодія принадлежитъ Риму, а не восточной церкви. Въ новѣйшее время на западѣ іезуитами во имя св. Кирилла и Мефодія составляются общества и издаются книги въ духѣ латинской пропаганды. Нельзя не замѣтить, что все это дѣлается нарочно, съ цѣлію—обаяніемъ именъ, свято чтимыхъ южными и западными славянами, лучше расположить ихъ къ латинству, увѣривъ ихъ, что та вѣра, которую первоначально насадили у славянъ св. Кириллъ и Мефодій, была латинская, и сами они были латиняне. Но это есть явная и злонамѣренная ложь. Св. братья были воспитаны въ духѣ восточной церкви, и вышли на свое миссіонерское дѣло отъ восточной церкви по благословенію константинопольскаго патріарха Фотія, котораго паписты не безъ основанія считаютъ первымъ врагомъ своихъ притязаній, и у котораго св. Константинъ Философъ былъ ближайшимъ ученикомъ. И когда св. Константинъ и Мефодій проповѣдывали въ странахъ, прилежащихъ къ округу константинопольскаго патріарха,—у хазаръ, въ Македоніи и Болгаріи;—они обращались съ отчетомъ о своей дѣятельности къ константинопольскому патріарху. Но когда они перешли проповѣдывать въ западныя славянскія страны, прилежащія къ округу западнаго патріарха—римскаго папы, они естественно и по древнимъ правиламъ церковнымъ должны были сноситься съ папою, и константинопольская церковь, не смотря на всѣ клеветы, распускаемыя нѣмцами, за это не имѣла на нихъ никакихъ притязаній, и относилась сочувственно къ

ихъ подвигу, считая его своимъ роднымъ, общимъ для всей православной церкви дорогимъ дѣломъ, хотя и въ другомъ патріаршемъ округѣ. Св. Кириллъ и Меѳодій обращались къ папѣ не какъ къ *главѣ* отдѣльной отъ востока *римско-католической церкви*, а какъ *къ патріарху* западнаго церковнаго *округа, входящаго въ составъ единой* вселенской православной *церкви*,—находящемуся въ общеніи со всѣми другими восточными патріархами. Ибо тогда папы не считались еще *главами* римско-католической церкви, а только начинали стремиться къ тому; всѣ же христіане считали ихъ только старѣйшими епископами западной помѣстной православной церкви. Западная церковь считалась тогда еще православною церковію и на всемъ востокѣ, потому что неправославныя нововведенія въ церковномъ ученіи и устройствѣ въ ней только что возникали и еще не выдавались рѣзко. Раздѣленіе между востокомъ и западомъ тогда только начиналось въ спорахъ между константинопольскими патріархами и папами; эти споры еще могли казаться только личными, а не обще-церковными спорами, и изъ-за нихъ никакой православный христіанинъ до соборнаго суда не имѣлъ права прерывать общенія съ римскою церковію. Въ проповѣданіи же своемъ Кириллъ и Меѳодій слѣдовали не папистическимъ, не римско-католическимъ, а чистоправославнымъ началамъ. Объ исхожденіи Св. Духа они учили согласно съ восточною церковію, а не съ западнымъ нововведеніемъ; за это жаловались на св. Меѳодія въ Римъ папѣ Іоанну VIII нѣмецкіе епископы; за это послѣ смерти Меѳодія, какъ увидимъ, они возстали противъ его учениковъ. Св. Кириллъ въ оставленномъ имъ *исповѣданіи вѣры* оставилъ ясное свидѣтельство того, что въ догматѣ объ исхожденіи Св. Духа онъ слѣдовалъ ученію восточной церкви; въ жизнеописаніи св. Меѳодія также говорится, что онъ долженъ былъ во время своей проповѣди бороться

съ ересью іопаторскою (сыноотчествомъ,— такъ называлось здѣсь западное ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына, потому что въ немъ сливаются личныя свой- Отца и Сына). Обряды церковные св. Кириллъ и Меѳодій вездѣ вводили восточные, а не западные; память объ этомъ и слѣды этого, какъ увидимъ, долго сохранялись у всѣхъ славянъ, обращенныхъ въ христіанство св. братьями, не смотря на всѣ усилія латинства искоренить эти обряды. Богослуженіе у славянъ св. Кириллъ и Меѳодій вездѣ вводили на народномъ славянскомъ языкѣ; это также прямо противорѣчило началу *латинства,* уже и тогда начавшему развиваться въ западной церкви (изъ-за чего и происходили у св. братьевъ постоянные споры съ западнымъ духовенствомъ), и еще болѣе въ послѣдствіи развившемуся и утвержденному самими папами. Наконецъ въ томъ *особенномъ миссіонерскомъ свойствѣ,* существенно характеризующемъ дѣятельность первыхъ славянскихъ проповѣдниковъ, что они вездѣ для народовъ, обращенныхъ ими въ христіанство, старались воспитывать пастырей и учителей-священниковъ и епископовъ *изъ среды ихъ же самихъ,* а не призывать готовыхъ греческихъ или латинскихъ,— что они во всякой народности, вновь присоединяющейся къ христіанству, старались образовать новую живую силу для развитія общехристіанскаго содержанія, а не новую только форму для принятія готоваго уже византійскаго или римскаго просвѣщенія,— въ этомъ также заключается существенное *противорѣчіе началамъ католицизма;* ибо католическое духовенство и католическіе миссіонеры въ подобныхъ случаяхъ стараются дѣйствовать всегда *наоборотъ,* вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства налагая на одну народность нравственнное господство другой народности (собственно римской, но иногда и нѣмецкой— по отношенію къ славянскимъ племенамъ). Такимъ образомъ имена св. Кирилла и Меѳодія по справедливости

должны служить для всѣхъ славянъ знаменемъ не сочувствія къ католичизму, а предостереженія и борьбы противъ католицизма. Паписты и сами это сознавали, и прежде всячески старались истребить у всѣхъ славянъ слѣды проповѣди св. Кирилла и Меѳодія и самую память о ней. Впослѣдствіи уже, когда они замѣтили, что эти имена слишкомъ дороги и *незабвенны* для славянъ, что на нихъ такъ-сказать держится будущая судьба славянскаго міра, они всячески стали стараться *присвоить* себѣ эти святыя имена, дабы чрезъ нихъ удобнѣе привлечь къ себѣ и всѣхъ славянъ

Свящ. А. Иванцовъ-Платоновъ.

(Продолженіе будетъ).

(Прав. Обозр.)

III.

МНИМОЕ ГОНЕНІЕ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И ЕЯ ДУХОВЕНСТВА ВЪ РОССІИ.

Наши непримиримые недруги-поляки, вояжирующіе за границею, заносятъ въ тамошнюю прессу разныя клеветы на русскихъ, въ числѣ коихъ обвиненій видное мѣсто занимаетъ обвиненіе русскаго правительства въ гоненіи р.-католической вѣры и духовенства. По сему случаю, святѣйшій отецъ, тяжко болѣзнуя о страждующихъ своихъ чадахъ, простираетъ руцѣ къ небу и молитъ Всевышнему о помилованіи отъ жестокихъ бѣдствій, постигшихъ въ Россіи польскую церковь, включенную даже имъ въ программу будущаго своего вселенскаго собора.»

Читая такія небылицы, равно удивляемся и богатству фантазіи ихъ сочинителей, и легковѣрію тѣхъ, кои придаютъ имъ какое либо значеніе. Не имѣя нужды опровергать эту клевету во всемъ ея объемѣ, обратимъ вниманіе хоть на одинъ фактъ.

Кому неизвѣстно, что наше родное Россіи православное духовенство пользуется гораздо меньшимъ содержаніемъ отъ казны, чѣмъ р.-католическое, а относительно доходовъ на требоисправленія, между тѣмъ и другимъ, не можетъ быть никакого сравненія. Докажемъ это слѣдующими свѣжими фактами.

На дняхъ случилось намъ двумъ священникамъ быть по дѣлу въ м. Теплякѣ у мѣстнаго становаго пристава Б., гдѣ застали оброчнаго содержателя Т., котораго родной братъ скоропостижно умеръ и не былъ еще тогда погребенъ. Поздоровавшись съ приставомъ, мы оба усѣлись. Вдругъ приставъ обратился къ намъ съ словами: «вы, батюшки, не умѣете такъ брать за требы, какъ берутъ польскіе ксендзы, вотъ этотъ панъ,—приставъ указалъ на Т.,—даетъ ксендзу за погребеніе своего брата 500 руб., кромѣ особой платы въ костелъ и прислугѣ.» Сначала мы не вѣрили приставу, думая, что онъ шутитъ, но тутъ же самъ Т. подробно разсказалъ о своемъ торгѣ съ ксендзомъ м. Терновки за погребеніе брата. Надо знать, что покойный братъ Т. жилъ въ тѣсной дружбѣ съ духовнымъ своимъ пастыремъ и первый оказывалъ послѣднему немаловажныя услуги: ежегодно платилъ деньгами 50 р., отпускалъ 120 корцовъ разнаго хлѣба и прокармливалъ зимою 20 штукъ рогатаго скота. Когда ксендзъ извѣщенъ былъ о потерѣ своего задушевнаго друга и благодѣтеля, то залился слезами. Изъ слезъ ксендза Т. заключилъ, что онъ мало потребуетъ у него за погребеніе, а быть можетъ, и безмездно похоронитъ благодѣтеля, но горько обманулся въ своемъ расчетѣ. Ксендзъ, прослезившись, вѣроятно отъ радости, въ предвкушеніи крупной поживы, сразу назначилъ круглую цифру 500 руб. Такой запросъ принятъ былъ Т. за шутку и онъ сперва предложилъ ксендзу 100 р., потомъ 200, 300, наконецъ 400; но ничто не помогло; пріятель покойника устоялъ на своемъ словѣ и стянулъ съ Т. вышеозначенное количество денегъ, увѣряя его, что еще сдѣлалъ г. Т. большое снисхожденіе, ради дружбы съ покойнымъ его братомъ. Это было въ среду. А предъ тѣмъ въ воскресенье тотъ же самый ксендзъ, по свидѣтельству пристава и Т., получилъ за бракъ (котораго, впрочемъ нельзя было совершить по причинѣ родства безъ особаго разрѣшенія) 800 руб., и за другое погребеніе въ пятницу 1000 руб. И такъ въ 5 дней ксендзомъ благопріобрѣтенъ капиталъ въ 2300 руб., капиталъ, который обезпечилъ бы на всю жизнь цѣлое семейство православнаго священника.

Впрочемъ у насъ рѣдко кто изъ священниковъ, въ продолженіи всей своей долголѣтней жизни, пріобрѣтетъ подобную сумму, а по большей части, умирая, оставляетъ несчастное семейство на произволъ судьбы, или на самое скудное вспомоществованіе попечительства.

По окончаніи приставомъ и Т. разсказа, мы изумились; на нашихъ глазахъ навернулись слезы, когда намъ пришло на мысль получаемые нами грошовые доходы, нерѣдко сопраженные съ униженіями и опасностію попасть подъ судъ. Въ самомъ дѣлѣ, за рубль, за два, на священника доносятъ, его бѣднаго тягаютъ, окончательно разоряютъ удаленіемъ отъ мѣста, тогда, какъ ксендзы въ недѣлю получаютъ до 3000 и не подвергаются никакой отвѣтственности ни предъ кѣмъ.

Представляя въ своемъ воображеніи наше бѣдственное положеніе и благоденствіе ксендзовъ, невольно иногда раздражаешься; тоска и уныніе налегаютъ на душу, зависть овладѣваетъ сердцемъ; но духъ кротости, духъ православія тотчасъ прогоняетъ злые помыслы, возноситъ умъ нашъ горѣ и успокаиваетъ взволнованныя чувства отвращеніемъ взоровъ отъ людей, небрезгающихъ самыми преступными средствами для достиженія внѣшнихъ выгодъ.

А между тѣмъ намъ извѣстно, что ксендзы завидуютъ недавнему улучшенію нашего быта, думая, что 300 руб. жалованья сдѣлали насъ чуть не крезами. Чувство понятное, зависть всегда преувеличиваетъ, а ксендзовская тѣмъ болѣе; ей бы хотѣлось видѣть православнаго священника въ нищетѣ и униженію. Но ксендзы напрасно портятъ свою кровь при воображеніи благосостоянія духовенства,— состояніе наше нисколько не улучшилось. Правительство, правда, съ своей стороны сдѣлало все, что при многочисленности духовенства, при громадныхъ нуждахъ государства, могло теперь сдѣлать; но лишенія наши и трудности нисколько отъ того не уменьшились. Сомнѣвающійся легко можетъ убѣдиться нижеприведенными доводами. Возьмемъ для примѣра приходы 5-го и 7-го класса, въ первыхъ получалось жалованья 120 р., въ вторыхъ 80; кромѣ того,

прихожане обязаны были обработать 10 десятинъ земли священнической, за которую въ послѣднее время прихожане платили священникамъ по 100, 120, 150, 200 и даже 300 руб. Независимо отъ того, выдаваемо было помѣщиками топливо, а ремонтировка церков. зданій состояла на обязанности прихожанъ. Теперь въ замѣнъ всего того, назначено священнику 500 руб. Не нужно быть слишкомъ сильнымъ въ ариѳметикѣ, чтобы найдти разность между прошедшимъ и настоящимъ содержаніемъ священника и убѣдиться въ томъ, что настоящія средства западно-русскаго православнаго духовенства далеко не удовлетворяютъ его нуждамъ, особенно при настоящей дороговизнѣ и разнородныхъ поборахъ, взимаемыхъ съ духовенства не на личныя его нужды. Изъ 300 руб., священникъ долженъ удѣлить часть на жалованье благочинному, на попечительство, библіотеку, содержаніе училищъ, на вспоможеніе консисторіи и проч. Само собою разумѣется, что значительную часть такихъ внѣшнихъ расходовъ, нужно покрывать изъ единственнаго источника, изъ тяжело-трудоваго хозяйства, повсюду въ нашемъ краѣ, при настоящихъ неурожайныхъ годахъ, при дороговизнѣ рабочихъ рукъ, находящагося въ большомъ упадкѣ невсегда обезпечивающаго прокормленіе священника. Если взять во вниманіе воспитаніе дѣтей, то безвыходность положенія здѣшняго духовенства дѣлается еще понятнѣе: воспитаніе, напримѣръ, двухъ дочерей въ тульчинскомъ духовномъ женскомъ училищѣ, пишущаго сіи строки, а послѣ вакацій необходимость и сына отправить въ училище, обойдутся ему далеко больше чѣмъ въ 300 руб.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что р.-католическое духовенство, пользуясь громадными доходами и двойнымъ противъ православнаго духовенства жалованьемъ, избыточно роскошествуетъ въ нашемъ отечествѣ; а православное, изыскивая большинство средствъ къ жизни, изъ личнаго труда терпитъ вопіющія нужды. Не удивительно, поэтому, если первое стоитъ на вышей степени образованія, или вѣрнѣе житейской ловкости, выправки и развязности. Воспита-

ники наши выходятъ изъ учебныхъ заведеній съ весьма значительными и достаточными для ихъ миссіи познаніями, но закопавшись на приходѣ, въ сельской глуши, погрязши въ хлопотливомъ хозяйствѣ, не имѣя никакого общенія съ образованными людьми и никакихъ средствъ читать дѣльныя книги и періодическія изданія, забываютъ, или совсѣмъ теряютъ пріобрѣтенное въ заведеніи умственное достояніе.

Священникъ Фавстъ Пашута.

1869 г. 2-го февраля. Подольской губ., Гайсинскаго уѣзда, с. Малая-Мочулка.

IV.

ЯГАЙЛО.

Историческій романъ

ВЪ 4-хъ ЧАСТЯХЪ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ 2-я. ГЛАВА 2-я.

Похищеніе Паяты.

Эту же ночь, неменѣе Гаштольда мучился герой моего романа Ягайло, хотя послѣдній не былъ ни въ бреду, ни безъ памяти. Съ нимъ происходило что то странное и непонятное для него. Впечатлѣніе произведенное свиданіемъ съ Поятой сильно растроило его. Мысли его путались и сонъ бѣжалъ его. Имъ овладѣла страшная безотчетная тоска. Онъ то начнетъ молиться, то подойдетъ къ окну и, посмотрѣвъ на виднѣвшуюся изъ него высокую башню верхняго замка, зальется горькими слезами и сядетъ на скамью, то начнетъ судорожно разводить и махать руками и бѣгать по комнатѣ, то бросится на лежанку и сейчасъ же опять вскочитъ; такъ продолжалось почти до вторыхъ пѣтуховъ и могло бы продолжаться и долѣе, если бы явившійся Войдыйло не нанесъ удара такому состоянію Ягайла.

Лишь только пропѣли вторые пѣтухи, какъ кто-то осторожно постучался въ дверь къ Ягайлѣ.

Послѣдній подошелъ къ двери.

— Кто тутъ? Спросилъ онъ.

— Войдыйло, — отвѣчалъ полушепотомъ знакомый голосъ за дверью.

Ягайло отперъ дверь и въ нее вошелъ Войдыйло.

---

*) См. Кн. 11 Вѣст. Зап. Россіи за 1868 г.

— Ну что?—спросилъ онъ у вошедшаго.

Войдыйло не спѣшилъ отвѣтомъ, сперва онъ тщательно заперъ дверь, а потомъ, молча, взялъ за руку и подвелъ князя къ пылавшему ночнику.

— Посмотри на меня, князь, и полюбуйся, сказалъ онъ, наклоняя свою голову передъ ночникомъ: лице Войдыйлы, и самъ онъ весь, были запачканы въ глинѣ.

— Гдѣ ты былъ? Почти съ ужасомъ спросилъ его Ягайло.

— Гдѣ былъ тамъ меня нѣту, отвѣчалъ Войдыйло.

— Такъ ты ничего не сдѣлалъ?

— Какъ ничего? Если-бы я ничего не дѣлалъ такъ не перепачкался бы такъ...... что нужно, то сдѣлано, а что не сдѣлано то завтра додѣлается, — говорилъ Войдыйло, а теперь отдохнуть пора; умаялся я работавши то....

— Что ты работалъ?

— Все будешъ знать, князь, скоро посѣдеешь....

— Ты меня во гнѣвъ вводишь, Войдыйло, — топнувъ ногою, закричалъ Ягайло: мнѣ и безъ тебя недужится, а ты тутъ еще...

Эхъ, князь! Гнѣваться то на меня тебѣ не зачто, я вѣдь для тебя такое дѣло стряпаю, что и самому Пеклосу въ носъ бросится: вѣдь я чуть—чуть сегодня не утонулъ....

— Какъ такъ?!

— А вотъ какъ: слушай меня, князь.... давеча я думалъ думалъ, какъ бы Пояту—то освободить, да и надумалъ. «Украсть ключи, да ее освободить днемъ, это можно, и скоро можно, да бѣда въ томъ, что много сторожей поставлено у выходовъ, — не увидитъ одинъ, увидитъ другой, ну и пропали мы.... Правда, можно на этотъ разъ переодѣть Пояту въ мужскую одежду, да вѣдь этой хитростью можно только сторожей обмануть, а попадется намъ князь Андрей, ну и пропали мы... освободить ее ночью можно, я бы переодѣлся латникомъ, я сталъ бы на мѣсто стражника, а его бы можно услать куда нибудь, въ это время мой нарядъ надѣть на Пояту, да и вывести изъ замка, а потомъ — то что будетъ, когда хватятся Поятыᵉ Стражники скажутъ, что ночью были въ верхнемъ замкѣ только Ягайло и Войдыйло, ну и пропали мы... я придумалъ утащить ее чрезъ подземный ходъ....

— Черезъ какой подземный ходъ? Скоро спросилъ его Ягайло.

— Черезъ тотъ который идетъ изъ верхняго замка на рѣку

Вилію и въ горы; твой дядя Явнутъ черезъ него убѣжалъ..... тебѣ вѣдомо, князь, что мальчикомъ я былъ, въ княжеской пекарнѣ прислужникомъ, такъ во время осады Вильны крестоносцами, старшій пекарь каждый день посылалъ насъ съ ведрами чрезъ этотъ подземный ходъ на рѣку Вилію за водою.

Подземный ходъ этотъ великъ и широкъ, и мы съ охотою ходили за водою, вотъ тогда то я и узналъ всѣ выходы и закоулки. Не одинъ разъ мы безъ вѣдома старшаго пекаря ходили этимъ ходомъ въ горы: наиграемся въ лѣсу бывало вдоволь, да тѣмъ же путемъ назадъ. Вотъ и вспомнилъ я сегодня про этотъ путь, дай думаю загляну въ него.... Ну взялъ съ собою двѣ смолистыя головни, огниву, да кремень, и пошелъ въ горы. Тамъ въ частомъ ельникѣ нашелъ въ кустахъ я камень, отвалилъ его, добылъ огня, запалилъ головни и пошелъ въ подземелье......

— Одинъ? Испуганно спросилъ Ягайло.

— Одинъ,—отвѣчалъ смѣло Войдыйло: — жутко было одному, да для тебя, князь, во гробъ пойду, а нетолько въ подземелье. Ну вотъ шелъ я шелъ, да какъ ухну сразу по животъ въ воду, такъ я и обмеръ... головню одну уронилъ въ воду, а другую какъ то удержалъ... кой какъ выцарапался изъ воды—то назадъ, да тутъ только и вспомнилъ, что это мѣсто подъ Виліей и что тутъ поворотъ есть въ верхній замокъ; нашелъ я этотъ поворотъ и, по старой памяти, пришелъ къ желѣзной двери; которая находится подъ башней, какъ разъ рядомъ съ подземельемъ Пояты. Началъ я ломать дверь, да какъ ни старался, безъ лома сдѣлать ничего не могъ. За то всѣ кирпичи и камни повынималъ, дверь то теперь хоть и не отпирай, — расшаталъ я ее; стоитъ только нажать хорошенько, и она сама соскочитъ теперь.

— Чтожъ, думаю я, ее ныньче отпирать не слѣдъ, потому что я хоть и освобожу Пояту, да не знаю, куда дѣть ее. Ну вотъ присѣлъ я у двери въ раздумьи, а тѣмъ временемъ слышу говоръ...

— Чей?

— Пояты....

— Съ кѣмъ она говорила?

— Съ собою: все поминала боярыню Анну. Я такъ полагаю, что во снѣ, потому что все прощенья у нее просила. Зачѣмъ, говоритъ, ты пришла боярыня? Смерти моей хочешь, такъ скорѣе казни меня, мнѣ тяжко жить, — и много она тутъ говорила, да не упомню всего.... тебя поминала...

— Бѣдная! прошепталъ Ягайло,

— Потомъ утихла. Ну, думаю, завтра утромъ ты будешь наша, а теперь пора убираться домой. Пошелъ я назадъ, на половинѣ дороги и другая головня потухла, тутъ на меня напалъ такой страхъ, что я опрометью бросился бѣжать; разъ десять падалъ, нѣсколько разъ натыкался на стѣны, руки и шею исцарапалъ до крови.... какъ увидѣлъ я свѣтъ дневной, такъ точно камень съ плечь свалился и страхъ пропалъ... ухъ! выскочилъ я изъ подземелья, какъ заяцъ изъ куста, осмотрѣлся кругомъ,—ни души человѣческой нѣтъ, только зеленая дубровушка шумитъ да снѣжокъ порошитъ; завалилъ я камень и думаю: пойду домой, да какъ взглянулъ на себя, такъ и охнулъ. Весь въ грязи, да въ глинѣ, течетъ съ меня хоть выжми. Идти такъ, думаю, нельзя, увидитъ кто нибудь скажетъ: гдѣ былъ? Да не въ томъ бѣда, а вотъ какъ хватятся послѣ Пояты, да узнаютъ, что ее утащили чрезъ подземный ходъ, ну и пропали мы... скажутъ: Войдыйлу видѣли, какъ онъ весь въ грязи съ горъ выходилъ... вотъ я взялъ отвалилъ камень, да и легъ тамъ въ подземельи, у входа; камень то немножечко придвинулъ... вотъ до сей поры и пролежалъ тамъ. Бррр!!... заключилъ Войдыйло, потирая руки,

— Озябъ?

— Озябъ-то озябъ, да это не бѣда, а проголодался больно, вотъ что... сказалъ Войдыйло.

— Вонъ на окнѣ лежитъ пирогъ съ курицей: давеча матушка княгиня прислала мнѣ его... возьми его весь, я не хочу... Войдыйло поспѣшно подошелъ къ окну и взялъ пирогъ.

— Князь! Тутъ съ пирогомъ есть кубышка какая то...

— Ну такъ что жъ?

— Да ничего.... съ чѣмъ то она? Продолжалъ Войдыйло, лукаво подмигивая...

— Съ аллусомъ...

— Дозволь глоточекъ... Больно ужъ я продрогъ въ подземельи то....

— Пей всю....

— Ну какъ не служить такому князю! подобострастно и торжественно замѣтилъ Войдыйло, взявъ въ руки кубышку и, усѣвшись въ углу на скамьѣ, началъ ѣсть пирогъ и запивать аллусомъ.

— Хорошо что ночь—то сегодня не лунная? Сказалъ Войдыйло продолжая ужинать.

— А то что же бы? спросилъ Ягайло.

— Увидѣли бы меня такимъ дозорные какъ есть я, ну и пропали мы.... а теперь только окликнули, да спросили гдѣ такъ поздно былъ?

— Что же ты отвѣчалъ?

— Что? Гмъ! Говорю: гдѣ былъ, тамъ меня теперь нѣтъ,— пьянымъ нарочно прилегнулся.

— Зачѣмъ?

— А за тѣмъ, чтобы подумали, что я у рагутисницъ былъ въ горахъ.... Какъ вошелъ я въ ворота; пѣсню затянулъ про бога Рагутиса, а дозорные-то и говорятъ: отъ рагутисницъ вѣрно?— Такъ ты пой да не громко, а не то великаго князя разбудишь, сказалъ мнѣ одинъ дозорный, заливаясь смѣхомъ. Ладно, молъ, не надо мной дурачье смѣетесь, а надъ собой, я васъ всѣхъ обманулъ... продолжалъ Войдыйло, на котораго аллусъ началъ уже дѣйствовать.

— Такъ ты говоришъ завтра Поята будетъ наша? Спросилъ Ягайло, расхаживая по комнатѣ.

— Какъ эта курица теперь моя, такъ Поята завтра твоя будетъ. Только для курицы въ моемъ брюхѣ мѣсто готово, а для Пояты нужно мѣстечко припасти, съострилъ Войдыйло, у котораго языкъ развязался.

— Куда же ее дѣть то? Глубокомысленно спросилъ Ягайло.

— Твоя воля,

— Не придумаю куда.

— Ты не придумаешь, такъ твой холопъ Войдыйло придумаетъ.

— Ну а куда?

— Погоди, князь, дай съ курицей справиться, замѣтилъ Войдыйло.

Ягайло, молча подошелъ къ окну и началъ смотрѣть на темнѣющую башню.

Войдыйло не замедлилъ покончить съ пирогомъ и аллусомъ.

— Спасибо на пирогѣ и на аллусѣ, сказалъ конюшій, кланяясь Ягайлѣ.

— Ну, надумалъ мѣсто то?.....

— Надумалъ...

— Куда же?...

— Въ Еввинской монастырь, отвеземъ ее сами, ты, князь попросишь матушку игуменью взять ее на свое попеченье. Вѣру де христіанскую хочетъ она принять, и отъ своихъ родныхъ скрыть молъ это хочетъ.... Игуменьи, скажи князь, что бы она ни кому не говорила объ этомъ, а Поята пусть новое себѣ имя придумаетъ.... Пусть она дней пять тамъ побудетъ, а потомъ можно новое мѣсто ей приготовить; понадежнѣе я найду.

— Пожалуй.... А на чемъ мы повеземъ ее?

— На лошадяхъ, въ нѣмецкой кибиткѣ поѣдемъ съ тобою. Если твоя матушка спроситъ тебя, куда ѣдешь? Говори прямо: въ Еввинской монастырь, Богу, молъ помолиться...

— Ладно.... Матушка игуменья для меня все на свѣтѣ сдѣлаетъ...

— Отъ того то я и выбралъ такое мѣсто.

— А гдѣ-жъ мы возьмемъ Пояту?

— Въ горахъ ...

— Такъ вѣдь намъ не по пути будетъ ѣхать въ это мѣсто?

— Кругомъ объѣдемъ, положись князь на меня, я все обдѣлаю ......

Ягайло при этомъ улыбнулся.

— До сей поры Войдыйло я тебя дуракомъ считалъ, сказалъ онъ ласково.

— Князь! хвали жену на другой день свадьбы; считай хлѣбъ осенью, а холоповъ цѣни по дѣлу, замѣтилъ Войдыйло.

На дворѣ между тѣмъ начало свѣтать.

Ягайло раздѣлся и бросился на лежанку, а Войдыйло отправился обмыться.

На другое утро, какъ говорилъ Войдыйло, такъ и сдѣлалось. Тройка, запряженная въ кибитку, въ которой сидѣлъ Ягайло, и управляемая Войдыйломъ, выѣхала изъ Мѣдникскихъ воротъ, по дорогѣ ведущей въ Еввинской монастырь. Погода благопріятствовала задуманной цѣли. Въ этотъ день, какъ нарочно, пошелъ густой снѣгъ и поднялась большая мятель. Въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было различить никакого предмета. Сдѣлавъ нѣсколько саженей по дорогѣ, Войдыйло повернулъ прямо къ рѣкѣ Вилейкѣ чрезъ предмѣстье Росса. Выбрашись по льду на другой берегъ Вилейки, Войдыйло погналъ лошадей и чрезъ нѣсколько времени былъ на горахъ въ частомъ ельникѣ.

— Посмотри, князь, за лошадьми, а я пойду, сказалъ Войдыйло.

— Съ Богомъ, сказалъ Ягайло, принимая въ руки вожжи.

Войдыйло, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ въ густомъ кустарникѣ наткнулся на что то мягкое; схватившись правою рукою за ножъ, онъ нагнулся и увидѣлъ спящую женщину рагутисницу: она была на половину занесена снѣгомъ.

Нашла же мѣсто! подумалъ Войдыйло и толкнулъ ее ногою.

— Вставай замерзнешь, сказалъ онъ, наклоняясь къ пылающему лицу рагутисницы и толкая ее руками. Но какъ сильно ни толкалъ ее Войдыйло, рагутисница не просыпалась, а только что то мычала. Настоящая рагутисница! напилась и валяется какъ чурбанъ, думалъ Войдыйло, позволяя себѣ нѣкоторые вольности.

Стащу-ка я ее въ подземелье, на мѣсто Пояты, пьяная-то она, не узнаетъ какъ сдѣлается заключенной, а Андрей Ольгердовичъ съ Гаштольдомъ и подавно: такъ за Пояту и сойдетъ она, намъ же лучше, погони не будетъ. Только нужно одежду перемѣнить; да это не бѣда, ее теперь хоть совсѣмъ раздѣть, не почувствуетъ, думалъ Войдыйло и, счастливый открытіемъ, смѣялся отъ души.

Взявъ за руки подъ мышки спящую рагутисницу, онъ подтащилъ ее къ камню, который порядочно занесло снѣгомъ.

Отодвинувъ камень, Войдыйло втащилъ въ отверстіе подземнаго хода рагутисницу и, положивъ ее на землю, вынулъ изъ за пазухи головню, кремень и огниву и началъ добывать огонь; головня запылала. Положивъ рагутисницу на спину, онъ привязывалъ ее кушакомъ къ себѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Онъ былъ хоть и не высокаго росту, но очень силенъ, а потому ему эта ноша не казалась тяжелою.

Долго онъ пробылъ подъ землей, такъ что Ягайло уже отчаялся увидѣть его и думалъ, что конюха его поймали на мѣстѣ похищенія. Эта неудача за собою влекла страшныя послѣдствія и потому Ягайло придумывалъ планъ для своего оправданія: онъ даже рѣшился во всемъ запереться и все свалить на Войдыйлу. Но вотъ, наконецъ, онъ слышитъ голосъ Войдыйлы, который спрашиваетъ гдѣ онъ?

Здѣсь, отвѣчалъ Ягайло.

Черезъ минуту предъ нимъ предсталъ его конюшій, ведя за руку Пояту, она была одѣта въ костюмъ рагутисницы.

Ягайло вскрикнулъ отъ радости; герой и героиня мои бросились другъ другу въ объятія.

— Ну, мѣшкать нечего, садитесь въ кибитку, тамъ нацѣлуетесь вдоволь,—сказалъ торжествующій Войдыйло, снова весь перепачкавшійся въ глинѣ.

Ягайло посадилъ Пояту въ кибитку и, наскоро укутавъ ее медвѣжьимъ кожухомъ, помѣстился рядомъ съ нею.

Войдыйло ударилъ по лошадямъ и скоро герои наши были на дорогѣ въ Еввинскій монастырь.

— Ты за мной, князь Яковъ пріѣхалъ, а не за Анной?—Спрашивала Поята Ягайлу, смотря на него какъ то странно.

— За какой Анной? Удивленно спрашиваетъ ее Ягайло.

— За Анной Гаштольдовой.....

— Да вѣдь она мертвая, давно ужъ покоится въ могилѣ.

— Да въ могилѣ.... Только она не мертвая, а сегодня, ее видѣла,—говорила съ нею....

Ты меня куда везешь? Спрашиваетъ Поята.

— Въ Еввинскій монастырь, къ игуменьѣ, тамъ ты будешъ въ безопасности и тамъ ты примешь вѣру христіанскую....

— Тамъ живетъ красавица Анна?

— Далась тебѣ эта Анна!.... Что тебѣ до мертвой, пусть ее спитъ вѣчнымъ сномъ, ты о себѣ то лучше подумай,—говорилъ Ягайло, цѣлуя Пояту.

— Зачѣмъ ты меня цѣлуешь? Спрашиваетъ его Поята.

— Какъ зачѣмъ?! Я жить безъ тебя не могу,... отвѣчаетъ растерявшійся отъ такого вопроса Ягайло.

— А какже Анна—то, какъ же Анна-то; вѣдь она узнаетъ про это?

— Да что ты Поята?! Господь съ тобою! Ты точно полоумная сдѣлалась... Вѣдь Анна умерла.

— Умерла?.. Когда она умерла?

— Да вѣдь ты сама ее убила?

— Да убила, ножемъ я убила... прямо въ сердце... Только она не умирала, я ее сегодня видѣла, говорила съ нею.... Такая она ласковая, красивая!.... Вѣдь она лучше меня?

— Да кто?

— Анна Гаштольдова....

— Ты Поята безумная! заплакавъ, сказалъ Ягайло, понявъ наконецъ, что Поята помѣшалась.

— Ты плачешь? О чемъ ты плачешъ?... Какое горе тебя сокрушаетъ?

Ягайло, не отвѣчая, продолжалъ плакать.

Въ это время на встрѣчу бѣглецамъ попался князь Кейстутъ съ сыномъ Витовтомъ, съ нѣсколькими боярами и со своими псарями.

У Войдыйло отъ страху искорчилось лице. Неловко онъ снялъ свою остроконечную шапку, передъ князьями, намѣреваясь поклониться.

— Кого ты везешъ? спросилъ Витовтъ, узнавъ Войдыйлу, и недождавшись отвѣта, заглянулъ въ кибитку.

— А!!!... вырвалось изъ груди Витовта, смотря на Ягайлу.

— Молчи, Витовтъ! поспѣшно сказалъ ему полушопотомъ Ягайло, прикладывая палецъ къ губамъ.

— Гдѣ это ты подхватилъ рагутисницу? Спросилъ тоже полушопотомъ Витовтъ, повертывая своего коня по направленію ѣдущей кибитки.

— Какую рагутисницу? Съ изумленіемъ спросилъ Ягайло.

— А вотъ эту, и Витовтъ показалъ пальцемъ на Пояту, голова которой была украшена повязкой рагутисницы!

Ягайло, замѣтивъ повязку, и самъ не могъ понять какъ она попала на голову Пояты.

— Это не рагутисница, прошепталъ Ягайло.

— А то кто же? Ужъ не войделотка ли Поята, которая тебя съ ума свела? спросилъ Витовтъ, смѣясь. Полно хитрить, Яша, дурачь холопей, только не меня.

Едва только онъ сказалъ послѣднія слова, какъ Поята, откинувъ покрывало съ лица, обратилась къ Витовту.

— Да, я Поята, а ты кто такой?... Спросила она, строго смотря на Витовта.

— Витовтъ сынъ трокскаго князя Кейстута; отвѣчалъ онъ, несмущаясь неожиданнымъ открытіемъ.

— Нѣтъ ты не Витовтъ... нѣтъ... ты бояринъ Гаштольдъ, ты меня повсюду преслѣдуешь... хочешь моей смерти!... Но за меня заступятся, не дадутъ тебя мучить меня... за меня Анна вступится... твоя жена красавица...

Ну, и пропали мы! прошепталъ Войдыйло, сидя на козлахъ и трясясь какъ въ лихорадкѣ.

Витовтъ до крайности удивился словамъ Пояты.

— Что она говоритъ?! Обратился онъ къ Ягайлѣ.

— Ты, Витовтъ, куда съ отцемъ ѣдешь? Спросилъ въ свою очередъ смутившійся Ягайло.

— Выѣхали на охоту, да за непогодою свернули къ вамъ въ Вильну, отвѣчалъ Витовтъ.

— Къ вечеру я буду назадъ, и тебѣ открою тайну; твоей помощи попрошу, а теперъ, что видѣлъ ты и слышалъ, молчи... Если дядя Кейстутъ тебя спроситъ: съ кѣмъ ты говорилъ въ кибиткѣ? Скажи на кого нибудь... Ну ступай догоняй отца,—торопливо говорилъ Ягайло.

— Ладно..... Прощай, Ягайло.... сказалъ Витовтъ, поворачивая лошадь и ударивъ ее нагайкою.

— Съ кѣмъ ты говорилъ? Спросилъ Кейстутъ Витовта, когда онъ догналъ его.

— Съ бояриномъ Крюкомъ, отвѣчалъ Витовтъ.

— Между тѣмъ Войдыйло началъ еще сильнѣе погонять лошадей.

— Ну и пропали теперь мы! обращаясь къ Ягайлѣ, сказалъ онъ со вздохомъ: князь Витовтъ въ Вильнѣ разскажетъ, что видѣлъ Пояту и за нами пошлютъ погоню.... и пропали мы, пропали!....

— Не бойся, Витовтъ не скажетъ, мы съ нимъ друзья! заключилъ Ягайло.

— Хорошо если не скажетъ... Тогда все шито-крыто... Рагутисница отвѣтитъ за Пояту...—И Войдыйло расказалъ ему, какъ онъ стащилъ въ подземелье пьяную рагутисницу, и положилъ на мѣсто Пояты.

Ягайло, выслушавъ разсказъ о рагутисницѣ, только тутъ понялъ какъ попала повязка Рагутиса на голову Пояты литовскаго бога пьянства и веселія.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ Поятой онъ убѣдился, что она помѣшалась. Убійственно было для него подобное открытіе и горько плакалъ онъ, не отвѣчая на безмысленные распросы Пояты.

Но вотъ, наконецъ, погода начала стихать и проясняться. Глазамъ нашихъ путниковъ началъ обрисовываться на блѣдномъ фонѣ Еввинскій женскій монастырь, съ деревянною пятиглавою церковью, съ небольшою колокольнею, кельями и службами, а также съ вы-

сокой деревянной стѣной вокругъ всего монастыря, на углахъ котораго находились четыре башни съ бойницами, за монастыремъ чернѣлъ посадъ.

— Ну вотъ и пріѣхали! закричалъ Войдыйло, останавливая лошадей у воротъ монастырскихъ: ступай, князь, сперва одинъ, къ матушкѣ игуменьѣ, поговори съ ней и уладь все, потомъ ужъ и здадимъ Пояту съ рукъ на руки. А то вѣдь зря нельзя дѣлать, можетъ она не согласится принять ее, или кто нибудь есть въ монастырѣ изъ Вильны, ну и пропали мы.... говорилъ Войдыйло.

Ягайло повиновался своему конюшему и, выйдя изъ кибитки, подошелъ къ воротамъ и дернулъ за веревку. Раздался звонъ привратнаго колонола. Черезъ нѣсколько минутъ одна пололвина воротъ отворилась и въ ней появилась привратница.

— Князю Якову многія лѣта! сказала она, узнавъ Ягайлу и низко кланяясь ему.

— Матушку игуменью можно видѣть? Спросилъ князь привратницу, слегка отвѣчая поклономъ на поклонъ.

— Тебѣ, князь, радѣльщику и защитнику греческой вѣры, матушка игуменья всегда рада,—сказала привратница, продолжая отвѣшивать низкіе поклоны.

Ягайло пошелъ къ игуменьи, которая только что возвратилась отъ обѣдни. Она его приняла очень ласково и закидала его распросами о московскомъ походѣ. Ягайло началъ разсказывать, какъ онъ видѣлъ святыню московскую; игуменья при этомъ заплакала, заплакалъ и Ягайло, но не отъ воспоминаній о святынѣ московской, а просто отъ того, что скорбѣлъ за Пояту. При такомъ состояніи, человѣкъ почти всегда бываетъ откровененъ, а потому Ягайло, заливаясь слезами, разсказалъ игуменьи все,—рѣшительно все, не скрывая ничего. Такая откровенность князя, по душѣ пришлась игуменьи и она согласилась укрыть Пояту, если только она захочетъ принять св. крещеніе. Матушка игуменья! — говорилъ Ягайло: въ душѣ, Поята давно христіанка, она давно просила меня вырвать изъ гнѣзда язычества, да я все медлилъ—моя вина!... послѣ этого, онъ наскоро разсказалъ о признакахъ помѣшательства Пояты.

— Ничего, князь! не падай духомъ: Господь милосердъ....молись ему и проси его за себя и Пояту... пріиметъ она крещеніе, воз-

родится духомъ и тѣломъ, — и молитвами нашими грѣшными и своими—въ умъ прійдетъ!!.. Господь сказалъ». Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененіи и азъ упокою. На Него возложимъ наше упованіе и благо будетъ намъ... Правда, что она убійца, но вѣдь Господь Іисусъ Христосъ пришелъ не для праведниковъ, а для грѣшниковъ. Лютый разбойникъ, распятый вмѣстѣ со Христомъ нѣсколькими словами покаянія обрѣлъ себѣ царствіе небесное.... такъ и она можетъ найдти его. Оно для ищущихъ его открыто. Давай, князь, сперва помолимся сказала игуменья, становясь на колѣна передъ кіотомъ гдѣ помѣщались образа.

Слова игуменьи вырвали у Ягайлы цѣлый потокъ слезъ, онъ поспѣшно опустился на колѣна и задушевная молитва его полетѣла къ Источнику утѣшенія.

Послѣ длинной молитвы, игуменья позвала къ себѣ келейницу и приказала впустить въ монастырь княжескую кибитку.

— Пусть возница подъѣдетъ прямо къ моей кельи,—говорила она послушницѣ; послѣдняя поклонилась и вышла вонъ.

— Я ее помѣщу у себя въ кельи,—пусть она будетъ на моихъ глазахъ... сказала игуменья.

Но вотъ подъѣхала кибитка къ крыльцу кельи игуменьи; Ягайло поспѣшилъ къ Поятѣ. Заглянувъ въ кибитку, Ягайло увидѣлъ что она спитъ.

— Я ее внесу, сказалъ Войдыйло, намѣреваясь привести слово въ дѣло.

Но лишь только дотронулись до нея, какъ она открыла глаза.

— Пойдемъ, Поята, сказалъ ей Ягайло.

— Куда?.. Спросила она, мутно смотря на Ягайлу.

— Къ матушкѣ игуменьи...

— Къ красавицѣ Аннѣ?... Ты ее любишъ?..

— Поята! Богъ съ тобою... давай руку... ну, пойдемъ,—сказалъ онъ, почти силою вынимая Пояту изъ кибитки.

— Вотъ, Поята, передъ твоими очами матушка игуменья.... не оставь ее,—безумную, безродную сиротинку, будь ты ей матерью, тебя Богъ за это не оставитъ... А я по гробъ буду благодарить тебя,—говорилъ Ягайло, представляя Пояту игуменьѣ.

— Ну вотъ я и пришла.... ты меня звала, я и пришла.... сказала Поята, смотря на игуменью.

Послѣдняя перекрестила ее, и вспрыснувъ святой водой, усадила на скамейку.

Поздно вечеромъ, возвратился Ягайло съ своимъ конюшимъ въ Вильну, привезя своей матери благословеніе и просфору отъ игуменьи Еввинскаго монастыря.

С. Калугинъ.

(Продолженіе будетъ).

ЕВРЕИ ВЪ ВАРШАВѢ ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА.

*Окончаніе *).*

ГЛАВА V.

Тяжкое, невыносимое горе налегло на старика Гольдгейма, когда онъ разстался съ Бураковымъ. Понуривъ голову и черезъ силу передвигая ноги, которыя словно одеревенѣли и потеряли способность сгибаться, онъ побрелъ домой. Едва только онъ перешагнулъ порогъ своей молельни, какъ преступность его дѣтей открылась его глазамъ во всей черствой наготѣ ужасающей дѣйствительности: подъ эстрадой привольно покоился типографскій станокъ, съ помощью котораго его вѣтренныя дѣти пустили въ ходъ тысячи гнусныхъ прокламацій крамольнаго творчества. Мгновенная радость, поселившаяся въ немъ при мысли, что онъ можетъ теперь спасти себя и своихъ дѣтей, вскорѣ смѣнилась невыразимымъ отчаяніемъ. Внутренній голосъ укорительно говорилъ: цѣною оскверненія и уничтоженія святыни ты хочешь избавиться отъ бѣды. Эти слова терзали сердце старика... Совершенно растерянный отъ страшной, невыносимой борьбы, завязавшейся въ его душѣ, онъ почти безсознательно забрался въ укромное мѣсто молельни, подложилъ огонь и отчаянно бросился вонъ.

---

*) См. Кн. 11 Вѣст. Зап. Россіи за 1868 г Отдѣлъ IV.

Тлѣющійся огонекъ черезъ нѣсколько минутъ выскочилъ пламенными языками, охватившими всѣ концы молельни; клубы дыма, возвышаясь въ поднебесью, наполняли воздухъ гарью.

Прокрадываясь, какъ тать ночной, гдѣ ползкомъ, гдѣ обходомъ, добрался наконецъ Гольдгеймъ черезъ широкій дворъ въ свой домъ. Легко представить себѣ, что долженъ былъ чувствовать человѣкъ, жизнь котораго стелется чистою скатертью безъ всякаго позорнаго пятнышка и которому теперь приходится скрываться отъ людей, словно уголовному преступнику. Въ какомъ-то чаду ковылялъ онъ по лѣстницѣ своего дома, ежеминутно останавливался, вздрагивалъ, потому что ноги отказывались ему служить. Войдя въ кабинетъ, Гольдгеймъ усѣлся въ стоявшее тутъ кресло. Пытка душевная продолжалась, лице его ничего не выражало, порою оно передергивалось, глаза то безцѣльно смотрѣли на одну точку, то перебѣгали съ одного предмета на другой; знать, полученныя имъ тычки судьбины ударили по самымъ чуткимъ нервамъ... На улицѣ между тѣмъ поднялся уже крикъ и гамъ; случившійся пожаръ всполошилъ всѣхъ жителей околодка, каждый изъ сосѣдей спѣшилъ обезопасить свой домъ, который преемственно могъ сдѣлаться жертвою ненасытной стихіи. Подоспѣла пожарная команда и своими гасительными снарядами старались унять огонь, грозившій поглотить все и всѣхъ. Не замедлили явиться и уличныя ротозѣи и охотники до сильныхъ ощущеній, словомъ набралось столько народу, что вся улица была запружена людьми, шумъ которыхъ съ частыми вскрикиваньями: ахъ! какъ горитъ! смотрите! да стукъ колесъ подъ пожарными инструментами, разбудили наконецъ старика отъ летаргическаго сна, сковавшаго его душу и тѣло. Но не на радость очнулся старикъ. Онъ началъ обдумывать свой поступокъ, сообразилъ, что по городу пойдутъ двусмысленные толки и пересуды по поводу пожара и грустныя ощущенія кошмаромъ ложились на его душу. Да, горькую чашу суждено было испить старику за минутное увлеченіе своего сына.

Пожаръ все еще свирѣпствовалъ во всей своей силѣ, пожарная команда все еще суетилась, дѣлала чудеса самоотверженій, чтобы хоть что нибудь отвоевать отъ страшнаго врага, — и Буровъ

вмѣстѣ съ нѣсколькими полицейскими явился въ домъ Гольдгейма. Тамъ былъ произведенъ строжайшій обыскъ, обшарили всѣ потаенные углы, чердаки, погреба, даже половицы были приподняты; но тщетно, типографскаго станка не нашли, онъ давнымъ-давно превратился уже въ пепелъ. Карлъ и Герминія стояли въ одномъ углу двора какъ будто пораженные молніею; они не шевельнули бровью, не мигнули глазомъ; происходившія передъ ними явленія убили въ нихъ всякое жизненное отправленіе. Невольно память ихъ перебирала всѣ превратности, которымъ подвергся въ такое короткое время ихъ отецъ: его позвали къ намѣстнику, потомъ огонь вспыхнулъ въ домѣ, теперь полиція обыскиваетъ домъ, все это не спроста, все это не одна случайность, тутъ навѣрно кроется что-то ужасное... Особенно терзалась Герминія. Слабонервная отъ природы, она не выдержала напора многочисленныхъ сильныхъ впечатлѣній и, какъ подрѣзанный колосъ, грохнулась на землю. Старикъ Гольдгеймъ, свѣсивши голову чрезъ форточку окна, смотрѣлъ повидимому спокойно на исчезнованіе своей молельни и ждалъ прибытія Буракова. Послѣдній, отдавъ нужные приказы солдатамъ, отправился къ Гольдгейму.

— Неоцѣненный другъ и спаситель, сказалъ старикъ, крѣпко пожимая руку Буракова; душевный мой привѣтъ и благодарность; у меня не достаетъ словъ, для выраженія того, что чувствуетъ мое сердце, сказалъ онъ съ уваженіемъ. Вы спасли меня, мое семейство; пока жизнь будетъ биться въ моемъ старческомъ сердцѣ, я не забуду васъ. Не думайте однакожъ, что я теперь совсѣмъ успокоился, меня мучитъ мысль на счетъ моего сына. Вы знаете—молодость сговорчива, сколько горькихъ жизненныхъ уроковъ ни получитъ, она ими невразумляется: одна волна смѣняется другою, которая, въ свой чередъ, также опасна какъ первая. Мой сынъ теперь порвалъ свои сношенія съ поляками, но кто заручится, что онъ не будетъ продолжать ихъ напоследокъ? Кто десятки люди несправляются съ разумомъ; разъ обжегшись, они, какъ дѣти, еще разъ ловятъ руками огонь. Чтобъ они не попадались, ихъ надо подвергать болѣе ощутительнымъ взысканіямъ, чѣмъ легонькія распечки. Явите божеское одолженіе,—

прикажите посадить моего сына въ крѣпость; въ тиши и уединеніи кровь его остынетъ; онъ будетъ удаленъ отъ сборища политическихъ утопистовъ. Если вы желаете мнѣ добра, исполните мою просьбу.

Бураковъ остолбенѣлъ отъ такой странной просьбы Гольдгейма; передряги жизни больно крѣпко потеряли старика, думалъ онъ, и совсѣмъ лишили его ума.

— Вы удивляетесь, г. Бураковъ? сказалъ старикъ съ наружнымъ хладнокровіемъ. Я вамъ теперь, правда, кажусь чудакомъ? тѣмъ не менѣе я говорю дѣло. Любовь моя къ сыну безмѣрна, но она все-таки не заслоняетъ мнѣ глазъ и я, какъ на ладони, вижу ту страшную будущность, которая стоитъ и теперь за его плечами. Я хорошо изучилъ складъ мыслей моего сына, малѣйшіе изгибы его молодаго, своенравнаго характера и пришелъ къ тому роковому заключенію, что почва, на которой онъ стоитъ, очень зыбка. Если онъ останется на свободѣ, общее броженіе умовъ не обойдетъ его, онъ снова столкнется съ поляками, его снова поймаетъ на удочку предательская красота какой нибудь безмозглой и безсердой патріотки. Тогда или его убьютъ въ лѣсу, или позорно казнятъ на площади, или ушлютъ далеко отъ родныхъ, гдѣ онъ будетъ коротать свой грѣшный вѣкъ (при этихъ словахъ у старика заструились слезы)... Тогда ужъ не поможетъ раскаяніе: умѣлъ ѣсть кислые плоды, умѣй наслаждаться оскоминой. Не такъ ли, милостивый государь? Но теперь еще можно отстранить опасность. За желѣзной рѣшеткой сынъ мой не будетъ въ состояніи вредить самому себѣ. Вотъ гдѣ разгадка моей просьбы, которая показалось вамъ такою странною.

— Да, да, г. Гольдгеймъ, вы правы, сказалъ Бураковъ. Крѣпостныя стѣны окажутъ свою цѣлебную силу на вашего сына, одержимаго полономаніей; онѣ предохранятъ его отъ порчи, которою поляки такъ мастерски изводятъ молодыхъ людей. Онъ тамъ останется до тѣхъ поръ, пока мятежники не перестанутъ безчинствовать.

— До гробовой доски я васъ не забуду; вы одни спасли меня, старика-безталаннаго.

— Развѣ вы мало сдѣлали для меня? сказалъ Бураковъ. Я теперь только радуюсь, что мнѣ привелось отслужить вамъ чѣмъ нибудь. Будьте спокойны, г. Гольдгеймъ, ваша воля будетъ исполнена; до свиданья.

Выйдя на дворъ, Бураковъ увидѣлъ Карла, стоящаго возлѣ своей сестры Герминіи, только что оправившейся отъ недавняго обморока. Онъ подошелъ къ нему и сказалъ: «идите молодой человѣкъ за мною.» Герминію передернуло, а Карлъ, словно одурѣлый, мутными глазами мѣрилъ съ ногъ до головы человѣка, желающаго разлучить его съ отцовскимъ кровомъ и всѣми радостями. Черезъ нѣсколько минутъ онъ собрался съ духомъ и спросилъ незнакомаго ему чиновника:

— Куда, мил. государь хотите меня вести?

— Вѣстимо, куда, сказалъ Бураковъ съ явнымъ оттѣнкомъ холодности.

— Но я хочу знать, куда именно.

— Въ крѣпость, если вы любопытствуете, сухо отвѣтилъ Бураковъ.

— За какіе это проступки? Что я такаго предосудительнаго сдѣлалъ?

На вопросъ Карла, Бураковъ указалъ пальцемъ на пепелище молельни.

— Ваши грѣхи, сказалъ онъ, сами за себя говорятъ; слова мои не нуждаются, думаю, въ комментаріяхъ, сказалъ Бураковъ многознаменательно. Я вамъ совѣтую не хорохориться; будьте воздержны на языкъ и ступайте, куда велятъ. Эти слова опѣшили Карла. Онъ хотѣлъ уже отправиться съ Бураковымъ въ странное новоселье, но Герминія, какъ помѣшанная, бросилась въ слѣдъ брату и судорожнымъ движеніемъ сжала его въ свои объятія.

— Жизнь моя, дорогой мой братъ! Останься тутъ со мной, надрывающимъ сердце голосомъ кричала она. Батюшка, батюшка! скорѣй сюда, злые люди напали на моего брата и хотятъ похитить у васъ сына..

Старикъ, услыхавъ крикъ, поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ разыгривалась составленная имъ же трагедія. Герминія, при видѣ приближающагося отца, еще пуще прежняго заплакала, приговаривая:

— Смотри, смотри батюшка! По щекамъ ея струились горячія слезы: Карла отнимаютъ отъ насъ, не жалѣйте денегъ, выручайте его изъ крѣпости, не оставьте его тамъ на жертву отчаянія.

— Что же ты такъ разрюмилась? Увѣщевательно сказалъ старикъ, если Карлъ не виноватъ, онъ не будетъ сидѣть въ крѣпости. Деньги тутъ рѣшительно ни къ чему, а распоряженіямъ начальства не перечатъ. Карла требуютъ въ крѣпость и онъ долженъ идти. Бураковъ съ Карломъ удалились.

Герминія, не смотря на успокоительныя слова отца, сильно тревожилась на счетъ участи брата. Она рѣшилась идти разсказать Ауреліи обо всемъ случившемся съ ея отцомъ и братомъ. Она разсчитывала на благосклонность Ауреліи, ея неравнодушіе къ Карлу и ласкала себя заранѣе надеждой, что съ помощью Ауреліи найдется лазейка для ея погибшаго брата.

— Барыни нѣтъ дома, сказалъ слуга, когда Герминія подошла къ дому Ауреліи. Легкая улыбка, скользнувшая по его трехъярусныхъ усамъ, явно говорила, что онъ лжетъ—подъ диктовку барыни.

— Что ты турусы на колесахъ городишь! Вѣдь она сама звала меня и навѣрно ждетъ моего прибытія.

Слуга видно упрекнулъ себя за свою недогадливость и продолжалъ молчать. Герминія между тѣмъ вынула изъ кармана клочокъ бумажки, написала: «весьма нужное» и обратившись къ слугѣ промолвила: передай записку барынѣ, а я повремению здѣсь немного.

Докладъ слуги о приходѣ Герминіи произвелъ чрезвычайный переполохъ между всѣми членами собранія, которые продолжали еще препираться о животрепещущихъ вопросахъ любезной своей ойчизны. Каждый ломалъ голову, стараясь отгадать причину прихода сестры измѣнника, который такъ ужасно напакостилъ панамъ-полякамъ. Рѣшили, чтобы Аурелія повидалась съ ней. Спустя немного, отворилась дверь залы и въ нее вошла торжествующей поступью Аурелія, подъ руку съ Герминіею. Подручное хожденіе родовитой шляхтички съ жидовкой разобидѣло всѣхъ до крайности; но чтожъ дѣлать, надо было прикусить языкъ, можетъ быть эта жидовка принесла хорошія вѣсти.

— Не въ обиду будь вамъ сказано, ясневельможные панове, сказала Аурелія; мы дѣлаемъ все на обумъ, нѣтъ мудренаго, поэтому, что строимъ изъ себя шутовъ съ бубенчиками. Смотрите, мы повѣрили разнымъ небылицамъ и ни съ того, ни съ сего, осудили Карла на смерть. Между тѣмъ ясно какъ день, что онъ преданъ намъ и нашему дѣлу не менѣе всякаго истиннаго патріота. Слушайте, что его сестрица разсказываетъ. Карлъ теперь арестованъ, но передъ тѣмъ онъ поджогъ молельню, гдѣ находится типографскій станокъ, который полиція хотѣла конфисковать.

Всѣ съ изумленіемъ смотрѣли въ глаза графу.

— Донесенія моихъ лазутчиковъ непреложны, сказалъ графъ, которому слова Ауреліи попали, какъ говорится, не въ бровь, а въ глазъ; я еще разъ повторяю: Карла видѣли у намѣстника, при выходѣ онъ любезно перешоптывался съ русскимъ чиновникомъ.

— Вашъ братъ ходилъ къ намѣстнику? спросилъ баронъ Славадскій озадаченную Герминію.

— Нѣтъ, не ходилъ, отвѣтила Герминія, рѣшительно не понимавшая, что тутъ дѣлается, къ чему эти распросы. Отца звали къ намѣстнику, но братъ не былъ у него.

Члены собранія не преминули усумниться въ справедливости словъ Герминіи.

— Вы знаете за-подлинно, что братъ вашъ не былъ у намѣстника? снова спросилъ баронъ.

— Честное слово, я говорю истину, настойчиво сказала удивленная Герминія. Я вамъ въ короткихъ словахъ разскажу событія нашего дома въ послѣднія минуты. Чиновникъ пришелъ звать отца къ намѣстнику, а Карлъ безъ оглядки побѣжалъ оповѣстить васъ объ этомъ, но случилась осѣчка,—его не впустили. Воротился онъ домой на себя не похожъ, лицо осунулось отъ отчаянія. Отецъ тоже пришелъ убитый горемъ. Потомъ пожаръ, потомъ обыскъ, ничего не нашли, потому что все истреблено огнемъ. Брата, безъ дальнѣйшихъ церемоній, спровадили въ крѣпость. Панове! Неужели вы откажетесь помочь ему? умоляющимъ тономъ заключила Герминія.

— Хорошо судилище, нечего сказать, воскликнулъ баронъ Сла-

вадскій, окидывая взглядомъ презрѣнія графа. Чуть-чуть не пролили невинную кровь, принявъ въ уваженіе наговоры какихъ-то агентовъ сомнительной честности.

На подобнаго рода драконовскихъ основаніяхъ были скроены всѣ польскіе импровизованные трибуналы въ пору революціонную. Одного подозрѣнія достаточно было, чтобы отправить человѣка на тотъ свѣтъ. О разбирательствѣ дѣла обвиненнаго не было и помину. Драппируясь въ шапку невидимку, эти трибуналы совершали убійства безнаказанно, не щадивъ ни праваго, ни виноватаго. Много, очень много принесено жертвъ этому варварскому, безразсудному изувѣрству! Графъ, который въ присутствіи Герминіи сидѣлъ словно на каленыхъ угольяхъ, чтобы поскорѣй отдѣлаться отъ коловшаго ему въ глаза живаго упрека, обратился къ ней съ дружелюбными словами:

— Ступайте съ Богомъ, не крушитесь, мы сдѣлаемъ, что можемъ сдѣлать.

А что намъ нужно дѣлать, панове, обратился графъ къ остальнымъ членамъ, когда Герминія вышла, а развѣ не оставить его въ рукахъ москалей? Отъ такого поступка мы никогда не будемъ въ накладѣ. Согласенъ, что я ошибся въ произнесеніи надъ нимъ смертнаго приговора, противъ правды я не иду. Но ударить въ набатъ, чтобы выручили жида изъ опасности, по моему мнѣнію, верхъ глупости. Мы должны загладить прошлые наши грѣхи, которые бременятъ душу и заставляютъ насъ краснѣть отъ стыда при воспоминаніи, что мы начали ухаживать за жидами, приблизили ихъ къ себѣ. Крутенько пришлось жиду, а намъ что за дѣло? Между нами и жидомъ нѣтъ ничего родственнаго. Онъ норовитъ только, гдѣ бы можно больше поживиться и когда мы, положимъ, Карла избавимъ отъ москалей, снова примемъ въ свою среду, онъ насъ всѣхъ продастъ, пожалуй, за московскіе рубли. Не значитъ ли это отогрѣть змѣю у себя на груди? Польша обойдется безъ подмоги жидовъ; весело, панове, будетъ, когда Польша выиграетъ свою вѣковую тяжбу и жиды не осмѣлятся участвовать съ нами въ дѣлежѣ богатой добычи. Исходя изъ этой точки зрѣнія, я, панове, подаю мнѣніе, что мы должны

держаться принципа невмѣшательства въ отношеніи къ Карлу. Москали раздѣлаются съ нимъ по своему благоусмотрѣнію, наше дѣло—сторона.

— А если Карлъ, въ отмѣстку за невниманіе ваше къ нему, заваритъ такую кашу, что вамъ всѣмъ будетъ слишкомъ горько ее расхлебывать? Себя онъ спасетъ, спрятавшись за кулисы, а васъ погубитъ,—небрежно проговорилъ баронъ, котораго раздосадовали выходки графа противъ евреевъ.

— Это ужъ я улажу, небезпокойтесь,—сказалъ графъ, рисуясь своей находчивостью. Такихъ восторженныхъ юношей, какъ Карлъ не трудно водить за носъ. Я васъ увѣряю, онъ намъ не измѣнитъ, если до сихъ поръ не измѣнилъ. Завтра я напечатаю о немъ статейку въ нашей газетѣ, прославлю его дѣятельность въ пользу повстанья слогомъ панигирика; скажу, что онъ жертвуетъ своею жизнью за ойчизну, Аурелія пошлетъ ему въ знакъ памяти прядь своихъ волосъ, самыя знатныя и первостатейныя пани пошлютъ ему цвѣты и вѣнки. Этимъ я пощекочу самолюбіе Карла, онъ не захочетъ изъ героя превратиться въ пошлаго доносчика и будетъ молчать.

— Но благородно ли такъ поступать, скажите, положа руку на сердце? возразилъ баронъ Славадскій, вспыливщій отъ гнѣва. Молодой человѣкъ беззавѣтно отдался польскимъ интересамъ, вопреки совѣтамъ своего отца, своей сестры и какую славную награду даютъ ему польскіе патріоты! Право, вы должны стыдиться, графъ, вашихъ варварскихъ проэктовъ.

— Я напередъ зналъ, что мои слова не понравятся жидолюбивому пану Славадскому. Съ вашими гуманными теоріями вы далеко не уѣдете, мы должны справляться съ здравымъ разсудкомъ, спросить у него, что выгоднѣе. Лучше чтобы одинъ провалился хоть въ тартарары, чѣмъ пострадало все польское общество. Развѣ вы не знаете, что интересъ общественный поглощаетъ всѣ мелкіе интересы? Это въ порядкѣ вещей.

— А вы, Аурелія, одного мнѣнія съ графомъ, спросилъ баронъ.

— Признаться, сказала Аурелія, я тоже непрочь, чтобы Карла оставили въ покоѣ, не тревожили больше нашей дружбой. Я ни-

когда не забывала, что онъ мнѣ не чета. Онъ мнѣ уже до смерти надоѣлъ своими грезами, своею любовью. А главное, вѣдь онъ намъ теперь не нуженъ, такъ зачѣмъ канитель-то тянуть? Если мы теперь опять начнемъ возиться съ нимъ, онъ, пожалуй, вздумаетъ волочиться за мной, потребуетъ моей руки. Когда же онъ замѣтитъ, что я совершенно равнодушна къ нему, нѣтъ сомнѣнія, что выдастъ насъ всѣхъ москалямъ. Посему намъ, я думаю, было бы благоразумнѣе послушаться совѣта графа.

— Браво! браво, Аурелія! въ политической тактикѣ она иного мущину за поясъ заткнетъ, прорычалъ графъ съ радостью. Умнѣйшая панна, — она хорошо понимаетъ, что съ жидами мы не должны имѣть никакихъ сношеній; оно весьма убыточно для нашей чести. Кто, примѣрно, изъ нашего честнаго собранія согласится сидѣть рядомъ съ жидомъ въ какомъ нибудь клубѣ, считаться наравнѣ съ жидами передъ закономъ, передъ правительствомъ?

— Никто, никто, единогласно завопили члены честнаго собранія.

— Иначе быть не можетъ. Съ поконъ вѣку жиды были рабами, мошенниками, лихоимцами, ихъ постоянно преслѣдовали, гнали сквозь строй всяческихъ бѣдствій. Стыдъ и срамъ польской шляхтѣ принять жидовъ въ свои нѣдра. И такъ, панове! Карлъ вычеркивается изъ списка защитниковъ польщизны.

ГЛАВА VI.

Герминія, не удовлетворившись двусмысленнымъ отвѣтомъ графа, осталась въ прихожей. Можетъ быть, думала она, мнѣ удастся еще разъ поговорить съ Ауреліей; опишу ей рѣзкими красками несчастное положеніе брата и она, навѣрно, не откажется помочь ему, своему милому. Да и отдохнуть ей крайне было необходимо: хлопотливая бѣготня во время пожара, обморокъ, арестъ брата, обезсилили нѣжную Герминію до того, что ноги ея невольно сгибались. Сидитъ Герминія за дверьми залы собранія, уши насторожила, вся она—вниманіе, боится проронить пол-слова. Доносятся къ ней жгучія рѣчи Бѣсовскаго, жалятъ ее без-

пощадно. и она не знаетъ куда дѣваться отъ гнѣва, заклокотавшаго въ ея душѣ. Аурелія своимъ откровеннымъ сознаніемъ доконала ее совершенно. Ей стало до наглядности ясно, что братъ ея безнадежно погибъ,—погибъ потому, что повѣрилъ искренности поляковъ, ихъ шляхетскому слову гонору. Словно травленный звѣрь бросилась она бѣжать къ брату.

— Надо, непремѣнно надо расквитаться съ ними! Выдай ихъ всѣхъ—дребезжащимъ и прерывистымъ голосомъ говорила Герминія. Отомсти этимъ кровопійцамъ, они хотѣли твоими руками жаръ загребáть, они поднимали тебя на смѣхъ, дурачили потѣхи ради, въ твоемъ лицѣ наругались надъ всѣми твоими единовѣрцами. Месть, месть, месть, любезный братъ, на головы этихъ душегубцевъ!

Разсказъ сестры какъ будто столкнулъ Карла съ седьмаго неба на землю, усѣянную кинжалами остріями кверху. Всѣ волшебныя зданія, прихотливые чертоги, сооруженные его воображеніемъ, рушились теперь и разбились въ дребезги, какъ сосульки крышъ въ оттепель. Куда и какимъ образомъ исчезли высокіе своды, украшенные причудливыми узорами, затѣйливыми карнизами? Какимъ образомъ красивыя и кажется, прочныя стѣны образуютъ теперь кучу непригляднаго мусора, и одинъ только онъ, какъ уцѣлѣвшая колонна отъ непріятельскаго погрома, олицетворяетъ собою свидѣтеля минувшаго блеска? Карлъ, который за нѣсколько минутъ передъ непонятной для него катастрофой думалъ, что онъ «за счастьемъ попятамъ несется», теперь растерялся и блуждающими глазами озирался кругомъ. Ошеломила его совсѣмъ нахлобучка злаго рока. Всякій сторонній наблюдатель принялъ бы его за пьяницу, который спился до чертиковъ, пропустилъ всѣ деньги и барахтается на улицѣ, потому что цѣловальникъ съ пинками и насмѣшкой вытолкнулъ его за дверь. Но отрезвленіе взяло наконецъ свое; набравшаяся горечь развѣяла хмѣльную любовь къ Ауреліи, къ полъщизнѣ. Досадно, невыразимо досадно было ему, что онъ до сихъ поръ служилъ игрушкой въ рукахъ подлыхъ людей, не догадался, что окружающая его пышная обстановка сколочена изъ ширмъ на живую нитку, что онъ прыгалъ, лѣзъ въ

петлю, стараясь побольше угодить польскимъ интересамъ, что онъ не догадался, что привѣтливыя слова польской шляхты — ложь, что падменные лехиты взяли только на прокатъ мантіи благородныхъ людей, а потомъ, улучивъ время, явятся во всей прелести прирожденной имъ кожи.

По дѣломъ вору мука, заключилъ Карлъ свои размышленія, обливаясь горючими слезами. Я измѣнилъ своему законному Государю, не устоялъ противъ польскихъ сластей, началъ лакомиться ими и отравился. Сбылись обѣщанія поляковъ. Я теперь, дѣйствительно, буду причисленъ къ ихъ славному сонму, — къ сонму *измѣнниковъ*.

Слова замерли на его устахъ, тоска буравила его сердце.

Герминія, видя замѣшательство брата, кинулась ему на шею, горячо начала цѣловать его, стараясь ободрить его своими утѣшеніями.

— Горевать не слѣдуетъ, любезный братъ! Богъ помилуетъ тебя, онъ освободитъ тебя изъ заточенія. Люди коварны, дышатъ ненавистью, — открой козни поляковъ, пусть они падутъ въ яму, которую рыли для тебя.

— Нѣтъ, нѣтъ, милая сестрица, сказалъ Карлъ. Я не одного поля ягода съ поляками: для нихъ измѣна—стихія жизни, интриги знакомы имъ съ пеленъ, а я, хоть и презрѣнный жидъ, на подобныя іезуитскія махинаціи не способенъ. Я, по ребяческой неопытности, вовсе не подозрѣвалъ, что подъ внѣшнею мишурою, золотыми блестками кроется источенная червями сердцевина. Я только видѣлъ лицевую, показную сторону медали, — сошелся съ поляками потому, что вѣрилъ ихъ отрѣшенію отъ религіозной нетерпимости, думалъ, что они перестали носить средневѣковые обноски, искренно желаютъ соединиться съ евреями въ одинъ народъ. Страстно полюбилъ я Аурелію потому, что такое прекрасное, неземное существо не таитъ въ своемъ сердцѣ адскихъ хитростей. Сладкогласныя пѣсни сирены завлекли меня въ омутъ. Теперь вижу, какъ сглупилъ. Костелъ подчинилъ себѣ и исказилъ всѣ душевныя проявленія своихъ поклонницъ, направляя по своему для достиженія политическихъ цѣлей. Терроризмъ вторгнулся во всѣ

отправленія народной жизни, во всѣ тончайшіе изгибы шляхетскаго нрава, а костелъ даетъ ему свою санкцію. Но я не буду мстить имъ хоть бы для того, чтобы графъ не нашелъ въ моемъ поступкѣ оправданія своимъ вандальскимъ понятіямъ о евреяхъ.

— Помилуй, любезный братъ, вѣдь что полякамъ здорово, тебѣ смерть. Вѣковать хочешь здѣсь, въ четырехъ стѣнахъ мрачной кельи узника? Чтобы себя спасти, ты пановъ-поляковъ не долженъ холить и нѣжить. Лжи не нужно говорить, а правду смѣло рѣжь въ глаза, не щади своихъ губителей.

— Милая сестрица! пути Провидѣнія неисповѣдимы. Одно изъ двухъ, или Богъ меня избавитъ, или я подвергнусь всѣмъ наказаніямъ преступника за мои тяжелыя прегрѣшенья. Но вывернуться изъ отвѣтственности кляузами, ябедничествомъ, я не хочу, я не долженъ. Обыкновенно говорятъ: съ больной головы на здоровую не сваливаютъ, но гдѣ дѣло коснется евреевъ, тамъ все идетъ на выворотъ. Какъ только я выдамъ моихъ враговъ, сейчасъ давай звонить во всѣхъ газетахъ, что еврей, пользовавшійся довѣріемъ поляковъ, передалъ своихъ благодѣтелей въ руки москалей. А этимъ газетнымъ толкамъ будетъ вторить голосъ общественнаго мнѣнія, давно уже утверждающаго, что всѣ евреи любятъ балансировать между нашими и вашими, подлещиваться обѣимъ противнымъ сторонамъ (конечно не за разъ), коль скоро они чуютъ добычу. Вотъ что меня останавливаетъ, сестрица. Я не хочу опорочить всѣхъ моихъ единовѣрцевъ, лучше я самъ потерплю.

Герминія сознала себя побѣжденною.

— Прощай, любезный братъ, я пойду, посовѣтуюсь съ батюшкой.

— Отчего дочь моя, ты такъ пріуныла? спросилъ Гольдгеймъ вошедшую Герминію, въ лицѣ которой выражалось великое горе.

— Батюшка, батюшка! вскрикнула Герминія и слезы полились, какъ вода изъ переполненнаго стакана. Дорогой нашъ Карлъ— пропащій человѣкъ. Враги своими поклепами упрятали его въ крѣпость, а благопріятели, за которыхъ онъ жертвовалъ собою, теперь злорадно подставляютъ ему ногу.

— Успокойся, дочь моя, и скажи кто это такъ мерзко поступаетъ съ Карломъ?

— Тѣ, батюшка, съ которыми Карлъ подружился и которымъ онъ отдавалъ свою молодость, свою жизнь, рѣшительно все; — тѣ, батюшка, теперь даже желаютъ его погибели. Когда я была у коноводовъ мятежа, умоляла ихъ, чтобъ они помогли Карлу, шляхетскія замашки выказались въ полномъ блескѣ. Языкомъ своимъ они меня обнадеживали, а въ сердцѣ ихъ таилась ненависть, которая всплыла наружу сейчасъ послѣ моего ухода. Я нарочно подождала немного въ прихожей и убѣдилась своими ушами, что еврей для поляковъ хуже бѣльма на глазу. Всѣ они въ одинъ голосъ порѣшили, что несчастіе Карла никого не должно трогать, а наоборотъ радовать, потому что оно даетъ возможность легко отдѣлаться отъ жида, который, при благопріятномъ поворотѣ польскихъ дѣлъ, будетъ имѣть поползновеніе на человѣческія права; а это шляхетскому гонору не понутру.

— Видишь, дочь моя, слова мои сбылись, какъ будто я пророчествовалъ, сказалъ старикъ, видимо повеселѣвшій. Трудно было уломать Карла, чтобъ онъ избѣгалъ поляковъ; мои неоднократныя увѣщанія оставались втунѣ, теперь ропщи на ослушаніе отцовскихъ совѣтовъ. Но ты, моя милая дочь, сейчасъ ступай къ нему въ крѣпость, разскажи ему обо всемъ тобою слышанномъ, пусть онъ больше не упорствуетъ въ своихъ дѣтскихъ заблужденіяхъ.

— Недавно я ему сообщила эту пріятную вѣсть, не безъ ироніи проговорила Герминія, удивленная торопливостью отца. Словно раскаленнымъ желѣзомъ я прикоснулась къ нему, онъ грызъ себѣ пальцы отъ бѣшенства, проклиналъ поляковъ; но рѣшился держать подъ спудомъ польскіе революціонные секреты, хотя бы ему это стоило жизни. Я право, батюшка, не знаю стоятъ ли поляки такой пріязни.

— Повѣрь мнѣ, дочь моя, рано ли, поздно ли мятежники не уйдутъ висящаго теперь надъ ихъ головами меча. День расправы скоро наступитъ, кара уже точитъ свое остріе и гордыя мечты поляковъ разрѣшатся очень грустными событіями. Теперь сынъ мой долженъ относиться безразлично какъ къ ясновельможнымъ милостямъ, такъ къ ихъ оскорбленіямъ. Полякъ и еврей — двѣ вещи несовмѣстныя, ихъ разрознила вѣковѣчная вражда, между

ними образовалась китайская стѣна, которую ни проломишь, ни прострѣлишь холостыми зарядами мимолетной, поддѣльной дружбы. По крайней мѣрѣ для Карла, я думаю, не пройдетъ безслѣдно этотъ жизненный урокъ, онъ будетъ поразборчивѣе въ выборѣ друзей. Какъ только я услыхалъ, что поляки начинаютъ ластиться къ евреямъ, увѣрять, что возрожденіе Польши будетъ благодѣтельно для евреевъ, что они не будутъ праздными зрителями общаго праздника и торжества, я сказалъ этимъ лжеблагодѣтелямъ: чтобъ убѣдить насъ въ искренности вашихъ словъ, позвольте намъ хоть взглянуть издалека на то вѣтвистое дерево, подъ тѣнью котораго мы будемъ, по вашимъ словамъ, кататься, какъ сыръ въ маслѣ. Теперь, вѣрно позволите вы намъ вздохнуть свободнымъ воздухомъ, уничтожите «гетто», позволите намъ пріобрѣтать поземельную собственность. На эти вопросы мнѣ отвѣчали хохотомъ, а меня самаго назвали старикомъ, выжившимъ изъ ума. Да, мнѣ достаточно выяснились продѣлки поляковъ. Я не разъ и не два остерегалъ Карла отъ ихъ сообщества, приводилъ ему различныя доказательства, но видя, что говорю съ глухонѣмымъ, я съ досадой сказалъ: Карлъ! ты теперь съ дѣтской довѣрчивостью поймался на польскую удочку, но подождемъ конца и ты увидишь, какъ прежніе друзья начнутъ тебя толкать изъ своей среды, когда ты сдѣлаешься для нихъ ненуженъ. Да, дочь моя, поляки мнѣ хорошо знакомы. Впрочемъ ты не сокрушайся о Карлѣ, онъ выйдетъ цѣлъ и невредимъ изъ крѣпости, съ болѣе просвѣтленнымъ умомъ.

Въ тотъ же самый день, Карлъ былъ освобожденъ изъ крѣпости; онъ далъ письменное обѣщаніе Буракову пресѣчь свое преступное знакомство съ поляками.

Въ нѣсколько дней заключенія въ крѣпости, Карлъ совсѣмъ переродился. Изъ пылкаго юноши, шагающаго по рытвинамъ и ухабамъ нашей обыденной поляны съ неимовѣрною прытью, онъ сдѣлался человѣкомъ степеннымъ, ребра котораго уже пощупали довольно разнаго рода личности. Кровь остыла, глаза перестали искриться огнемъ пламеннымъ, жизнь разбита, нѣтъ отрады, нѣтъ теплоты, кругомъ лукавство, измѣна, могильный холодъ, который

леденитъ своимъ дыханіемъ. Съ лицемъ, сіяющимъ радостью встрѣтилъ старый Гольдгеймъ своего сына, возвратившагося подъ родной кровъ, къ тихой, мирной жизни послѣ стольких физическихъ и нравственныхъ потрясеній. Въ своихъ бесѣдахъ съ Карломъ, отецъ старался избѣгать намековъ на печальное прошлое, чтобы не растравить свѣжихъ ранъ. Во время одной изъ такихъ бесѣдъ, вращавшихся обыкновенно около положенія края, его торговли, промышленности, онъ обратился къ сыну съ слѣдующими словами:

— Ты видишь, мой сынъ, что какое-то бездолье тяготѣетъ надъ этимъ краемъ, дѣла идутъ, какъ говорится, черезъ пень-колоду, застой во всемъ, начиная отъ самой послѣдней промышленности и кончая успѣхами людей въ дѣлѣ просвѣщенія. Поляки бродятъ въ потьмахъ, имъ кажется, что они единственные владыки вселенной и все передъ ними должно ползать, ломать шапку и цѣловать ручку ясневельможную. Въ потемкахъ, они затѣваютъ кровавыя игрища, шалятъ, пока не свернутъ шеи. Баклушничанье и безпардонный произволъ шляхты вредно вліяетъ на весь складъ жизни края и взаимныхъ отношеній. Здѣсь поневолѣ обзаводишься ненавистью къ ближнему, потому что этотъ ближній отравляетъ твою жизнь. Еврею между поляками всегда приходится плохо, самое лучшее для него—это переселиться въ другую страну. Тебѣ, мой сынъ, тоже необходимо ѣхать за границу. Тамъ увидишь другую жизнь, свѣтлую, лучшую, почище здѣшней. Тебѣ, казалось, чсо еврей мечемъ завоюетъ себѣ права гражданъ, но объѣхавъ нѣсколько цивилизованныхъ странъ Европы, ты убѣдишься, что ничто иное какъ просвѣщеніе господствующаго населенія освободило евреевъ отъ умственнаго и физическаго нарашества, фанатизма и прочихъ пережевъ, которые, мѣшаютъ имъ пріобрѣсти полноправность Хороша логика Хотятъ доить корову, а на кормъ больно скупы. Въ тѣхъ странахъ еврей такой же гражданинъ, какъ нѣмецъ, французъ, англичанинъ; религія тамъ, наоборотъ, служитъ еще примирительницей страстей; если онѣ когда нибудь возбуждаются какими-либо обстоятельствами. То-ли дѣло у насъ! Еврей считается неспособнымъ къ исправле-

нію общественной должности, онъ лишенъ всякихъ правъ, долженъ подставлять покорно свою безотвѣтную голову для щелчковъ панскихъ. Какъ будто природа, которая обыкновенно называется безстрастною, отдала всѣ блага полякамъ, а евреевъ сдѣлала паріями «Рѣчи посполитой.»

— Батюшка дорогой, сказалъ Карлъ, порываясь говорить.

— Что тебѣ угодно, сынъ мой.

— Если позволите, батюшка, я сдѣлаю одно замѣчаніе на ваши слова.

— Съ удовольствіемъ, говори.

— Вотъ видите, батюшка, я знаю, что вы всегда разсуждаете очень здраво и потому я поставилъ себѣ за правило вѣрить вашимъ словамъ, какъ нѣкоему святому глаголу. Но взглядъ вашъ на вашихъ евреевъ крайне одностороненъ: вы взглянули на нихъ черезъ оптимистскія очки и потому ускользаютъ отъ вашего наблюденія многія темныя линіи.

— Вашихъ евреевъ? Воскликнулъ старикъ съ изумленіемъ. Неужели ты стыдишься твоего происхожденія?

— Признаться, батюшка, я дѣйствительно не могу похваляться именемъ «еврей»,—именемъ, которое возбуждаетъ у всякаго улыбку презрѣнія и которое служитъ браннымъ словомъ *во языцѣхъ*. Кажется, я шелъ по очень торной дорожкѣ къ счастью, но вдругъ рожонъ, — мое происхожденіе. Вѣдь сами знаете, что во мнѣ лично ничего дурнаго не нашли, а только одно еврейское имя заграждало мнѣ путь къ счастію.

— Я ей-ей въ толкъ не беру, сказалъ старикъ, какъ ты можешь порицать своихъ единовѣрцевъ и оправдывать своихъ враговъ, которые такъ плотно мыли ли тебѣ голову, безъ малѣйшей вины, въ награду за твою ретивую службу. Скажи, можетъ ли что нибудь быть глупѣе твоихъ словъ. Кажется, довольно ярко, отчетливо обрисовывалась передъ твоими глазами польская честность. Увы! мой сынъ, если теперешній урокъ не умудрилъ тебя, то ты наврядъ ли не оборвешся еще разъ. Ты винишь своихъ единовѣрцевъ совершенно понапрасну. Развѣ только за то, что твои дѣтскія фантазіи не осуществились, ты готовъ взвести на нихъ

разныя обвиненія, видишь въ нихъ причину твоей неудачи. Если поляки такъ хороши, почему же они не сказали тебѣ даже спасибо, когда ты распинался за ихъ польщизну? Много вопросовъ могъ бы я предложить тебѣ, но и этихъ достаточно для умнаго.

— Я не отрицаю, батюшка, что поляки неблагодарны, однакожъ это обстоятельство отнюдь не можетъ быть безусловной защитой для евреевъ. Мнѣ кажется, что евреи сами предъуготовили и предъуготовляютъ себѣ напасти, по своей собственной винѣ они влачатъ жалкое существованіе. Будь они, дѣйствительно правы, безъ «пушка на рыльцѣ», то почему же ихъ преслѣдуютъ?

— Да, мой сынъ, твое умозаключеніе можно принять за сливки человѣческой мудрости. Оно даетъ ключъ къ разрѣшенію головоломныхъ, сложныхъ вопросовъ объ обоюдныхъ отношеніяхъ между истцомъ и отвѣтчикомъ. Кто пришелъ жаловаться, тотъ значитъ привередничаетъ—и только? Но нельзя ли предположить и того, что есть такіе люди, которые имѣютъ склонность обижать себѣ подобныхъ? Когда наприм., кто-либо жалуется, что извѣстный воръ укралъ у него деньги, сію минуту бери, сажай въ тюрьму не вора, а ограбленнаго, ибо послѣдній виноватъ. Да, всякаго забитаго, затертаго людскою деспотіей осуждай, потому что онъ, навѣрно, достоинъ такой участи.

— Извините меня батюшка, если я скажу, что вы не хорошо поняли меня. Дѣло дѣлу розь. Не думайте, что повальное преслѣдованіе евреевъ во всѣ времена и вѣка располагаетъ меня къ поголовному ихъ охужденію; я думаю только, что недуги моихъ единовѣрцевъ составляютъ главнѣйшую причину ихъ неуживчивости съ христіанами и многихъ недоразумѣній, столь горестныхъ подчасъ для самихъ евреевъ. Какъ улитка въ скорлупѣ, они себѣ почиваютъ въ своеобразномъ мірѣ дикихъ понятій, которыя, не находя себѣ примѣненій къ окружающей ихъ средѣ, тормозятъ правильное теченіе общественной жизни.

— Я бы хотѣлъ узнать, въ какихъ грѣхахъ ты обвиняешь твоихъ единовѣрцевъ, сказалъ старикъ.

— Я ихъ обвиняю, началъ Карлъ докторально-магистрскимъ тономъ, въ нелюбви ко всему и всѣмъ, что — не они и не ихъ.

Они величаютъ себя народомъ избраннымъ, а на прочихъ людей смотрятъ какъ на гойевъ, чуть ли не лишенныхъ души живой, безсмертной. Еврей до смѣшного гордъ своей національностью, свое онъ возводитъ на степень божественнаго почитанія, а чужое и въ грошъ не ставитъ. Даже общечеловѣческую науку еврей считаетъ какою-то дребеденью, не стоющею изученія; отъ нея онъ отплевывается, потому что она изобрѣтеніе иновѣрное; не чувствуетъ въ ней надобности, потому, что въ силу національной гордости, онъ вполнѣ увѣренъ, что въ твореніяхъ его мудрецовъ заключается бездна премудрости и не для чего искать ея по сторонамъ. Еврей хочетъ жить особнякомъ, жмется отъ иновѣрца и обставляетъ себя баррикадами, состоящими изъ многочисленнаго ряда микроскопическихъ догматовъ, обрядовъ, повѣрій, суевѣрій, нелѣпостей, которыя въ сущности ни болѣе, ни менѣе какъ наростъ на іудейство. Всякая белиберда, освященная давностью, получаетъ религіозную окраску въ глазахъ еврея; онъ дорожитъ своимъ національнымъ балахономъ какъ существеннымъ элементомъ своей религіи, ибо своимъ національнымъ балахономъ онъ выдѣляется изъ массы «гоимовъ», на которыхъ походить ему запрещается. Невѣжество, фанатизмъ евреевъ, благодаря ихъ изолированности, достигли чудовищныхъ размѣровъ; каждый еврей смотритъ въ оба, чтобы въ его домѣ не пріютилась язва образованія; дѣтище свое онъ прочитъ въ *ламдона* *), начиняетъ его голову талмудическими бреднями и каббалистикой, не заботясь о воспитаніи живаго члена современнаго общества. Сколько здоровыхъ силъ потрачено, заглохло; сколько блистательныхъ человѣческихъ способностей, которыя могли обогатить сокровищницу человѣческихъ знаній, были засорены талмудическими закорючками! Попробуй еврей жить на европейскую ногу, его уже считаютъ отщепенцемъ, стараются согнуть въ дугу при всякомъ удобномъ случаѣ; онъ уже позоритъ всего израиля, если живетъ на манеръ «гоимовъ»! Какія жестокія гоненія, какія неописанныя преслѣдованія приходится выстрадать еврею отъ своихъ собратьевъ, когда онъ осмѣлился заниматься науками, не бить челомъ передъ раввинскими идеалами и оказывать почтеніе всему доброму, полезному,

---

* Талмудическій ученый.

откуда бы оно ни исходило. Фанатизмъ не даетъ спуску такому человѣку; онъ борется, идетъ къ своей цѣли по остріямъ иголъ, силы истощаются и онъ сдается на капитуляцію, или если онъ очень крѣпкой нравственной конструкціи, не измѣняетъ своимъ убѣжденіямъ, то присоединяется окончательно къ христіанамъ. Диковинное ли дѣло, что такой человѣкъ, освободившись изъ подъ пресса фанатизма, долженъ питать отвращеніе къ евреямъ. И вотъ онъ дѣлается смертельнымъ врагомъ всего еврейскаго и за это спасибо раввинскому лжеученію и фанатизму его приверженцевъ. Прибавьте къ этому, батюшка, что евреи своими торговыми, промышленными оборотами напираютъ на эксплуатацію кореннаго населенія. Никто изъ нихъ не обработываетъ земли; каждый пускается въ аферу, всѣми правдами и неправдами старается сколотить себѣ капиталецъ. Число ремесленниковъ тоже съ каждымъ днемъ уменьшается, торгашество овладѣло всѣми. Какъ это гибельно отражается на экономической жизни страны видно и для слѣпыхъ. Въ мѣстахъ еврейской осѣдлости поразительное несоотвѣтствіе между рабочими руками и потребителями. Тутъ приходится только изощрять стратегическія способности; кто половче, кто похитрѣе, тотъ больше обираетъ; совѣсть, подъ шумомъ бурныхъ житейскихъ дѣлъ, засыпаетъ, гражданское чувство притупляется. *Неправы* ли послѣ всего этого христіане, что презираютъ евреевъ?

— Черезъ-чуръ зарапортовался ты, мой сынъ; отдохни немного. Всѣ твои нападки на евреевъ не тобою выдуманы,—ты говоришь съ чужаго голоса, съ голоса враговъ евреевъ. А враги эти люди недалекаго ума, и какъ таковые, они не въ состояніи бываютъ доискиваться первичныхъ причинъ, которыми извѣстное историческое явленіе было обусловлено. Они только замѣчаютъ тѣ факты, которые бьютъ въ глаза, а не понимаютъ то, что они необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ фактовъ и вмѣстѣ образуютъ одну цѣпь, въ которой каждое звѣно поддерживаетъ другое. Въ жизни народа нѣтъ ничего произвольнаго, случайнаго; все совершается по неизмѣннымъ законамъ, дѣйствіе которыхъ непрерывно, безостановочно. Я не отвергаю, что въ жизни евреевъ нагромоздилось много нелѣпостей, но это произошло не по хотѣнію

жнихъ евреевъ, а въ силу неотразимаго хода вещей. Ты осыпалъ евреевъ громами за ихъ исключительныя стремленія, за ихъ непріязнь къ туземцамъ-полякамъ, но это только отъ того, что ты привыкъ скользить по поверхности наблюдаемыхъ явленій и у тебя не хватаетъ умѣнья нырнуть въ глубину, чтобы различить праваго и виноватаго. Ты не знаешь, что во времена прошедшія, когда человѣчество коснѣло въ невѣжествѣ, убаюканное догматами Рима, р.-католическое духовенство впервые начало враждовать противъ евреевъ, которые были очень опасны для его властолюбивыхъ цѣлей. Духовенство это прикрывало свои чисто-матеріальныя виды оболочкою религіи, ревности къ вѣрѣ, а чтобы ловче надувать своихъ ближнихъ, оно позволяло себѣ искажать слова священнаго писанія, толкуя ихъ смыслъ въ сторону, выгодную для себя. Евреи, единственные тогда хранители словъ Божіихъ въ первобытной чистотѣ и неприкосновенности, могли всегда обличать во лжи р.-католическихъ ксендзовъ, продѣлать просвѣты въ мрачное зданіе Рима, причемъ узорчатая ткань папскихъ догматовъ, къ которой были обращены взоры всѣхъ католиковъ, разорвалась бы какъ паутина. Духовенство хорошо поняло какой вредъ могутъ ему причинить евреи и потому употребляло всякія іезуитскія измышленія, взводило разныя напраслины, чтобы тѣмъ возбудить легкомысленную чернь противъ нихъ. Къ этому присоединилась зависть. Трудъ, промышленность были въ крайнемъ пренебреженіи; каждый, лежа на боку, хотѣлъ, чтобы счастіе само плыло къ нему въ руки. Евреи трудились, занимались торговлею, и, дѣйствительно, богатѣли. Началось сосредоточеніе капиталовъ страны у евреевъ. Польскіе шляхтичи всякаго ранга сорили деньгами на различныя безпутства, стараясь перещеголять другъ друга своей взбалмошной удалью и по мѣрѣ того какъ ощущалась большая скудость въ карманахъ и виднѣлась невозможность перепархивать съ цвѣтка на цвѣтокъ, тѣмъ съ большею силою закипала въ душахъ панскихъ ярость противъ богачей — евреевъ. Духовенство тоже не отличалось чистотою нравовъ; въ стѣнахъ монастырскихъ зачастую происходили оргіи съ букетомъ самой отвратительной скандалезности; оно тоже крѣпко нуждалось въ

деньгахъ и съ жадностью поглядывало на евреевъ, у которыхъ состояло въ неоплатныхъ долгахъ. Теперь, кажется, ты уже поймешь, почему въ Польшѣ евреевъ нерѣдко грабили, изгоняли, налагали на нихъ разнаго рода тягостные поборы. Всегда былъ одинъ мотивъ,—заставлять евреевъ раскошеливаться какъ можно щедрѣе, чтобы достало на долю всѣхъ; а забрало религіи заслоняло сребролюбивые инстинкты. Вотъ гдѣ исходная точка вражды поляковъ къ евреямъ. Испытывая на себѣ постоянно перекрестный огонь польскаго своевольства, можно ли было евреямъ проникаться чувствами уваженія и любви къ польскимъ гражданамъ, своимъ утѣснителямъ? Дальше, ты обвиняешь евреевъ въ мракобѣсіи. Но неуже ли не знаешь, сколько невинной еврейской крови было пролито за то, что они въ средніе вѣка, вѣка ненастные для просвѣщенія, держали свѣтильникъ науки и отстаивали его отъ покушеній р.-католическихъ монаховъ? Самые знаменитые корифеи іудейства были вмѣстѣ съ тѣмъ первостатейными медиками, служили при дворахъ королей; евреи засѣдали министрами въ государственныхъ совѣтахъ и обнаруживали высшія дарованія по завѣдыванію дѣлами страны. Римско-католическіе монахи видѣли, что съ евреями, способствующими развитію наукъ, они не могутъ конкуррировать, могутъ потерять весь свой авторитетъ, и для огражденія себя отъ подобныхъ несчастій, они призвали на помощь іезуитскую сноровку: евреевъ обвиняли въ чернокнижіи, чародѣйствѣ; а народъ, по милости монашеской опеки, погрязшій въ невѣжествѣ, свято вѣрилъ всѣмъ выдумкамъ. Еврей-медикъ, въ случаѣ смерти больнаго, дѣлался жертвою мести родственниковъ, которые полагали, что еврей прописалъ своему паціенту отраву вмѣсто лѣкарства. Папскія ищейки, преслѣдовавшія всякую свободную мысль и принимавшія ее за ересь, смотрѣли на образованныхъ евреевъ, какъ на главныхъ ересіарховъ, которыхъ, во что бы то ни стало, надо уничтожить, сжечь на кострахъ. Недостатка въ средствахъ не было, монахи торжествовали свои побѣды, евреи подвергались разнообразнымъ истязаніямъ, на которыя геній р.-католицизма былъ такъ изобрѣтателенъ. Мало-по-малу общечеловѣческія науки у евреевъ стали ослабѣвать; евреи ушли въ себя,

стремились окопаться, Богъ знаетъ, какими преградами, чтобы вражескія стрѣлы не имѣли къ нимъ доступа. Въ годину скорби и печали фантазія народная разгуливается по широкому раздолью, она своими восхитительными образами услаждаетъ горькую дѣйствительность; евреи тоже начали мечтать и ихъ мечтательныя наклонности нашли себѣ самое лучшее выраженіе въ религіи, которая дѣйствительно, покрылась густымъ слоемъ суевѣрій. Помню, сынъ мой, ты порицалъ евреевъ за ихъ пристрастіе къ торговлѣ и за ихъ ненависть къ другимъ болѣе производительнымъ занятіямъ. Но и тутъ евреи не совсѣмъ виноваты. Можетъ ли кто, обработывать землею, когда онъ ее не имѣетъ? Во многихъ мѣстахъ евреи не имѣли права пріобрѣсть поземельную собственность. Предположимъ даже, что подобными правами они повсемѣстно пользовались; но и тогда расчетъ на подобныя права могъ быть обманчивъ: во всякій моментъ могъ быть изданъ королевскій эдиктъ, который повелѣваетъ евреямъ убраться вонъ изъ страны, къ чему же зарывать капиталы въ *землю?* Одна только торговля — представляла единственный источникъ существованія евреевъ, за нее они и ухватились, какъ за якорь спасенія и при всеобщей лѣни, пріобрѣтали огромные барыши. Торговля имѣла за собою еще то преимущество, что она, доставляя богатства, давала евреямъ возможность разжалобить своихъ палачей. При звонѣ денегъ яростные выклики враговъ на время умолкали. Впрочемъ евреи оказали значительную услугу свѣту своею предпріимчивостью, они первые внесли въ Европу торговый и промышленный духъ, оживили многія страны, которыя до нихъ лежали впустѣ и въ нѣкоторой степени содѣйствовали распространенію цивилизаціи. Евреи достойны сожалѣнія теперь, а не осужденія. Прочитай со вниманіемъ исторію Испаніи и Польши и ты убѣдишься, что огульное осужданіе твое евреевъ слишкомъ торопливо и неосновательно.

Сознаю свои ошибки, батюшка, сказалъ Карлъ, послѣ продолжительнаго молчанія. Но если такъ, то почему евреи не опровергаютъ клеветъ, которыя распускаются объ нихъ людьми неблагонамѣренными?

— Люди, мой сынъ, нелегко разстаются съ старыми предубѣжденіями. Обвиненія противъ евреевъ пережевываются уже нѣсколько вѣковъ, многіе уже убѣдились въ ихъ ложности, а между тѣмъ, пусть только кто нибудь состряпаетъ статейку съ самыми вздорными обвиненіями евреевъ и она найдетъ себѣ сочувствіе во многихъ сердцахъ.

Старикъ подошелъ къ шкафу, наполненному книгами, вынулъ одну изъ нихъ и подалъ Карлу: читай ее, увидишь преуморительныя вещи, сказалъ онъ.

Карлъ пробѣжалъ нѣсколько страницъ и воскликнулъ: страшная дичь. А это пишетъ, продолжалъ отецъ, Вольтеръ, знаменитый писатель, слава котораго неувядаема. Онъ колетъ своими колкостями евреевъ, разсуждаетъ объ нихъ такъ категорически; между тѣмъ какъ еврейскіе нравы, обычаи, религіозныя воззрѣнія для него книга за 7-ю печатями. Видишь онъ пишетъ, что во Франціи два еврея были сожжены за упрямство ѣсть куриный жиръ. Эти слова могутъ уже служить маштабомъ для измѣренія его знаній въ еврейскомъ бытѣ. Онъ не только не зналъ, что куриный жиръ употребляютъ евреи въ пищу, но даже не озаботился спросить себя: гдѣ это могло случиться въ домѣ еврея, или не еврея? Если у перваго, то явленіе немыслимо, а если у послѣдняго, то еврей вѣдь *ничего* не будетъ ѣсть. Многіе писали и пишутъ a la Вольтеръ, ихъ слова хватаютъ на лету, а слова еврейскихъ защитниковъ остаются голосомъ вопіющимъ въ пустынѣ.

— Каюсь, каюсь, батюшка, что повѣрялъ нелѣпымъ розсказнямъ разныхъ писакъ о евреяхъ. Но объясните мнѣ, почему евреи такъ сильно ненавидятъ своихъ образованныхъ единовѣрцевъ? Развѣ это тоже неправда?

— Что правда—то правда. Евреи старообрядцы недружелюбно относятся къ евреямъ новаго покроя. Но это тоже въ порядкѣ вещей. Старость неуступчива, когда ведетъ борьбу съ новыми возникающими понятіями. Поступательное движеніе евреевъ на пути прогресса, правда, идетъ туго; но развѣ возможно, чтобы цѣлый народъ нѣсколько тысячъ лѣтъ сжившійся съ своими убѣжденіями, перемѣнилъ ихъ какъ мѣняютъ обыкновенно сюртукъ или что ни-

будь другое? Тѣмъ не менѣе новая жизнь сочится, обветшавшія формы распадаются, схватки фанатизма съ просвѣщеніемъ продолжаются еще, но онѣ уже менѣе упорны и скоро совсѣмъ прекратятся. Заслуживаютъ ли французскіе или англійскіе евреи упрека въ свѣтобоязни? Тоже самое должно надѣяться, будетъ и съ русскими евреями. Евреи—не отжившій народъ, его исправленіе возможно, грубая кора фанатизма и другихъ пороковъ спадетъ, если снимутъ съ него тяжелыя ограниченія и признаютъ евреевъ полноправными.

— Прости мнѣ, батюшка, сказалъ Карлъ, хватая дрожащія руки отца. Никогда, къ сожалѣнію, не говорилъ ты такъ со мною. Повѣрь, я уже не буду стыдиться своего происхожденія.

— Я несказанно радъ, что ты, мой сынъ, исцѣлился отъ многихъ бредней. Тебѣ еще виднѣется впереди цѣлая жизнь и ты увидишь, что мои слова сбудутся. Придетъ время и русскіе евреи сбросятъ съ себя оковы невѣжества; но подъ владычествомъ Польши евреи остались бы посмѣшищемъ для всѣхъ.

На этомъ разговоръ кончился.

Карлъ съ сестрой, по совѣту отца, уѣхали за границу. Гольдгеймъ, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, умеръ честно, радуясь мыслью, что сынъ его возвратился на путь истины.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія попытокъ къ соединенію церквей греческой и латинской въ первые четыре вѣка по ихъ раздѣленіи. А. Катанскаго. Спб. 1868. 8° 248 стр.

Одинъ изъ вопросовъ, наиболѣе занимающихъ въ настоящее время умы лучшихъ членовъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, безъ сомнѣнія—вопросъ о соединенія церквей. Многимъ изъ читателей, безъ сомнѣнія, извѣстно замѣчательное сочиненіе по этому вопросу англійскаго д. Овербека „Свѣтъ съ востока.“ Мы видѣли въ немъ попытки выработать условія, на которыхъ латинство и протестантство могли бы, отринувъ свои односторонности, соединиться съ

православною церковію и образовать, такимъ образомъ, на западѣ православную каѳолическую церковь. Но самымъ лучшимъ указателемъ пути, по которому должно идти въ стремленіи къ соединенію церквей, безъ сомнѣнія, можетъ и должна служить исторія этого стремленія. Эта исторія, представляя цѣлый рядъ безуспѣшныхъ попытокъ желаемаго соединенія, начавшихся тотчасъ же послѣ отпаденія западной церкви отъ восточной *), и вмѣстѣ указывая причины ихъ безуспѣшности, тѣмъ самымъ указываетъ на то, каковы должны быть новыя попытки для того, чтобы ихъ не постигла участь старыхъ. Раздѣленіе церквей выработалось исторически; исторически, слѣдовательно, должно выработаться и соединеніе ихъ,—теорія всегда останется теоріей. По этому-то намъ кажется, что знакомство съ сочиненіемъ г. Катанскаго, въ виду современнаго направленія христіанскаго сознанія, не безъинтересно и небезплодно будетъ читателямъ. Притомъ это сочиненіе имѣетъ еще и другое важное значеніе,—именно, какъ исторія восточной церкви въ первые четыре вѣка послѣ отдѣленія отъ нея церкви западной. Въ вопросѣ о соединеніи церквей, какъ въ единственно серьезномъ вопросѣ, сосредоточивавшемъ на себѣ въ сказанную эпоху все вниманіе греческаго востока, превосходно обрисовывается тогдашнее состояніе восточной церкви. Исторію греческой восточной церкви тогдашняго времени, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ

---

*) Окончательное отпаденіе западной церкви отъ восточной совершилось 1053 года, а въ 1058 году было отправлено изъ Рима въ Константинополь посольство только что вступившимъ на папскій престолъ (1057) папою Стефаномъ IX, спутникомъ кардинала Гумберта по путешествію 1053 въ Константинополь и личнымъ свидѣтелемъ церковнаго разрыва между востокомъ и западомъ—съ цѣлію возобновить между церквами прерванныя сношенія. Историческому обозрѣнію попытокъ къ соединенію церквей авторъ предпосылаетъ; 1) общій очеркъ исторіи вопроса о соединеніи церквей, и 2) небольшое изслѣдованіе причинъ раздѣленія церквей.

(стр. 31), можно вполнѣ назвать исторіею вопроса о соединеніи церквей. Въ виду всего этого, и особенно потому что у насъ до сихъ поръ нѣтъ еще болѣе или менѣе полнаго сочиненія по тому вопросу, мы и намѣрены въ возможной полнотѣ представить, если не все содержаніе разсматриваемой нами книги, то по крайней мѣрѣ выводы, къ которымъ приходитъ авторъ.

Историческому обозрѣнію попытокъ къ соединенію церквей авторъ предпосылаетъ: 1) общій очеркъ исторіи вопроса о соединеніи церквей, и 2) небольшое изслѣдованіе причинъ раздѣленія церквей.

По мнѣнію г. Катанскаго, вопросъ о соединеніи церквей, не смотря на свое медленное разъясненіе, въ теченіи 8 вѣковъ двинулся на столько, что въ настоящее время можно уже подмѣтить нѣсколько періодовъ въ его развитіи. „Именно, онъ прошелъ два періода, и въ настоящее время для него наступаетъ третій. Изъ вопроса, рѣшаемаго оффиціальнымъ путемъ правительствами и духовенствомъ той и другой стороны, посредствомъ обоюдныхъ договоровъ словесныхъ и сдѣлокъ на бумагѣ, онъ превращается—около времени реформаціи, съ паденіемъ Греческой Имперіи, съ умноженіемъ различныхъ орденовъ въ западной церкви, въ особенности съ появленіемъ іезуитскаго ордена и другихъ близкихъ къ нему по духу,—въ вопросъ, рѣшаемый въ средѣ народныхъ массъ средствами нравственными по преимуществу, и только въ рѣдкихъ случаяхъ оффиціальными". Но, такъ какъ и это не привело къ давно ожидаемому единенію церквей, то за рѣшеніе этого вопроса берется наука, „надѣясь, что своимъ безпристрастіемъ она съумѣетъ умиротворить церковь Христову, что она найдетъ чистую истину, которая привлечетъ къ себѣ всѣ христіанскія общества". (стр. 3—4). Въ настоящемъ сочинееіи авторъ не показываетъ, чего мы можемъ и должны ждать отъ дѣятельности науки, а отсылаетъ читателя къ своей статьѣ, помѣщенной

въ „Прав. обозрѣніи“ за 1865 годъ, янв, и февр., подъ заглавіемъ „Вопросъ о соединеніи церквей“. *),

Затѣмъ авторъ дѣлаетъ коротенькій очеркъ обстоятельствъ, подготовившихъ окончательное распаденіе церквей въ XI вѣкѣ (стр. 5—22). Мы укажемъ здѣсь только сущность дѣла. По мнѣнію автора, „обстоятельства, подготовившія раздѣленіе церквей, были двоякаго рода: они возникли на почвѣ давняго международнаго соперничества національностей греческой и латинской. На этой почвѣ, благодаря множеству благопріятствовавшихъ тому обстоятельствъ, сперва явилось соперничество между представителями восточной и западной церкви — константинопольскимъ патріархомъ и римскимъ папою, а потомъ непріязнь и между всѣмъ духовенствомъ восточнымъ и западнымъ, принявшимъ сторону своихъ представителей. Другаго рода причины скрывались въ различномъ направленіи церквей восточной и западной, вслѣдствіе чего явились раз-

*) Въ этихъ статьяхъ авторъ говоритъ, что наука «не пойдетъ далеко на практическомъ поприщѣ примиренія церквей», во 1-хъ, потому, что она въ этомъ случаѣ является проникнутою стремленіемъ служить не истинѣ, а напередъ заданной цѣли, и такимъ образомъ, потерявъ характеръ искренней служительницы истины, всего менѣе может достигнуть своей цѣли, и можетъ лишь со всѣхъ сторонъ, представлять протестъ противъ нечисто веденнаго дѣла; во 2-хъ потому, что основываясь на индифферентизмѣ, она не можетъ имѣть необходимой для примиренія церквей нравственной силы, нравственнаго вліянія на общество, такъ какъ «индифферентизмъ въ сущности вовсе не есть сила, а скорѣе отрицаніе всякой силы,— слѣдствіе затаеннаго сознанія безсилія человѣческаго дать удовлетворительный, положительный отвѣтъ на множество требующихъ рѣшенія вопросовъ». «Подобная мѣра была бы дѣйствительна только тогда, когда бы масса христіанъ потеряла всякую энергію мысли и чувства» (Прав. обоз. февр. 1865 г., стр. 167—170). Авторъ, далѣе полагаетъ, что для того, чтобы соединеніе церквей было достигнуто, «для запада нужно главнымъ образомъ духовное самоотреченіе, самоосужденіе,—а для востока—политическо-матеріальное возрожденіе, которое поведетъ за собою внутреннее оживленіе и уничтожитъ ту недовѣрчивость и желчь, какія появляются у него въ сношеніяхъ съ западомъ» (Тамже стр. 174).

ности во возглядахъ, въ ученіи и въ учрежденіяхъ той и другой. Причины перваго рода нанесли ударъ искреннему сердечному *единодушію*, а причины втораго рода—*единомыслію* въ отношеніяхъ между церквами. Тѣ и другіе вмѣстѣ и произвели въ 1053 году окончательное отпаденіе западной церкви отъ восточной (стр. 5—29).

Послѣ окончательнаго распаденія церквей чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ непреодолимѣе становились преграды къ возстановленію церковнаго мира, какъ въ чувствахъ, такъ и во взглядахъ обѣихъ сторонъ, потому что соперничество между представителями церквей константинопольской и римской, а потомъ непріязнь и между всѣмъ восточнымъ и западнымъ духовенствомъ—теперь переходитъ въ народныя массы, получая при этомъ характеръ религіозной нетерпимости, усилившейся до невѣроятной степени, благодаря особенно крестовымъ походамъ; разности во взглядахъ, въ ученіи и учрежденіяхъ той и другой церкви, растутъ все болѣе и болѣе. А между тѣмъ, „никогда не переставала та и другая сторона желать взаимнаго единенія,“ отчасти по естественному чувству сожалѣнія о церковномъ разрывѣ, болѣе же, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, и отчасти, также—наконецъ, изъза стремленія папъ подчинить своей власти восточную церковь *). Вслѣдствіе всего этого, почти одновременно съ актомъ окончательнаго отпаденія западной церкви отъ восточной, начинается цѣлый рядъ безуспѣшныхъ попы-

*) Это мы будемъ ясно видѣть въ дальнѣйшемъ изложеніи;—это же можно видѣть и въ новѣйшихъ попыткахъ папъ. (См. «*Голосъ съ христіанскаго востока въ отвѣтъ на посланіе папы Пія IX, касательно соединенія восточной церкви съ римской*», *протоіерея I. В. Васильева*, «Странникъ» № 8 и 9, 1862 г.) Первый вопросъ, въ числѣ имѣющихъ быть представленными на обсужденіе предстоящаго собора въ Римѣ,—соединеніе греческой церкви (или точнѣе ея подчиненіе съ католическою, см. «Бир. Вѣд.», № 251, 1868 г.

токъ къ возстановленію церковнаго мира, къ соединенію церквей греческой и римской (стр. 29—30).

Г. Катанскій избралъ для своего очерка первые четыре вѣка послѣ окончательнаго раздѣленія церквей, когда вопросъ объ ихъ соединеніи „только что появился и былъ въ первомъ періодѣ своего развитія, когда онъ рѣшался по преимуществу на православномъ греческомъ востокѣ, и когда еще существовала Греческая Восточная Имперія“ (стр. 4—5).

Исторія отношеній между церквами въ этотъ періодъ времени (съ XI вѣка до половины XV вѣка—до паденія Византійской Имперіи), сама собою распадается на двѣ части: 1) на исторію отношеній съ половины XI до полов. XIII „это періодъ первыхъ крестовыхъ походовъ и существованія латинской имперіи“, “время постоянныхъ международныхъ столкновеній православныхъ съ латинянами, и вслѣдствіе того—постепеннаго созрѣванія въ народныхъ массахъ антипатій другъ къ другу“. и 2) съ половины XIII до половины XV вѣка, — когда столкновеній уже не было, и когда были политическія обстоятельства, по которымъ *вопросъ* объ единеніи съ Римомъ находилъ себѣ больше сочувствія на востокѣ: это время ліонской уніи и флорентинскаго собора (стр. 31—32). Вслѣдствіе этого, и сочиненіе г. Катанскаго распадается на двѣ части: часть 1-я, съ 1053—1261 годъ, подраздѣляющаяся на двѣ главы: 1-я, съ 1053 по 1204 годъ, и 2-я—съ 1204 по 1261 годъ; часть 2-я съ 1261 по 1453 годъ, подраздѣляющаяся на двѣ главы: 1-я, время ліонской уніи, съ 1261 по 1300, и глава 2-я—съ 1300 по 1416 г.; къ нимъ присоединенъ еще очеркъ флорентинской уніи (1415—1453 г.).

Глава 1-я трактуетъ *о состояніи вопроса о соединеніи церквей греческой и латинской въ первое время послѣ окончательнаго ихъ раздѣленія* (1053—1204). Прежде всего авторъ знакомитъ насъ съ обстоятельствами, вслѣдствіе

которыхъ сознаніе религіознаго раздѣленія между греками и латинянами до XI вѣка, принадлежавшее преимущественно іерархіи и высшимъ образованнымъ классамъ той и другой стороны, проникло довольно глубоко въ народныя массы, до того, что по выраженію Никиты Хоніата, „Между ими (латинянами) и нами (греками) утвердилась *величайшая пропасть вражды;* такъ что они не могутъ соединиться душами, хотя и бываютъ во внѣшнихъ сношеніяхъ и часто живутъ въ одномъ и томъ же домѣ" *). Эти обстоятельства очень важны, такъ какъ выродившеюся изъ нихъ народною антипатіею главнымъ образомъ обусловливалась безуспѣшность, даже относительная, всѣхъ послѣдующихъ попытокъ къ соединенію церквей, и мы должны обратить на нихъ вниманіе. Онѣ были слѣдующія. Около XI вѣка промышленность и торговля въ Греческой Имперіи, благодаря стѣснительнымъ мѣрамъ правительства и отсутствію общественной безопасности, совершенно пали, но въ тоже время усилились здѣсь предпріимчивые Италіанцы и, пользуясь важными привилегіями, постепенно захватили всѣ промыслы, а стало быть и капиталы въ свои руки. Въ половинѣ XII вѣка въ Константинополѣ основана контора генуезцевъ. Латиняне теперь появились во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ и, какъ понимавшіе, что если капиталы въ ихъ рукахъ, то все и всѣ въ ихъ рукахъ, „стали, по словамъ упомянутаго уже нами Н. Хоніата, высказывать гордость и дерзость, такъ что не только враждовали съ римлянами (греками), но не обращали вниманія на царскія угрозы и повелѣнія". Они, по словамъ исторіи Кинама, многимъ знатнымъ и по родству близкихъ къ царю лицамъ наносили удары и жестоко оскорбляли ихъ другими способами **). Понятно, каково должно было быть чувство гре-

*) Визант. ист. Н. Хоніата, въ русск. изд., т. 1 стр. 383, Спб. 1860.
**) Визант. ист. Киннама, въ русск. изд., стр. 313.

ковъ къ разбогатѣвшимъ на его счетъ и притомъ крайне возгордившимся иностранцамъ! А такъ какъ, съ одной стороны, эти иностранцы были латиняне, имѣли свои церкви, гдѣ совершалась служба не по обычаямъ и обрядамъ восточной церкви, а съ другой—еще у всѣхъ въ свѣжей памяти были недавно объявленный религіозный разрывъ и оскорбленіе восточной церкви представителемъ западной; то чувство нелюбви и озлобленія къ иноземцамъ очень легко могло получить религіозный характеръ и перенести озлобленіе съ людей на церкви.

Усиленію этого чувства взаимной непріязни помогли, начавшіеся съ конца XI вѣка (1096), крестовые походы, которыхъ сухопутный путь въ Палестину лежалъ чрезъ византійскую имперію. Передовыя толпы крестоносцевъ, люди вскормленные въ разбояхъ, ознаменовали путь свой грабежемъ, насиліемъ и душегубствомъ. Отъ нихъ, по словамъ Мишо, подданные Греческой Имперіи претерпѣли болѣе, чѣмъ самые турки отъ ихъ первыхъ подвиговъ *). А это естественно возбуждало въ грекахъ ненависть къ крестоносцамъ и къ церкви римской, подъ знаменіемъ которой они шли. Эта ненависть заявила себя въ такихъ крупныхъ фактахъ, какъ способствованіе къ погибели во второмъ крестовомъ походѣ огромной арміи Конрада III и стотысячной арміи Людовика VII и истребленіе латинянъ, въ томъ числѣ и папскаго легата кардинала Іоанна, въ Константинополѣ (въ 1182 или 1183 году). А это, въ свою очередь, не могло не возбудить ненависти къ грекамъ и ихъ церкви въ латинянахъ, очень хорошо знавшихъ постановленіе клермонскаго собора, что всякое насиліе, сдѣланное воинамъ креста, должно быть наказываемо проклятіемъ. Латиняне, по словамъ Хоніата, считали грека *существомъ отверженнымъ отъ Бога*, и свою ненависть ясно обнару-

---

*) Исторія крест. похода, въ русск. изд., т. 1, стр. 147.

кили какъ въ описываемомъ Хоніатомъ завоеваніи Ѳессалоники **), такъ и въ завоеваніи Константинополя, о чемъ рѣчь впереди.—Какое же послѣ всего этого имѣли значеніе въ рассматриваемый періодъ времени попытки къ соединенію церквей, что они были такое и чѣмъ они обыкновенно кончались? спрашиваетъ авторъ.—„Состояніе востока и запада было таково, что прервать связь между собою они не могли, еслибъ даже и желали того отъ души; припомнимъ только, что это были времена предшествовавшія и обнимавшія 1-й, 2-й и 3-й крестовые походы. Не смотря на взаимную антипатію, востоку и западу нужно было соединиться противъ общихъ враговъ, мусульманъ“.—„Эти нужды и обязанности сознавалъ отчасти папа; въ особенности же чувствовали греческіе императоры, тѣснимые мусульманами, призывавшіе крестоносцевъ къ себѣ на помощь, губившіе потомъ своихъ же защитниковъ. и опасавшіеся, чтобы ихъ хитрыя и враждебныя мѣры не слишкомъ озлобляли папу, заправлявшаго умами и силами всего запада. Отсюда выходили стремленія Константинополя войти въ сношенія и переговоры съ Римомъ, и Рима—завязать переговоры съ Византіею о церковномъ мирѣ“. Эти сношенія являлись всегда какъ-то по случаю, скоро изчезали, не оставляя никакого слѣда, и возникали опять

**) Разсказъ Хоніата чрезвычайно характеристиченъ. «Латиняне, говоритъ онъ, съ оружіемъ въ рукахъ врывались въ православные храмы Ѳессалоники, умерщвляя всѣхъ, кого тамъ встрѣчали; они повергали на землю св. иконы Христа и Его угодниковъ и, если находили на нихъ какое нибудь украшеніе, срывали его, какъ попало, а самыя иконы выносили на перекрестки, для попранія прохожими, или жгли ихъ для варенія пищи; нѣкоторые изъ нихъ, взойдя на престолъ, плясали на немъ, распѣвая какія-то варварскія, отвратительнѣйшія, народныя пѣсни, а потомъ самымъ постыднымъ образомъ сквернили вокругъ священнаго мѣста; мνро, истекающее изъ гроба мученика св. Димитрія, черпали они кувшинами и вливали въ рыбныя жаровни, смазывали имъ обувь и нечестиво употребляли его и на другія потребности“: Н. Хоніата, т. 1, стр. [illegible].

при новомъ, представившемся поводѣ. Это происходило съ одной стороны отъ того, что вопросъ о соединеніи церквей былъ еще дѣломъ новымъ, съ другой же отъ того, что императоры водились въ своихъ сношеніяхъ обстоятельствами времени, а папамъ некогда было всецѣло предаться дѣламъ этого рода,—все вниманіе ихъ поглощено было борьбою съ нѣмецкими императорами и крестовыми походами. Вообще отрывочность, непослѣдовательность и незначительность стремленій къ соединенію церквей—отличительная черта этого періода".

До начала крестовыхъ походовъ починъ дѣла былъ со стороны папъ. Спустя четыре года послѣ отпаденія западной церкви отъ восточной было отправлено въ 1057 г. изъ Рима въ Константинополь посольство только что вступившимъ на папскій престолъ Стефаномъ IX, спутникомъ кардинала Гумберта по путешествію и личнымъ свидѣтелемъ церковнаго разрыва между востокомъ и западомъ. Оно, сколько извѣстно, не обусловливалось никакими внѣшними обстоятельствами, а было, по мнѣнію автора, выраженіемъ сознанія папы Стефана, что Гумбертъ жестоко оскорбилъ греческую церковь, и что, во всякомъ случаѣ, если на комъ, то на папѣ, личномъ свидѣтелѣ горестнаго разрыва, лежитъ обязанность возобновить прерванныя между ними сношенія. Впрочемъ положительно ничего не извѣстно,—письма папы до насъ не дошли, и самое посольство, не достигши цѣли своего путешествія, принуждено было при вѣсти о смерти Стефана воротиться съ пути. Мало также извѣстно положительнаго и о дальнѣйшихъ попыткахъ къ возстановленію мира между церквами, хотя, по мнѣнію автора, „можно догадываться, что ихъ начало скрывалось уже не въ одномъ папскомъ дворѣ, а и въ византійскомъ," такъ какъ все болѣе и болѣе усиливавшіяся нападенія турокъ сельджукскихъ заставляли обращаться съ просьбою о помощи къ западу, и, такъ какъ западомъ

заправлялъ Римъ, то необходимо было прибѣгать къ дѣлу, интересовавшему Римъ. Перечислять всѣ сношенія мы не имѣетъ возможности, да и нѣтъ особенной нужды, потому что въ большинствѣ случаевъ, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, приходится гадать. Слѣдуетъ только замѣтить, что болѣе крупные факты относятся къ царствованію Алексѣя и Мануила (1143—1180 г.) Комниновъ, наиболѣе вредившихъ крестоносцамъ и побуждаемыхъ къ этимъ сношеніямъ, сверхъ прочаго, желаніемъ получить корону западныхъ императоровъ. Папъ же побуждали къ этимъ сношеніямъ какъ интересы крестовыхъ походовъ, такъ и враждебныя отношенія къ папамъ западныхъ императоровъ Генриха V и Фридриха I Барбароссы.

Ко времени Алексѣя Комнина, современника перваго крестоваго похода относятся два сохранившіеся до насъ факта, въ которыхъ выразились стремленія къ соединенію церквей: Алексѣй Комнинъ, услышавъ, что папа Пасхалій II потерпѣлъ страшное униженіе, около 1112 г. отправляетъ къ папѣ пословъ, предлагая ему свои услуги и изъявляя готовность отправиться въ Римъ для принятія западной императорской короны,—вмѣстѣ съ тѣмъ, высказывая готовность подчиниться „апостольскому престолу;“ слѣдствіемъ этого было торжественное посольство отъ папы, состоявшее изъ 600 человѣкъ. „Но все это, скажемъ вслѣдъ за авторомъ словами Баронія, разрѣшилось одними словами.“ Такой исходъ имѣлъ и другой фактъ—публичный диспутъ въ Константинополѣ между Евстратіемъ, архіепископомъ никейскимъ и Гроссоланомъ или Хрисоланомъ, архіепископомъ миланскимъ, между 1110 и 1113 годами.

Такой же исходъ имѣли и многочисленныя сношенія, бывшія въ царствованіе Мануила Комнина отправившаго арміи Конрада III и Людовика VII, и желавшаго короны западной имперіи,—въ виду войны съ папою Фридриха I Барбароссы, угрожавшаго папѣ низверженіемъ съ престо-

ла. Замѣчательны особенно, по принимавшимъ здѣсь главное участіе личностямъ: 1) торжественный публичный диспутъ между Анзельмомъ, еписк. гафельбергскимъ, и архіеписк. Никитою никомидійскимъ, главою коллегіума, учрежденнаго Комнинами для поддержанія образованія, въ 1146 г., на которомъ присутствовали множество грековъ и латинянъ, императоръ и патріархъ, и на которомъ много глубокихъ истинъ и справедливыхъ упрековъ высказано было со стороны Никиты представителю папы, и 2) соборъ въ Константинополѣ въ 1170 г. „Соборъ этотъ представляетъ собою попытку заключительную, заканчивающую собою періодъ Комниновъ, рядъ попытокъ къ уніи съ извѣстнымъ характеромъ, выражавшимися въ извѣстной формѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составляетъ и попытку важнѣйшую во всемъ разсматриваемомъ періодѣ. Это былъ довольно многочисленный соборъ; на немъ кромѣ грековъ были важнѣйшіе кардиналы римскіе (primi cardinalium) и многіе епископы. Подробнаго описанія не дошло до насъ. Извѣстенъ только его результатъ и немногія изъ мыслей защитниковъ православія, приводимыя Алляціемъ". Важнѣйшимъ лицомъ здѣсь былъ патріархъ константинопольскій Михаилъ Анхіалъ. На убѣжденія императора въ необходимости единенія съ латинянами,—который между прочими невыгодами церковнаго разъединенія, представлялъ, какъ латиняне и варвары опустошаютъ города Греціи и разоряютъ ея храмы,—патріархъ отвѣчалъ рѣчью, которую заключилъ слѣдующими горячими словами: „пусть господствуетъ надо мною какой нибудь агарянинъ,—это останется дѣйствіемъ только наружнымъ, но я не допущу себя согласиться съ италіанцемъ, потому что это уже будетъ относиться къ области моего ума. Ему я не сочувствую, хотя и покаряюсь; когда же я соглашаюсь съ нимъ въ вѣрѣ, то разрываю связь съ Господомъ моимъ, котораго латинянинъ вытѣсняетъ изъ моего сердца." Послѣ

этого говоритъ Анциранъ, „императоръ, соборъ и весь сенатъ рѣшились совершенно разорвать всякую связь съ папою и его единомышленниками, остальное предоставляя на судъ Божій. Ихъ (латинянъ) не предали полному отлученію.... Но положили не возобновлять попытокъ къ соединенію съ латинянами!...

Послѣ Мануила, около третьяго крестоваго похода (1189—1192), положеніе Греческой Имперіи начало мѣняться къ худшему,—начались смуты, императоры царствовали кратковременно, у нихъ недоставало ума, чтобы держаться политики Алексѣя и Мануила Комниновъ. Только предъ началомъ четвертаго крестоваго похода опять появляются сношенія между Римомъ и Константинополемъ, но характеръ ихъ измѣняется, потому что для Рима „прошли тяжелыя времена борьбы съ гогенштауфенами, и наступила съ Иннокентіемъ III (съ 1198 г.) самая блестящая эпоха этой борьбы, поднявшей папу на высоту его могущества,“ а между тѣмъ въ это же время для Греческой Имперіи „кончились болѣе или менѣе счастливыя времена и настали смутныя, настали времена слабыхъ или недостойныхъ императоровъ.“ Въ отвѣтъ на дружественное посланіе Алексѣя I Ангела, по случаю вступленія Иннокентія III на папскій престолъ, этотъ послѣдній отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ рѣшительно и рѣзко требовалъ себѣ отъ грековъ повиновенія, какъ главѣ и средоточію христіанства; папа заговорилъ здѣсь въ первый разъ, обращаясь къ восточнымъ императорамъ, языкомъ повелителя царей, раздаятеля императорскихъ вѣнцовъ и карателя непокорныхъ свѣтскихъ властей. Эти сношенія составляютъ переходъ къ сношеніямъ временъ латинской имперіи *).

*) Слѣдуетъ еще упомянуть одинъ изъ весьма мало извѣстныхъ фактовъ. Въ біографіи Анзельма у Баронія мы встрѣчаемъ извѣстіе о соборѣ въ Барѣ, апулійскомъ городѣ, 1096 г. Акты этого собора потеряны. Извѣстно только изъ Баронія, что Урбанъ II созвалъ этотъ соборъ вслѣдствіе озабоченности «мыслію о со-

Въ заключеніе главы авторъ показываетъ, какъ вообще въ это время относилась къ вопросу о соединеніи церквей православная іерархія. „Одни, говоритъ авторъ, вѣроятно весьма не многіе, выводили разрывъ церквей изъ простаго оскорбленія, взаимнаго раздраженія церквей (parva quaedum offendicula), признавая за тою и другою церковію *одинъ духъ,* одно направленіе (ex uno eodemque spiritu multos fecerint); такъ думалъ Василій архидскій“ *). На константинопольскомъ соборѣ 1170 г. высказанъ былъ Михаиломъ Анхіаломъ во многихъ отношеніяхъ совершенно противоположный взглядъ. Этотъ взглядъ уже извѣстенъ намъ. Первый ближе подходилъ ко взгляду высшихъ классовъ общества, близкихъ къ политикѣ и правительству, второй—имѣлъ много сходнаго съ взглядами народными. „Никитою никомидійскимъ высказанъ былъ третій взглядъ, составляющій среднее между первыми двумя, возвышающійся до философско-историческаго пониманія сущности латинства и православія, хотя и не вполнѣ.“ Онъ вникаетъ во внутреннюю физіономію той и другой церкви, и видитъ въ одной изъ нихъ стремленіе къ невѣжеству и деспотизму въ вѣрѣ, а въ другой (православной)—къ просвѣщенію и свободѣ. На фактъ появленія въ православной церкви ересей онъ указываетъ какъ на доказательство своей мысли и преимущества православной церкви предъ римскою. Наконецъ, допуская на время, что греческая церковь подчи-

единеніи грековъ съ латинянами, чтобы не оставались болѣе греки схизматиками.» На соборѣ были греки — италійскіе или восточные, не извѣстно. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ Анзельмъ, архіепископъ кентембюргскій. Рѣчь его, основанная на св. Писаніи и доводахъ разума, повергла православныхъ въ уныніе, и папа, по словамъ Вильгельма мельмесбурійскаго, сильный согласіемъ всѣхъ, произнесъ анаѳему на иномыслящихъ.

*) Этотъ взглядъ раздѣлялъ Бернардъ св.; сюда безъ сомнѣнія принадлежала большая часть тѣхъ, которые съ такимъ жаромъ спорили объ исхожденіи Св. Духа, считая этотъ догматъ единственнымъ пунктомъ разногласія между церквами, какъ напр. Анзельмъ, Гроссоланъ, Евстратій никейскій, и др.

нилась папѣ, онъ яркими красками рисуетъ печальныя, но необходимыя послѣдствія этого соединенія церквей. „Если первосвященникъ римскій, говоритъ онъ, хочетъ съ высокаго, гордаго своего престола, и какъбы съ высоты, бросать намъ свои законы, если онъ имѣетъ притязаніе быть нашимъ судьей и судьей нашихъ церквей и даже господствовать надъ нами не съ нашего согласія, а самовольно, по своему усмотрѣнію; то какъ могутъ существовать между нами братскія или отеческія отношенія? Мы должны въ этомъ случаѣ называть себя и быть настоящими рабами, а не сынами церкви. Если бы это было необходимо,... то осталось бы одно, чтобы римская церковь одна пользовалась свободою по своему изволенію; она предписывала бы конечно законы другимъ церквамъ, но за то сама оставалась бы безъ закона, и была бы не кроткою матерью для своихъ дѣтей, а суровою и самовластною повелительницею рабовъ. Къ чему послужило бы тогда знаніе св. Писанія? Къ чему образованіе науками и литературою? Къ чему ученыя наставленія учителей? Къ чему благородныя способности греческихъ ученыхъ? Власть римскаго первосвященника, которая, какъ ты говоришь, выше всѣхъ, одна дѣлаетъ это излишнимъ. Тогда онъ одинъ епископъ, онъ одинъ учитель, онъ одинъ наставникъ, онъ одинъ какъ единый пастырь, отвѣчаетъ предъ Богомъ за всѣхъ тѣхъ, которые ввѣрены ему одному!" (стр. 33—74).

Во 2-й главѣ авторъ обозрѣваетъ *„попытки къ соединенію церквей во время господства латинянъ въ Константинополѣ съ 1204—1261 г."*

„Все различіе между предшествующими временами и временами основанія и 58 лѣтняго существованія латинской имперіи состояло," говоритъ авторъ, „въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ столкновенія латинянъ съ православными проявились въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, несравненно быстрѣе созрѣвали религіозныя и политическія ан-

типатія востока и запада.“ Мы приводили выше слова Н. Хоніата о враждѣ, утвердившейся между греками и римлянами, или вѣрнѣе, между православными и латинянами; теперь эта вражда уничтожала всякое единодушіе, но все таки допускала возможность жить вмѣстѣ. Теперь она перешла въ ненависть до такой степени, „что одни лишають другихъ даже человѣческаго имени, считаютъ своихъ противниковъ не болѣе, какъ собаками, бѣлыми агарянами.“ „Прежде они только видѣли, что лежитъ между ними глубочайшая пропасть вражды; а теперь измѣрили, какъ глубока бездна, ихъ раздѣляющая, достали до самаго ея дня.“ Во главѣ этого періода времени стоитъ завоеваніе латинянами Константинополя и основаніе латинской имперіи. По мнѣнію автора, „на самое основаніе этой имперіи нужно уже смотрѣть, какъ на попытку запада *силою оружія* подчинить восточную церковь римскому папѣ.“ „Впрочемъ эта цѣль,“ добавляетъ онъ, „ни для папы, ни для крестоносцевъ не выяснилась сразу, какъ только объявленъ былъ четвертый крестовой походъ; не совсѣмъ ясна она была для нихъ даже и тогда, когда уже положено было идти на Константинополь. Взятіе послѣдняго латинянами обстановлено было многими случайными обстоятельствами, а вовсе не было дѣломъ опредѣленнаго, заранѣе задуманнаго кѣмъ либо плана, не было дѣломъ политики Рима.“ Мы не станемъ останавливаться на разсказѣ автора о томъ, какъ крестоносцы,—по предложенію царевича Алексѣя, отецъ котораго Исаакъ Ангелъ былъ низверженъ съ престола Алексѣемъ I Ангеломъ, вслѣдствіе торговыхъ расчетовъ венеціанцевъ и воинственныхъ замысловъ бароновъ и рыцарей, въ связи съ церковными стремленіями латинскаго духовенства и набожными расположеніями крестоносцевъ,—завоевали Константинополь для Алексѣя и его отца за обѣщаніе богатаго вознагражденія и подчиненія папѣ восточной церкви; какъ затѣмъ, Алексѣй II, возбудившій въ на-

родѣ всеобщую ненависть мѣрами въ пользу латинянъ, палъ отъ руки Мурцуфла, который рѣшительно отказался отъ подчиненія папѣ восточной церкви, и какъ наконецъ крестоносцы 12 апрѣля 1204 года окончательно овладѣли Константинополемъ, избрали Балдуина, графа фландрскаго, въ императоры, и папѣ, прежде осуждавшему поведеніе крестоносцевъ, теперь, по словамъ Мишо, казалось, что завоеванія ихъ необходимы для славы Божіей и славы намѣстника Христова на землѣ.

Паденіе Константинополя свершилось, — основана латинская имперія на мѣстѣ православной; во всѣ покоренныя провинціи посланы латинскіе епископы и священники, православные священники изгнаны, лишены имущества и всѣхъ правъ; но все это нисколько не помогло дѣлу папъ, а привело лишь къ тому, что въ каждомъ поступкѣ грековъ, отъ начала и до конца этого 57 лѣтняго періода, проглядывало желаніе лучше умереть, но сохранить вѣру своихъ предковъ; греки, по словамъ Хоніата, не допускали *ни на одну минуту* мысли о дружелюбіи съ латинянами. „Не могли пройти безслѣдно для православныхъ такіе факты при вторичномъ вступленіи крестоносцевъ въ Константинополь, какъ поруганіе надъ св. иконами, низверженіе въ нечистыя мѣста мощей св. мучениковъ, выбрасываніе на землю тѣла и крови Господней и питье вина изъ священныхъ сосудовъ. Должно было обливаться кровію сердце каждаго православнаго, когда въ его глазахъ подвергался разграбленію, оскверненію и поруганію величественный храмъ св. Софіи, когда драгоцѣнный его престолъ крестоносцы рубили и раздѣляли между собою на части, когда для изнесенія изъ храма сокровищъ, вводили въ него вьючныхъ животныхъ, когда при этомъ проливалась въ въ храмѣ кровь этихъ животныхъ, скользившихъ на мраморномъ помостѣ, падавшихъ и поднимаемыхъ ударами копій, когда ихъ кровь смѣшивалась съ другими нечисто-

тами, когда, наконецъ, въ довершеніе всего непотребная женщина пѣла непристойныя пѣсни и плясала на патріаршемъ мѣстѣ. Что могъ чувствовать кромѣ крайней ненависти къ латинянамъ, и въ частности къ латинскому духовенству, народъ, когда видѣлъ вмѣстѣ съ солдатами латинскихъ монаховъ и аббатовъ—предававшихся грабежу, похищавшихъ драгоцѣнныя сокровища святыни: мощи святыхъ, иконы, кресты, книги и другіе уважаемые предметы христіанской древности? Но этого мало. Какого рода чувства долженъ былъ питать православный народъ, когда вмѣстѣ съ поруганіемъ и разграбленіемъ святыни латиняне воздвигли на православныхъ гоненіе, когда не только свергали съ престоловъ православныхъ архіереевъ и на мѣста ихъ поставляли своихъ кардиналовъ, но и весь народъ, священниковъ и монаховъ принуждали къ своему образу мыслей, когда „противящимися имъ гнушались въ глубинѣ души, какъ еретиками, явно и жестоко наказывали и предавали ихъ мученіямъ, какъ нѣкогда цари-гонители вѣры“ *). Папа Иннокентій III, описавъ всѣ недостойныя дѣла крестоносцевъ при вторичномъ ихъ вступленіи въ Константинополь, говоритъ: „послѣ всего этого греческая церковь при всѣхъ своихъ страданіяхъ не пожелаетъ возвратиться къ повиновенію апостольскому престолу и, видя въ латинянахъ только примѣры разврата и дѣла тьмы, по неволѣ возненавидитъ ихъ болѣе, чѣмъ псовъ“ *).

Предреченіе его вполнѣ исполнилось. Латиняне всюду были окружены самыми непримиримыми врагами. Быстро начали образоваться грозныя, полныя ненависти дружины. Явились три царства: Эпирское, Трапезунтское и Никейское, сильныя, благодаря возбужденію въ народѣ патріотически религіозныхъ чувствъ. Въ 1237 г., чрезъ 32 или

*) См. Н. Хоніата, т. II, стр. 321—324; и Leo Allat. de perp. consens., lib. II, cap. XIII, p. 694—695.

*) Regest. lib. VIII, ep. 133.

33 года по основаніи, латинская имперія заключалась уже въ однихъ стѣнахъ Константинополя. Ничто не могло примирить грековъ съ иновѣрнымъ владычествомъ. Однакожъ и это время не обошлось безъ попытокъ со стороны даже самыхъ православныхъ къ соединенію церквей. Но это было дѣло политики вновь возникшихъ изъ развалинъ византійской имперіи православныхъ государствъ. Владѣтели ихъ, для своей великой, постоянной цѣли изгнать изъ Константинополя латинянъ, позволяли себѣ пользоваться всѣми средствами. Греческіе владѣтели, благодаря частнымъ династическимъ спорамъ, не могли дружно бороться съ латинянами, и вотъ при дворахъ императоровъ эпирскаго, и особенно никейскаго, не разъ начинались переговоры съ Римомъ въ то время, когда имъ нужно было усыпить бдительность латинянъ, особенно же ослабить религіозными переговорами ревность папы, въ рукахъ котораго сосредоточивались средства къ поддержанію падавшей латинской имперіи, или когда при этомъ имъ грозили другіе враги.

Важнѣйшія попытки къ церковному миру между востокомъ и западомъ начинаются съ 30 годовъ XIII ст., чрезъ 28 лѣтъ послѣ основанія латинской имперіи. „Съ этого времени стало особенно ясно паденіе латинской имперіи съ одной стороны, и рѣшительно уже обозначилось важное историческое значеніе имперіи никейской, какъ возстановительницы господства грековъ въ Константинополѣ, съ другой.“ „Теперь папа и латиняне сами стали въ положеніе нуждающихся въ мирѣ съ греками, для того, чтобы сколько нибудь обезопасить латинскую имперію отъ ихъ побѣдоносныхъ набѣговъ и завоеваній. Съ другой стороны, чѣмъ ближе клонилось дѣло къ осуществленію постоянной цѣли никейскихъ императоровъ, тѣмъ естественно все дороже и дороже дѣлались ведущія къ этой цѣли средства и настойчивѣе прежняго являлось желаніе удалять

всѣ препятствія къ ея достиженію, т. е., обманывать мирными предложеніями, когда нужно было по обстоятельствамъ, бдительность папы и латинянъ.“ Такъ во все царствованіе Іоанна Ватакиса, императора никейскаго, благодаря завоеваніямъ котораго, послѣдній латинскій императоръ Балдуинъ II (1237—1261) провелъ большую часть своей жизни въ путешествіяхъ по Европѣ, вымаливая у папы и западныхъ государей помощи,—тянутся переговоры съ Римомъ. Около года (1233) тянулся соборъ въ Никеѣ и Нимфеѣ; православные укоряли латинянъ, латиняне—грековъ; послѣ нѣсколькихъ засѣданій папскіе легаты отказались отъ дальнѣйшаго участія въ соборѣ; да и самымъ православнымъ, напередъ ясно было, что ничего путнаго не выйдетъ изъ этихъ засѣданій,—но все таки соборъ прерванный въ концѣ января, опять начинается въ апрѣлѣ, опять являются папскіе легаты, не разъ жалуются на соборъ императору; не разъ грозятъ оставить соборъ, и все таки остаются. Кончается тѣмъ, что 10 мая 1233 г., послѣ чтенія латинскаго исповѣданія вѣры словами папы Дамаса, православные произнесли анаѳему на исповѣдующихъ исхожденіе Св. Духа „и отъ Сына;“ въ свою очередь и противная сторона анаѳематствовала православныхъ словами будто бы Кирилла александрійскаго. Нунціи удалились изъ собранія съ слѣдующими словами, обращенными къ собранію православныхъ: „находя, что вы еретики, мы и оставляемъ васъ, какъ такихъ именно людей,“ на что православные кричали имъ вслѣдъ: „вы сами еретики!“

Но и послѣ этого не предоставили дѣло волѣ Божіей. Въ 1249 году папскій легатъ на востокѣ Лаврентій пишетъ папѣ, что онъ замѣтилъ въ императорѣ и новомъ патріархѣ (Мануилѣ Критопулѣ) явные признаки желанія возсоединиться съ римскою церковію. Папа въ отвѣтъ на это въ томъ же году послалъ легата Іоанна де-Парму уже прямо въ Никею. Въ 1262 г. Іоаннъ Ватакисъ, въ виду того,

что отчаянное положеніе Балдуина II, опять отправившагося на западъ просить помощи противъ грековъ, могло вызвать новый крестовый походъ, счелъ полезнымъ показать папѣ, что ему не слѣдуетъ много печалиться о паденіи латинской имперіи, которая видимо не могла болѣе существовать, что у папы и безъ нея будетъ въ Константинополѣ имперія, которая готова признавать его верховную апостольскую власть. Были отправлены изъ Никеи послы въ Римъ,—главными условіями было „возвратить никейскому императору Константинополь;“ папа принялъ пословъ очень ласково и не прочь былъ сдаться на умѣренныя предложенія никейскаго императора, такъ какъ лучше имѣть хоть что нибудь, чѣмъ ничего,—но смерть папы Иннокентія IV (ум. 1254) и императора Іоанна (ум. 1255), прекратила эти затѣи. Преемникъ Иннокентія, Александръ IV хотѣлъ продолжить переговоры, соглашаясь на условія предложенныя умершимъ императоромъ; но преемникъ Іоанна—Ѳеодоръ Ласкарисъ (1255—1259), будучи увѣренъ въ несбыточности соединенія церквей, и что и безъ подчиненія папѣ восточной церкви латинская имперія не избѣгнетъ его рукъ, совершенно сбросилъ съ себя маску, которую по временамъ надѣвали его предшественники,—не захотѣлъ даже видѣть папскаго легата. Легатъ доѣхалъ до Беріи (въ Македоніи), откуда, по приказанію Ласкариса былъ возвращенъ назадъ. Этимъ и заканчивается рядъ попытокъ въ періодъ латинской имперіи.

Переходя къ разсмотрѣнію 2-й части сочиненія, въ которой разсматриваются ліонская и флорентійская уніи, мы должны еще упомянуть о человѣкѣ, бывшемъ въ только что описанномъ нами періодѣ какбы предвозвѣстникомъ уній, родившихся главнымъ образомъ изъ политическихъ соображеній, но, отчасти, и изъ протеста нѣкоторыхъ личностей противъ ненависти къ латинянамъ, дошедшей въ народѣ до крайней степени своего развитія. То былъ Никифоръ

Влеммидъ—безпристрастный и добросовѣстный человѣкъ, знаменитый ученый инокъ, съ умомъ сосредоточеннымъ, самостоятельнымъ, неспособный втягиваться въ интересы времени, не преклонявшійся ни передъ кѣмъ, не побоявшійся явно вооружиться противъ императора Іоанна Ватакиса за его беззаконную связь съ Маркесиной; онъ-то явно склонялся въ пользу мира съ латинскою церковію. Для его холоднаго ума многое, въ чемъ народъ и отчасти духовенство обвиняли латинянъ, не имѣло смысла,—такъ какъ на злоупотребленія латинянъ онъ смотрѣлъ какъ на частныя дѣйствія частныхъ членовъ латинской церкви. Въ общемъ сознаніи православнаго духовенства отступленія латинянъ въ догматахъ представлялись болѣе или менѣе ясно въ связи съ общимъ началомъ, одушевляющимъ латинство. „Разсторгши связь съ общимъ церковнымъ сознаніемъ, Влеммидъ съ тѣмъ вмѣстѣ потерялъ то внутреннее чутье, которое заставляло въ латинскихъ отступленіяхъ видѣть болѣе, чѣмъ случайное уклоненіе отъ истины, которое указывало ложное начало, его одушевляющее. Латинскія нововведенія представлялись ему отдѣльными пунктами безъ твердой основы, безъ почвы, и слѣдовательно не способны были устоять предъ всеразрѣшающей діалектикой человѣческаго ума“. Вслѣдствіе этого, вѣроятнѣе всего, началъ онъ на досугѣ, большею частію тайно, такъ какъ народъ не раздѣлялъ его мнѣній, собирать свидѣтельства св. книгъ, подкрѣпляющія латинское ученіе, и писать на тему *) (стр. 75—118).

II часть сочиненія г. Катанскаго обнимаетъ, какъ мы сказали уже вначалѣ; *исторію попытокъ къ соединенію цер-*

---

*) Извѣстны два сочиненія, имѣющія одно заглавіе; „*De processione Spiritus Sancti*“ — Allatii Graec. Orth. t. 1. Онъ доказывалъ въ нихъ, что если греческіе отцы, говоря объ исхожденіи Св. Духа, прямо не употребляютъ формулу; *изъ Сына*, то обыкновенная формула ихъ *чрезъ Сына* всегда употреблялась ими въ смыслѣ однозначущемъ съ формулой изъ Сына.

квей греческой и латинской въ періодъ времени отъ 1261 г. возвращенія Константинополя во власть православныхъ, до 1456 г.—взятія Константинополя турками. Это періодъ знаменитыхъ уній: ліонской и флорентинской: плодъ крестовыхъ походовъ и ближайшимъ образомъ 57 лѣтняго существованія латинской имперіи, результатъ предшествовавшихъ двухвѣковыхъ отношеній между православными и латинянами, и вмѣстѣ съ тѣмъ указатель послѣдующихъ— указатель того, какое направленіе приметъ вопросъ о соединеніи церквей въ дальнѣйшемъ періодѣ его развитія. Греческіе императоры по возвращеніи въ ихъ власть Константинополя настойчивѣе и серьезнѣе прежняго стали стремиться къ соединенію съ латинянами. Къ этому побуждали: 1) притязанія запада на случайно доставшуюся ему и потомъ отнятую у него восточную имперію, 2) все болѣе и болѣе страшныя нападенія турокъ, отнимавшихъ провинцію за провинціею. Въ этой крайности, единственной надеждой для греческихъ императоровъ былъ папа, который одинъ могъ располагать воинскими силами запада. Въ виду этихъ надеждъ, съ одной стороны, и опасностей съ другой, императорамъ казались неизбѣжными болѣе или менѣе важныя уступки папѣ, и по ихъ мнѣнію это долженъ былъ сознавать всякій, кто дорожилъ счастіемъ своего отечества и своею собственною безопасностію. Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, императоры не задумывались считать врагомъ отечества всякаго, кто не раздѣлялъ ихъ мыслей, и считали себя въ правѣ употреблять противъ такихъ людей внѣшнія принудительныя мѣры. Между тѣмъ ненависть къ латинянамъ, къ этому времени, превратилась въ великую народную силу, жившую въ народѣ и двигавшую народъ. И чѣмъ болѣе росло въ императорахъ стремленіе къ уніи, тѣмъ болѣе росла и эта народная сила ненависти къ латинству и его сторонникамъ. Кромѣ того, теперь въ самомъ духовенствѣ не стало прежняго единенія

относительно вопроса о соединіи съ римскою Церковію. „По удаленіи враговъ, и между тѣмъ при существованіи въ массахъ прежней ненависти къ латинянамъ, доше дшей въ послѣднее время до крайней степени, въ мысли нѣкоторыхъ лицъ естественно явилась реакція въ пользу примиренія съ латинянами; римская церковь стала представляться имъ вовсе не въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, въ какомъ представлялась она народу". Отсюда, при содѣйствіи еще отчасти увлеченія политическими разсчетами и искренняго желанія добра отечеству, явилось раздѣленіе въ прав. духовенствѣ; „отсюда серьезныя попытки, съ одной стороны, измѣнить православію, съ другой—всѣми силами защитить его." Вопросъ о соединеніи церквей въ это время для греческаго народа сталъ вопросомъ народнымъ, сдѣлался для него яблокомъ раздора, ведя за собою болѣе серьезныя и рѣшительныя, чѣмъ прежде, попытки къ его разрѣшенію и серьезную оппозицію противъ этихъ попытокъ. „Востоку этотъ вопросъ стоилъ многихъ жертвъ, страданій и крови." Что же касается запада, то онъ примыкалъ къ этому вопросу со стороны; вопросъ этотъ занималъ собою одного папу и еще немногихъ лицъ, и занималъ болѣе или менѣе, смотря по состоянію самаго папства: когда папство было могуче, имъ занимались довольно много; когда оно падало,—о немъ забывали вовсе" (стр. 118—124). Весь этотъ періодъ распадается главнымъ образомъ на два отдѣла: 1) время ліонской уніи, и 2) время отъ конца ліонской уніи до уніи флорентинской.

Глава I-я представляетъ *очеркъ ліонской уніи*. Ліонская унія своими характерическими особенностями выдвигается изъ ряда всѣхъ попытокъ къ соединенію церквей на довольно большую высоту. Вслѣдствіе „нѣкотораго возрожденія или лучше возбужденія въ это время греческаго народа", съ одной стороны, и „наибольшей высоты папской власти на западѣ"—съ другой, во время ліонской уніи дѣ-

ло велось болѣе серьезно, послѣдовательно, энергично, чѣмъ когда нибудь. Въ ней, какъ въ картинѣ, обрисовалось все, что создала исторія предъидущихъ двухъ столѣтій на почвѣ отношеній между церквами. „Здѣсь всѣ элементы, создавшіеся въ нѣдрахъ восточной церкви, обнаружили себя такъ, какъ ни прежде, ни послѣ, выдержали себя вполнѣ до конца, какъ не выдерживали никогда.“ „Одно, въ чемъ уступаетъ унія ліонская флорентинской, это то, что въ послѣдней тенденціи папы и кардиналовъ обнаружились полнѣе, чѣмъ въ ліонской.“ Вообще, съ точки зрѣнія автора, ліонская унія есть типъ попытки въ соединенію церквей въ періодъ съ XI в. до XVI. Въ исторіи ліонской уніи авторъ различаетъ четыре главные періоды. Всѣ стремленія и партіи въ православномъ мірѣ обозначились не сразу; не сразу заявили они себя свойственными имъ дѣйствіями. „Былъ довольно большой десятилѣтній промежутокъ между возвращеніемъ Константинополя во власть православныхъ и собственно ліонскимъ соборомъ. Въ этотъ десятилѣтній періодъ, отъ 1261 года до 1271, отъ папы Урбана IV до папы Григорія X, созрѣвало то, что поразительно заявило себя съ 1271 года.“ Сношенія въ этотъ десятилѣтній періодъ были очень частыя, почти постоянныя *), но повидимому все шло север-

*) Вотъ перечень сношеній за это время послѣ перваго неудачнаго посольства въ Римъ 1261—съ цѣлію умилостивить папу, раздраженнаго потерею Константинополя. Въ 1262 г. Михаилъ Палеологъ, имѣя въ виду, что папа Урбанъ IV велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ, съ цѣлію, между прочимъ, возстановленія латинской имперіи, опять завязалъ съ папою религіозные переговоры. „Называя папу преемникомъ ап. Петра и своимъ духовнымъ отцемъ, императоръ жаловался, что папа, вмѣсто строгаго храненія христіанскаго единенія и любви между христіанами, возбуждаетъ между ними войны, что онъ отлучилъ генуэзцевъ единственно за миръ съ греками; въ заключеніе предлагалъ Урбану миръ съ своей стороны, и просилъ его послать въ Константинополь уполномоченныхъ для разсужденій о соединеніи церквей.“ Не дождавшись отвѣта на это письмо,

шенно по прежнему. По словамъ Пахимера, императоръ и его приближенные чувствовали теперь особенно живо потребность примиренія съ папою, по извѣстнымъ уже намъ причинамъ. Но по словамъ того же Пахимера, на основаніи прежнихъ опытовъ, „предстоятели церкви принимали это дѣло легко и поверхностно"; они вели себя такъ, какъ и ихъ предшественники: „еще менѣе могла ожидать чего нибудь серьезнаго отъ затѣявшагося сношенія съ Римомъ, масса. Да, вѣроятно, и самъ императоръ не зналъ, чѣмъ все это кончится." „На самомъ же дѣлѣ обстоятельства все болѣе и болѣе вовлекали императора и папу въ переговоры относительно уніи и заставляли ихъ дѣйствовать все прямѣе и рѣшительнѣе прежняго," Папѣ теперь уже нечего было терять на востокѣ, а потому онъ теперь пересталъ искать благосклонности императора и намѣренъ былъ, отложивъ прежнюю уступчивость, достигнуть и на востокѣ всѣхъ тѣхъ результатовъ для своей каѳедры, какихъ онъ достигъ къ этому времени на западѣ. Византійскому императору нужна была помощь противъ враговъ—

М. Палеологъ въ 1263 г. снова писалъ папѣ въ томъ же духѣ; здѣсь, между прочимъ, онъ говоритъ, что нашелъ вѣрное средство уладить все дѣло, что единственная причина безуспѣшности всѣхъ прежде бывшихъ попытокъ заключалась въ недостаткѣ переводчиковъ, равно знающихъ и латинскій и греческій языкъ, а теперь онъ нашелъ вполнѣ пригоднаго человѣка Николая, еп. кротонскаго, по происхожденію грека, по воспитанію латинянина, который уяснилъ ему (императору) ученіе рим. церкви и онъ нашелъ его согласнымъ съ ученіемъ вост. отцевъ. Въ отвѣтъ на письма 1262 г. папа выражалъ радость по поводу уніи, указывалъ важность ея для Вост. имперіи и въ заключеніе давалъ замѣтить, что пока императоръ не подчинится римскому престолу, онъ, папа, не дозволитъ ни одному латинянину оказать ему, императору, помощь. Въ отвѣтѣ на письмо 1263 г. папа убѣждалъ императора поспѣшить исполненіемъ своихъ намѣреній и слѣдовать во всемъ его легатамъ францисканцамъ и еп. Николаю. Но въ то же время М. Палеологъ продолжалъ воевать противъ ахайскаго князя, владѣтеля остатковъ латинскихъ владѣній—вассала папы, а папа, съ своей стороны, продолжалъ возбуждать крестовый походъ для возстановленія латинской им-

турокъ и западныхъ претендентовъ на его престолъ; папа охотно обѣщалъ эту помощь, но прежде требовалъ отъ императора безусловнаго *подчиненія* ему восточной церкви, и чтобы понудить къ этому, приказалъ въ тоже время проповѣдывать крестовый походъ противъ него.

Съ папою Григоріемъ X начинается второй и самый важный періодъ ліонской уніи. Дѣло идетъ быстро, безостановочно. Григорій, до своего избранія, былъ въ Палестинѣ, видѣлъ ея плачевное состояніе и смотрѣлъ на Константинополь, какъ на оплотъ христіанскихъ владѣній въ Палестинѣ. Вслѣдствіе этого Григорій (1272) еще съ дороги писалъ Михаилу Палеологу о своемъ пламенномъ желаніи церковной уніи и „по прибытии въ Римъ, черезъ четыре дня послѣ своего посѣщенія, уже объявлялъ буллою объ имѣющемъ быть въ 1274 г. 1 мая на вселенскомъ соборѣ въ Ліонѣ разсужденіи по тремъ вопросамъ: о схизмѣ грековъ, какъ онъ выражался, о жалкомъ состояніи св. земли и объ умноженіи пороковъ и заблужденій въ церкви.“

періи. Между тѣмъ труды папскихъ легатовъ въ Константинополѣ имѣли своимъ результатомъ исповѣданіе вѣры, составленное греками и посланное въ Римъ. Папа Климентъ IV, преемникъ Урбана IV, нашелъ это исповѣданіе недостаточнымъ и послалъ имперртору и епископамъ подробное исповѣданіе вѣры римской церкви съ обстоятельнымъ изложеніемъ всѣхъ догматовъ, таинствъ, частныхъ мнѣній западныхъ, въ особенности же ученія о первенствѣ и власти своей каѳедры. „При этомъ, для прочности единенія, требовалъ со стороны императора и гр. епископовъ собственноручныхъ подписей подъ посылаемымъ исповѣданіемъ вѣры; но совершенно отвергалъ предложеніе о предварительномъ замиреніи церкви и возстановленіи между обѣими сторонами любви прежде догматическихъ разсужденій. „Абсолютизмъ папскій, недопускающій никакихъ уступокъ, обозначился теперь вполнѣ.“ М. Палеологъ не рѣшился еще въ это время исполнить требованіе папы и прекратилъ (1267 прямыя сношенія съ нимъ, хотя имперіи стала грозить серьезная опасность, такъ какъ 27 мая 1267 г. во дворцѣ самаго папы заключенъ былъ союзъ между Карломъ Анжуйскимъ, королемъ Сициліи, и бывшимъ латинск. импер. Балдуиномъ II, съ цѣлію опять завоевать Константинополь.

Вскорѣ прибыло въ Римъ и посольство отъ М. Палеолога съ предложеніемъ уніи. Въ отвѣтномъ письмѣ папа требовалъ, чтобы греки признали присланное въ Константинополь Климентомъ IV исповѣданіе вѣры, и на этомъ только условіи соглашался на единеніе; если и звалъ императора и епископовъ на ліонскій соборъ, то спѣшилъ замѣтить, что приглашаетъ ихъ не для догматическихъ разсужденій, а единственно для удостовѣренія въ ихъ подчиненіи римской церкви; только по исполненіи всего этого, папа обѣщалъ помощь. „Въ тоже время онъ не позволялъ венеціенамъ возобновлять перемиріе съ Михаиломъ и написалъ ко всѣмъ европейскимъ королямъ и принцамъ, чтобы они имѣли въ готовности войска.

„Выслушавъ посольство отъ папы, императоръ рѣшился дѣйствовать въ пользу уніи и прежде всего дѣйствовать убѣжденіями.“ Онъ старался представить епископамъ возсоединеніе съ римскою церковію дѣломъ ничтожнымъ, имѣющимъ существовать только номинально. Условія возсоединенія рекомендовалъ имъ, какъ самыя легкія. Вотъ эти условія: православная церковь должна признать первенство папы, обращаться къ нему съ апелляціями и поминать его въ молитвахъ при богослуженіи. Эти условія, по его словамъ, или сами въ себѣ чистая форма, или по своей неудобоисполнимости, должны непремѣнно обратиться въ формальность.“ Въ тоже время онъ изображалъ ужасы войны, представляя тогдашнія обстоятельства до крайности опасными. Но убѣжденія не помогли; отъ лица епископовъ хартифилаксъ Іоаннъ Веккъ, знаменитый ученый того времени, высказалъ императору, что хотя латиняне и не называются еретиками, но на самомъ дѣлѣ еретики. „Эта неудача, раздраживъ императора, нисколько не отклонила его отъ предположенной цѣли. Около него уже въ это время начала образовываться партія приверженцевъ уніи; къ нему примкнули: архи-

діаконы Мелетиніонъ и Метохитъ и протоапостоларій Георгій Кипрскій. Съ ними-то вмѣстѣ началъ дѣйствовать теперь императоръ." Заключивъ Векка въ темницу, императоръ хотѣлъ литературнымъ образомъ убѣдить іерархію въ православіи латинянъ. Когда и это не удалось, императоръ, съ своими сторонниками, рѣшился привлечь на свою сторону главу и опору православныхъ— Векка. Тюремное заключеніе родственниковъ, особенно же сочиненія Влеммида и др. защитниковъ уніи поколебали Векка,—человѣка, хотя довольно честнаго, но съ характеромъ гибкимъ, уклончивымъ, не чуждаго политическихъ разсчетовъ, а главное—человѣка, не имѣвшаго подъ своими ногами твердой почвы, неспособнаго, какъ народъ, инстинктивно чувствовать всю невозможность единенія съ латинянами, и не возвысившагося въ тоже время до философско-историческаго пониманія разностей между востокомъ и западомъ въ религіозномъ отношеніи, а стоявшаго на зыбкой и удободвижимой почвѣ діалектики и софистики.—Въ тоже время и противная партія сдѣлала весьма рѣшительный шагъ. Чтобы народъ былъ убѣжденъ въ твердости іерархіи, патріархъ рѣшился написать и разослать во всѣ мѣста констант. патріархата посланіе съ клятвою, что онъ никогда не согласится на дѣло, задуманное императоромъ и Веккомъ.

Между тѣмъ приближался ліонскій соборъ и оружіе Карла Анжуйскаго сдѣлало успѣхи; императоръ, несмотря на публичный протестъ іерархіи, рѣшился отправить на западъ своихъ уполномоченныхъ. Удаливъ патріарха, онъ назначилъ послами, со стороны іерархіи, Германа, бывшаго конст. патріархомъ, Ѳеофана, митрополита никейскаго, и съ ними нѣсколько клириковъ, съ своей же: великаго логоѳета Георгія Акрополита, протовестіарія Панарета и главнаго переводчика Верріота. Граматы, которыми императоръ снабдилъ своихъ пословъ, содержали слѣдующее:

въ императорской—папа титуловался первымъ (государемъ) первосвященникомъ, вселенскимъ папою и отцемъ всѣхъ христіанъ; затѣмъ сполна повторено было исповѣданіе вѣры Климента IV; но при этомъ императоръ просилъ папу, чтобы онъ дозволилъ греческой церкви сохранить символъ безъ прибавленія и удержать всѣ обряды, бывшіе до раздѣленія, не противные древнимъ церковнымъ постановленіямъ. Въ граматѣ, написанной отъ лица 26 митрополитовъ, изъ подчиненныхъ имъ епископовъ и констанопол. клира, безъ означенія впрочемъ именъ, и составленной, по мнѣнію автора, безъ вѣдома епископовъ, говорилось, въ весьма впрочемъ слабыхъ выраженіяхъ, о покорности іерархіи папѣ и упорствѣ патріарха, удалившагося, по этому поводу, въ монастырь, наконецъ о томъ, что епископы изберутъ новаго патріарха, если Іосифъ останется при своемъ прежнемъ мнѣніи. Слѣдствіемъ этого было то, что на четвертомъ торжественномъ засѣданіи ліонскаго собора, 6 іюля 1274 г., послѣ торжественной папской рѣчи, въ которой Григорій объявилъ, что *греки свободно и безъ всякихъ временныхъ разсчетовъ* покорились апостольской каѳедрѣ, а теперь явились засвидѣтельствовать ему покорность, по прочтеніи граматъ произнесена была отъ лица императора великимъ логоѳетомъ присяга папѣ, въ которой императоръ отрекался отъ *схизмы* и признавалъ верховное главенство папы. Папа умилился: во время слѣдовавшаго за присягою пѣнія „Тебе Бога хвалимъ", стоялъ безъ митры и проливалъ слезы. Послѣ пѣнія гимна и послѣ папской торжественной рѣчи, папою и латинянами пропѣтъ былъ символъ на латинскомъ языкѣ, а патр. Германомъ на греческомъ съ прибавленіемъ „и отъ Сына" и съ двукратнымъ повтореніемъ этого прабавленія." „Такъ кончилось", говоритъ авторъ, „засѣданіе ліонскаго собора и, повидимому, такъ легко, безъ всякихъ споровъ и разсужденій, совершилось соединеніе церквей!" „По формѣ,

оффиціально, казалось, все сдѣлано для возсоединенія церквей; но только по формѣ."—„Съ возвращеніемъ пословъ и даже ранѣе, еще за нѣсколько времени до ихъ отправленія въ Ліонъ, наступилъ новый (третій)-періодъ ліонской уніи."

Наступило время слова обращать въ дѣла. Мы видѣли, какой успѣхъ имѣли устныя и письменныя убѣжденія императора. „Епископы теперь прямо заявили императору, что, *хотя бы дѣло соединенія пошло и успѣшно, они не примутъ его*. Кромѣ того они расторгли общеніе съ епископами, принявшими сторону императора, поносили и самаго императора." Новыя ласки и различнаго рода представленія тоже не имѣли успѣха. Тогда императоръ, отобравъ подписки отъ тѣхъ лицъ, которыя держались его стороны, объявилъ, что намѣренъ наказать своихъ недоброжелателей. Но мѣры жестокости *) не помогли,—онѣ только усилили въ православномъ духовенствѣ и народѣ ненависть къ уніи. Эта ненависть еще болѣе усилилась, когда, по возвращеніи пословъ съ собора, 9 января 1275 прекращено поминованіе патріарха Іосифа, 16 янв. во время литургіи, въ присутствіи императора и папскихъ легатовъ, торжественно прочитаны были Евангеліе и Апостолъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ и провозглашено имя папы съ титуломъ верховнаго архіерея апостольской церкви и вселенскаго папы, и такимъ образомъ не осталось никакого сомнѣнія, что унія дѣйствительно состоялась, и когда императоръ, побуждаемый папами (особенно Николаемъ III) къ утвержденію уніи, видя, что ни его мѣры,

---

*) Въ самомъ началѣ своихъ насильственныхъ дѣйствій, онъ приказалъ риторовъ Оловала и Іоанна Мелія, племянницу Іосифа и нѣк. др., избивъ и обвѣшавъ внутренностями животныхъ, водить въ торжественной процессіи по городу „около же церкви подвергать еще большему безчестію, угрожая чрезъ это духовнымъ лицамъ и наводя на нихъ страхъ."

ни ученые доводы Векка *), постановленнаго вмѣсто Іосифа патріархомъ, ни къ чему ведутъ, еще усилилъ мѣры жестокости.

Въ началѣ оброзовалось три партіи: партія императорская ничтоженая по числу, это партія прямыхъ защитниковъ уніи. Затѣмъ партія народная, во главѣ которой были иноки—это партія крайнихъ противниковъ уніи. Наконецъ партія средняя—духовенство. Многіе, не примиряясь ни за что внутренно съ уніей, мирились съ нею наружно, извиняя себя въ лицемѣріи обстоятельствами времени, но гораздо болѣе было людей, которые крѣпко держались своихъ убѣжденій, за что и принуждены были страдать или спасаться бѣгствомъ. Мѣры императора показали, что унія ведетъ прямо къ латинству, и теперь очень многіе, еще болѣе чѣмъ прежде, стали непріязненно смотрѣть на умѣренную партію. Дошло до того, что, по словамъ Пахимера, „многіе, сильно отвращаясь отъ итальянцевъ, стали гнушаться и нашими священными предметами и бросали ихъ то въ рытвины, то на горы, какъ вещи не заслуживающія никакого уваженія.“ Возмущеніе, будто во имя православія, дукса патрасскаго, Іоанна, показало, что даже родственники императора *) не

*) „Сочиненія Векка собраны Львомъ Алляціемъ въ его сочиненіи“ „Graec Orthod.“ Т. I et II. Веккъ писалъ, по Пахимеру, пять (Пах. кн. 6 гл. 23), по Фабрицію шесть расужденій о Св. Духѣ (Bibl. Graec. Alb. Fabricii p. 384)“.—Пользуясь трудами Влеммида и Никиты маронейскаго, архіеп. ѳессалоникскаго, Веккъ и самъ старался собрать какъ можно болѣе выдержекъ изъ св. Писанія и отеческихъ твореній, въ которыхъ говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца *чрезъ Сына*, и затѣмъ доказывалъ что частица *чрезъ* замѣняется очень часто частицею изъ, *отъ*, что эти частицы употребляются безразлично и, стало быть, когда говорится объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца чрезъ Сына, то вмѣстѣ съ тѣмъ говорится уже и объ исхожденіи Его изъ Сына, отъ Сына.“

*) Таковы были: Кантакузенъ, Іоаннъ и Андроникъ Палеологи, Іоаннъ Тарханіотъ, Мануилъ и Исаакъ Рауль и др. Въ возму-

сочувствуютъ ему изъ за религіозныхъ убѣжденій. Появились пасквили. Изступленный дикими мыслями и подозрѣніями, императоръ казнилъ даже родственниковъ и вообще производилъ ужасы. „О томъ, что тогда имъ сдѣлано, говоритъ Пахимеръ, стоитъ писать не чернилами, а слезами“.

„Но ему, равно какъ и уніи, готовился новый рѣшительный ударъ. По словамъ Пахимера, папа Мартинъ V, узнавъ, въ какомъ состояніи находится въ восточной церкви дѣло примиренія и подозрѣвая, что все бывшее имѣло характеръ насмѣшки, а не дѣйствительной истины, 18 ноября 1281 г. произнесъ на императора отлученіе. Императоръ все таки не уничтожилъ договора, опасаясь, чтобы опять обстоятельства не поставили его въ необходимость обрититься къ папѣ. „Разсторгнувъ связь со всѣмъ окружающимъ, вооруживъ противъ себя всѣхъ своихъ подданныхъ, заставивъ говорить противъ себя и свою собственную совѣсть, потерявъ миръ душевный“, и наконецъ, имѣвъ „случай испытать еще разрывъ съ тѣмъ, изъ за мира съ которымъ испортилъ всѣ свои отношенія“,— этотъ все таки замѣчательный, по своему уму и любви къ отечеству достойный лучшей доли, императоръ Михаилъ кончилъ свою жизнь полную тревогъ 1282 года, „возбудивъ всеобщую радость своею смертію“, и „по настоянію всего народа, собственнымъ своимъ сыномъ былъ лишенъ погребенія“. Съ нимъ кончается третій періодъ ліонской уніи. Въ примѣчаніи авторъ представляетъ прекрасную характеристику императора Михаила и заключаетъ ее слѣдующимъ, вполнѣ вѣрнымъ, отзывомъ: „какъ государственный человѣкъ, Михаилъ съ честію трудился на сво-

---

щеніи принимали также участіе одна изъ сестеръ императора, двѣ племянницы, сноха, вдова севастократора. Когда ихъ спрашивали, почему они такъ поступили, они публично отвѣчали, что причиной такого ихъ поведенія была ненавистная для нихъ унія.

емъ поприщѣ. Для правильнаго сужденія о немъ нужно отличать въ немъ государственнаго дѣятеля отъ религіознаго, и въ извѣстной степени извинять недостатки его нравственнаго характера обстоятельствами времени. Легко было его сыну и преемнику Андронику быть болѣе нравственнымъ послѣ того, что сдѣлалъ для безопасности имперіи со стороны запада его отецъ".

Со вступленіемъ на престолъ Андроника наступаютъ послѣднія времена ліонской уніи. „Теперь ничто уже не располагало поддерживать прежній порядокъ вещей; особенныхъ нападеній съ запада ожидать было нельзя *); недовольство уніей въ народѣ достигло послѣднихъ предѣловъ". Наступила реакція. Перечислять факты, сообщаемые авторомъ мы не имѣемъ возможности, да и нѣтъ существенной нужды, такъ какъ они свидѣтельствуютъ лишь, такъ сказать, о попыткахъ совершенно уничтожить не только возможность соединенія церквей, но даже и самую мысль объ этой возможности; а о ненависти крайней партіи противниковъ уніи мы уже упоминали. Замѣтимъ только что крайняя партія, заправлявшая теперь дѣлами церкви, дошла до крайностей схожихъ, только менѣе оправдываемыхъ, съ крайностями Михаила Палеолога: собирались соборы, очень похожіе на извѣстный разбойничій соборъ, заранѣе авторизованные императоромъ; „на нихъ не

*) „Отлученіемъ М. Палеолога развязаны были руки его противнику Карлу; Карлъ тотчасъ же рѣшился и съ суши и съ моря напасть на визант. имперію. Но Михаилъ ловкимъ оборотомъ своей политики разбилъ его силы, разбудивъ противъ него войну въ Сициліи, и такимъ образомъ отвлекъ половину его силъ. Надъ другой половиной онъ одержалъ блистательную побѣду подъ Бѣлградомъ: эта побѣда сопровождалась совершеннымъ истребленіемъ Карловыхъ войскъ. Карлъ, пораженный этою побѣдою, а еще болѣе смертію своего сына, убитаго на войнѣ въ Сициліи, вскорѣ умеръ съ горя. При Андроникѣ потомки Карла затянулись въ другія войны". Сынъ Карла даже предлагалъ сыну Андроника свою дочь, родившуюся отъ дочери послѣдняго латинскаго императора Балдуина II.

было разсужденій,—тутъ совершался одинъ судъ и слышались одни судебные приговоры: „пусть приведутъ такого-то“, „пусть его выведутъ“; съ противникомъ собора поступали какъ съ оскорбителемъ величества. Осужденію подвергались всѣ, кто хотя сколько нибудь сочувствовалъ уніи, или покрайней мѣрѣ терпѣлъ ее или даже имѣлъ общеніе со сторонниками ея; омывали жертвенники, на которыхъ они священнодѣйствовали, выливали, какъ нечистоту, мvро, ими освященное и проч. „Даже у патріарховъ александрійскаго Аѳанасія и антіохійскаго Ѳеодосія, жившихъ въ то время въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ согласіемъ на низложеніе епископовъ, потребовали отреченія отъ уніи, такъ какъ ревнителямъ православія и они казались уже запятнавшими себя, хотя они имѣли общеніе не съ латинянами прямо, а только съ тѣми, которые приняли латинянъ въ общеніе». Но и послѣ всего этого споры объ исхожденіи Св. Духа долго и упорно продолжались; догматическіе споры наконецъ окончательно стали покровомъ для интригъ,—даже Георгій, патр. конст., осудившій Векка уже при Андроникѣ, за сочиненіе своего ученика былъ обвиненъ въ ереси и низверженъ. Веккъ и др. главные сторонники уніи остались вѣрны себѣ до конца, не смотря на всѣ страданія. Въ заключеніе главы авторъ представляетъ довольно вѣрную и меткую характеристику Векка, Мелитіинота и Метохита.

2-я глава содержитъ „*обозрѣніе попытокъ къ соединенію церквей между ліонской уніей и флорентинскимъ соборомъ* (1300—1416). Въ этомъ періодѣ мы встрѣчаемся только исключительно съ дипломатическими сношеніями греческихъ императоровъ съ латинскимъ западомъ. Нетолько народъ, но даже прав. іерархія, совершенно устраняла себя отъ этого дѣла. Въ Греціи даже скрывали отъ народа сношенія съ латинянами. Да и самыя эти сношенія императоры (исключая Іоанна Палеолога) вели какбы

неохотно, будучи вовлечены въ это дѣло самимъ западомъ. Прежде всего мы видимъ поддерживаемый папою, но неосуществившійся по своей несовременности планъ, графа Карла Валуа—брата короля французскаго Филиппа красиваго, претендента, по женѣ, на византійскую корону, устроить всеобщій крестовый походъ для завоеванія византійской имперіи. Затѣмъ начали брать верхъ другія уже соображенія: претензіи на константинопольскій престолъ начали уступать стремленію противодѣйствовать успѣхамъ мусульманъ и религіозно-политическій союзъ съ православными греками занялъ мѣсто войны съ ними. Чрезъ 20 лѣтъ послѣ плана Карла Валуа, явился новый планъ крестоваго похода для освобожденія св. земли; Сануто, пылкій венеціанецъ,—творецъ этого плана, на основаніи тщательнаго, серьезнаго изученія прежнихъ неудачныхъ опытовъ войны съ невѣрными, мирную унію римской Церкви съ Церковію православною, греческою, полагалъ, какъ главнѣйшее средство къ осуществленію этого плана, убѣждая противниковъ своихъ, „что завоеваніемъ константинопольской имперіи, они рѣшительно ничего не достигнутъ, только разрушатъ, но никоимъ образомъ не сохранятъ ее для себя, только окажутъ своими завоеваніями услугу туркамъ". Но, по словамъ Мишо, „современники только хвалили проектъ Сануто, но осуществлять его никогда не думали". За все это время мы встрѣчаемъ только въ 1325 г. письмо императора Андроника, который на предложеніе Сануто отвѣчалъ общими фразами, въ родѣ наприм., что онъ радъ быть въ мирѣ со всѣми и въ частности, въ особенности, съ христіанами.

При Андроникѣ III (1328—1941), не связанномъ, подобно своему предшественнику, отношеніями къ ліонской уніи и болѣе послѣдняго тревожимомъ турками, при византійскомъ дворѣ пробуждается мысль войти въ сношенія съ западомъ, просить помощи бѣдствущей имперіи, тѣмъ

болѣе, что теперь и „западъ, устрашаемый возраставшими успѣхами турокъ, болѣе чѣмъ прежде расположенъ былъ соглашаться съ мнѣніемъ Сануто, что нужно поддержать константинопольскую имперію". Но эта мысль высказывается очень слабо, осторожно. Услышавъ о намѣреніяхъ императора отъ своихъ миссіонеровъ, папа отправляетъ на востокъ двухъ епископовъ съ письмами къ императору и патріарху,—но ни тотъ ни другой ничего не сдѣлали,—прав. іерархи даже положили не имѣть никакого дѣла съ папскими нунціями и не вступали въ разсужденія. Чрезъ два года папа Венедиктъ XII опять услышалъ отъ венеціана Дандоло „о желаніи императора и будто бы всѣхъ грековъ соединиться съ римскою церковію, и опять въ 1337 пишетъ въ Константинополь и проситъ прислать въ Авиньонъ—гдѣ теперь жилъ папа, уполномоченныхъ хлопотать по этому дѣлу. Въ 1339 пришелъ въ Авиньонъ отъ Андроника III архимандритъ Варлаамъ, но безъ писемъ императора и патріарха. Варлаамъ только раскрылъ папѣ всю невозможность соединенія церквей *).

*) Слова Варлаама такъ вѣрно характеризуютъ весь ходъ сношеній греческихъ императоровъ съ рим. папами по вопросу о соединеніи церкви греческой и римской, что мы не можемъ не привести нѣкоторыхъ характеристичныхъ частей рѣчи Варлаама. „Знайте, говоритъ онъ, что не народъ греческій послалъ меня къ вамъ, но одинъ императоръ и притомъ въ тайнѣ, такъ что, если не пошлютъ ему помощи, онъ не дерзнетъ даже объявить, что желаетъ мира съ вами... Императоръ не смѣетъ объявить своего намѣренія, потому что многіе изъ знатныхъ лицъ и изъ народа, опасаясь, чтобы онъ не вздумалъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ М. Палеологъ, будутъ искать случая умертвить его... Знайте еще и то, что нестолько разность догматовъ и обрядовъ дѣлаетъ васъ чуждыми грекамъ, сколько ненависть, которую получили къ вамъ по причинѣ жестокихъ золъ, которыя вы имъ причинили и доселѣ еще ежедневно причиняете, и соединеніе не можетъ совершиться, если не уничтожится эта ненависть чрезъ какое нибудь благодѣяніе, съ вашей стороны имъ оказанное, безъ чего васъ не захотятъ даже и слушать", Послѣ того, какъ латиняне, приславъ помощь грекамъ расположатъ къ себѣ, та-

Тотъ же порядокъ вещей продолжался и въ царствованіе Іоанна Кантакузена (1341—1355), не смотря на усилившіяся въ его время бѣдствія имперіи внутреннія и внѣшнія; онъ еще менѣе чѣмъ Андроникъ возлагалъ надежды свои на помощь запада и связанный съ нею вопросъ о соединеніи, и рѣшился лучше соединиться съ турецкимъ султаномъ Оркановъ, выдавъ за него свою дочь. Его сношенія о соединеніи церквей имѣли цѣлію только изгладить изъ ума папы и западныхъ христіанъ неблагопріятные слухи на счетъ связи его съ турками, расположить въ свою пользу сердца западныхъ христіанъ, и такимъ образомъ, если удастся, найти себѣ помощь на западѣ. Письмо его къ папѣ Клименту VI (1342—1352)—слова Варлаама, только въ менѣе рѣзкихъ чертахъ.

кимъ образомъ, послѣднихъ, они могутъ уже, по мнѣнію Варлаама, приступить и къ рѣшенію вѣковыхъ распрей между востокомъ и западомъ. Но опять Варлаамъ не скрываетъ, что въ этомъ случаѣ не помогутъ ни насиліе, ни соглашеніе при папскомъ дворѣ нѣсколькихъ образованныхъ людей. По его мнѣнію, о первомъ и говорить нечего, что же касается до послѣдняго, то, конечно, выборные изъ православныхъ очень легко согласятся съ папскими депутатами, но изъ этого не будетъ слѣдовать, что дѣло кончено. „Когда наши послы возвратятся на востокъ' они не въ состояніи будутъ заставить народъ думать такъ, какъ они между собою согласились; найдутся люди, которые по зависти, по тщеславію или, быть быть можетъ, убѣжденные, что поступаютъ хорошо, скажутъ народу: братья, остерегайтесь, чтобы васъ не обольстили; эти люди (послы) или подкуплены подарками или поддались суетности, потому и проповѣдуютъ; не измѣняйте ничего изъ того, что содержите. Такимъ образомъ, болѣе понимающіе дѣло и соглашавшіеся съ вами не смогутъ ничего сдѣлать и только подвергнутъ себя опасности". Для убѣжденія народа единственнымъ средствомъ можетъ служить, по мнѣнію Варлаама, вселенскій соборъ, всегда пользующійся въ глазахъ народа большимъ авторитетомъ (quaecunque a generali consilio determinata fuerint. *Omnes* orientales libenter haec recipient et nemo erit, qui contradicat). Возраженіе, почему же не принятъ былъ ліонскій соборъ, Варлаамъ рѣшаетъ такъ: Illi Graeci, qui interfuerunt isti Concilio non fuerunt missi neque a quatuor Patriarchis..., neque a populo, sed a solo imperatore". *Altat.* „De Consens. p. 739, 799, 693, 790.

Время усиленныхъ сношеній между дворами папскимъ и императорскимъ наступило только со вступленіемъ на престолъ послѣ Кантакузена, принявшаго монашество, Іоанна Палеолога (1355—1391). „Поставленный въ невыгодное положеніе при своемъ вступленіи на престолъ, имѣя себѣ соперника въ лицѣ сына Іоанна Кантакузена Матѳея, (который объявилъ себя также императоромъ),—болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники, угрожаемый турками, которые вторглись теперь уже въ европейскія области имперіи, завоевали многіе города Ѳракіи,—не обладая кромѣ того, твердостію характера и дарованіями,—Іоаннъ почувствовалъ себя въ отчаянномъ положеніи и, какъ свойственно человѣку въ такомъ состояніи духа, остановился на самыхъ несбыточныхъ, мечтательныхъ, безумныхъ планахъ". „Ему казалось, что одно подчиненіе папѣ спасетъ имперію, и вотъ, забывъ предшествующіе опыты, онъ начинаетъ дѣйствовать легкомысленно, очертя голову". Начавъ тотчасъ же по вступленіи своемъ на престолъ, въ 1355 г., съ заключенія съ папою Иннокентіемъ VI акта подчиненія (безъ насилія впрочемъ *) греческой Церкви—римской, съ своей стороны, и—обязательства помогать имперіи**), съ его стороны, Іоаннъ Палеологъ, вслѣдствіе успѣховъ турокъ ***),

---

*) Обѣщая употребить всѣ возможныя мѣры къ подчиненію всѣхъ народовъ имперіи папѣ, императоръ прибавляетъ: „но, такъ какъ время ожесточило сердца народа, такъ какъ его съ трудомъ можно отвлечь отъ того, съ чѣмъ онъ сроднился, то и поставить его на новый путь можно не иначе, какъ дѣйствіями мудрыми и умѣренными"...

**) Предлагая Иннокентію въ заложники своего сына Мануила, Іоаннъ требовалъ, чтобы папа представилъ ему 15 транспортныхъ судовъ, 5 галеръ, 500 чел. конницы и 1000 чел. пѣхоты на 6 мѣсяцевъ, для войны съ турками.

***) Въ 1361 году турки взяли ближайшій къ Константинополю городъ Адріанополь,—вскорѣ владѣнія императора ограничивались стѣнами столицы, да и здѣсь императоръ, начавъ строить укрѣпленія,—по приказанію турокъ, долженъ былъ разрушить ихъ.

и безсилія имперіи съ одной стороны, и стремленія папъ подчиненіемъ себѣ греческой церкви поднять свой упавшій авторитетъ съ другой, дошелъ до необходимости прибыть въ Римъ (1369), исполнить всѣ тѣ унизительные обряды, какимъ подвергались представлявшіеся папѣ западные государи и прочитать въ торжественномъ собраніи исповѣданіе вѣры, присягу въ вѣрности папѣ и отреченіе отъ схизмы (professionem, juramentum et abjurationem).

Вскорѣ затѣмъ папскій престолъ очутился въ такой же почти опасности, въ какой и византійская имперія; начался, такъ называемый, великій расколъ (1378) и др. бѣдствія. Папѣ было уже не до подчиненія себѣ восточной Церкви. Кромѣ того, задержаніе за долги въ Венеціи на возвратномъ пути изъ Рима, необходимость признать себя данникомъ султана Амурата, съ обязательствомъ ходить по его приказанію на войну вмѣстѣ съ турками (1374), сохраненіе власти, и то ограниченной, только въ стѣнахъ Константинополя, безплодность многочисленныхъ папскихъ буллъ, проповѣдывавшихъ крестовый походъ противъ турокъ и т. п.—убѣдили императоровъ византійскихъ въ безполезности обращеній къ папѣ.

Вслѣдствіе этого, съ 1378 по 1415 г., вопросъ о соединеніи церквей не переставалъ быть даже предметомъ дипломатической переписки *). Мануилъ Палеологъ (1391—1425) пытался было обратиться къ рыцарскому духу запада, но и это не помогло. Затѣмъ пораженіе турокъ Тамерланомъ и междоусобія въ домѣ Баязета доставили восточной имперіи 20 лѣтъ покоя, и вслѣдствіе этого византійскій императоръ не имѣлъ нужды прибѣгать не только къ посредничеству папы, но и вообще къ помощи запада. «Такъ что только около 1415 г. Мануилъ возобновляетъ

*) Мы встрѣчаемъ за весь этотъ періодъ только единственное посольство къ папѣ Мануила Палеолога, въ то время—когда Баязетъ осаждалъ Константинополь (1393 года).

сношенія съ западомъ, которыя и имѣли слѣдствіемъ флорентинскую унію“ (стр. 190—236),

Имѣя въ виду, что есть уже па русскомъ языкѣ прекрасное сочиненіе, посвященное флорентинской уніи, съ другой—находя свое сочиненіе и безъ того длиннымъ, авторъ представляетъ, въ рассматриваемомъ нами сочиненіи, только *общій очеркъ флорентинской уніи* (1415—1453). Сношенія, приготовившія флорентинскій соборъ, начались 1414 г. Въ этомъ году на констанскомъ соборѣ присутствуютъ греческіе послы (21 чел.), впрочемъ безъ полномочія хлопотать объ уніи *). Въ 1415 г. отправленъ былъ съ востока на конст. соборъ посолъ Евдемонъ, уже прямо съ цѣлію хлопотать по дѣлу уніи. Съ этого времени начинается цѣлый рядъ почти безпрерывныхъ сношеній между Римомъ и Константинополемъ, въ которомъ императоръ не беретъ на себя, какъ было въ ліонской уніи, главной отвѣтственности или, лучше сказать, главной роли: онъ боится отвѣтственности предъ народомъ и іерархіею, избѣгаетъ по возможности принужденія и поспѣшности при рѣшеніи вопроса. Онъ передаетъ дѣло на отвѣтственность православной іерархіи; іерархія латинская и православная становятся лицемъ къ лицу,—дѣло принимаетъ *видъ* вселенскаго собора, и на соборахъ въ Феррарѣ и Флоренціи присутствуютъ не только императоръ и патріархъ константинопольскіе, но и представители другихъ патріаршихъ престоловъ. На флорентискомъ соборѣ (съ 9 апр. 1437 г. до 6 іюля 1439 г.) впрочемъ не удались ни стремленія одной стороны убѣдить другую, ни примирительныя формулы; греческіе епископы принуждены были уступить ла-

*) Что дѣло здѣсь шло объ уніи, намъ кажется можно заключить отчасти и изъ того, что, между прочимъ, по этому дѣлу былъ и знаменитый литовскій митрополитъ Григорій Цимблакъ или Семивлахъ.

тинянамъ, вслѣдствіе хитрыхъ мѣръ папы. Но хитрыя мѣры и произвели только *флорентинскую* унію.

Уступая необходимости, отовсюду опутанные сѣтями, не желая умереть съ голоду или перенести всѣ бѣдствія дальняго пути безъ всякихъ средствъ, греческіе епископы во глубинѣ души рѣшили, что заключенный ими миръ съ латинянами—одна пустая форма, существующая только на бумагѣ, не участвовали съ латинянами въ богослуженіи и „по прибытіи въ Грецію открыто и съ глубокою горестію говорили, что они продали вѣру, измѣнили православію. Вслѣдствіе этого только 12 дек. 1452, не болѣе какъ за 4 мѣсяца до окончательнаго паденія Константинополя, среди отчаяннаго положенія дѣлъ, была объявлена унія въ храмѣ св. Софіи, при самомъ немногочисленномъ собраніи духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, хотя прежде этого были смуты въ прав. церкви, шла полемика и были даже горячіе приверженцы уніи: Виссаріонъ никейскій, Исидоръ митрополитъ русскій и одинъ за другимъ бывшіе патріархами: Митрофанъ кизическій и Григорій Мамма, а также нѣкоторые другіе. Но еще прежде своего объявленія эта унія нѣсколько разъ—и въ Іерусалимѣ (1143), и въ Константинополѣ (около 1450 г.), была отвергнута всѣми іерархами востока. Взятіе турками Константинополя (29 мая, 1453), сдѣлавъ излишними всякіе хлопоты о помощи, не существовавшей болѣе имперіи, нанесло рѣшительный ударъ флорентинской уніи“ (стр. 236—242).

Въ заключеніе всего своего сочиненія авторъ повторяетъ, высказанную уже вначалѣ, главную причину безуспѣшности всѣхъ вообще попытокъ къ соединенію церквей. „Невозможно было, чтобы истинное начало, одушевлявшее православіе, и односторонне ложное, проникавшее католичество, не уничтожая другъ друга, примирились между собою“. „Многихъ“, говоритъ далѣе авторъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ защитникомъ православія Маркомъ ефесскимъ,

„соблазнила мысль, что можно отыскать нѣчто среднее между двумя ученіями. Но можно найти оборотъ рѣчи, который бы, имѣя обоюдное значеніе, выражалъ нѣчто среднее между двумя ученіями; а ученіе среднее между двумя противоположными объ одномъ и томъ же предметѣ—невозможно: ибо оно должно быть чѣмъ-то среднимъ между истиною и ложью, положеніемъ и отрицаніемъ". „Итакъ", заключаетъ авторъ, „на одной поверхности, но отнюдь не въ глубинѣ жизни, которою жила та и другая церковь, появлялись стремленія къ соединенію церквей. Они являлись, если такъ можно выразиться, какъ жалкія растенія на самой тонкой поверхности почвы, на самомъ тонкомъ ея слоѣ" (стр. 242—245).

Мы передали, по возможности, сущность содержанія разсматриваемой нами книги.

Въ русской богословской наукѣ до сихъ поръ не было систематическаго труда ни по исторіи восточной Церкви, послѣ отпаденія отъ нея церкви западной, ни по исторіи вопроса о соединеніи церквей. Мы имѣли доселѣ только отрывочныя и въ добавокъ не во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительныя изслѣдованія по отдѣльнымъ пунктамъ этого важнаго предмета *). Г. Катанскому принадлежитъ заслуга перваго систематическаго изслѣдованія значительнаго, очень важнаго періода исторіи попытокъ къ соединенію церквей греческой и латинской. Г. Катанскому предстояла и громадность неразработаннаго матеріала, и крайняя бѣдность безпристрастныхъ приготовительныхъ трудовъ; и завлекающій религіозный интересъ. Заслуга автора тѣмъ значительнѣе, что съ трудолюбіемъ и добросо-

---

*) „Исторія флорентинскаго собора". Москва, 1847 года. „Латинскіе императоры въ Константинополѣ"—Медовскаго,— „Состояніе прав. церкви въ Греческой имперіи во время владычества латинянъ въ Константинополѣ."—Приб. къ «Твор. св. отцевъ» ч. XVI и др.

вѣстностію коллектора, онъ умѣетъ соединить тактъ и разборчивость критика-изслѣдователя, избирая изъ запаса матеріала только существенное, по возможности провѣряя и объясняя его. Во многихъ мѣстахъ автору приходилось черпать изъ крайне скуднаго и не вполнѣ достовѣрнаго источника,—приходилось, какъ онъ самъ выражается, „догадываться» (см. стр. 48, пр. 1,—стр. 59, пр. 1,—стр, 36 42, 57, 60. 64 и др.). Это-то и даетъ поводъ къ мысли, на сколько вообще были вѣрны источники, которыми пользовался авторъ? На стр. 42 авторъ говоритъ: „конечно, быть можетъ, дѣло преувеличено историками, прибавлены ими нѣкоторыя лишнія подробности". Мы имѣли уже случай указать, какъ вообще писались сочиненія о раздѣленіи церквей и дальнѣйшей ихъ жизни *). Мы сказали тамъ, что по этому вопросу нѣтъ ни одного безпристрастнаго сочиненія. Въ виду этого нельзя не пожалѣть, что авторъ не счелъ нужнымъ предварительно ознакомить читателей съ источниками своего сочиненія, со степенію ихъ достовѣрности. Намъ кажется, что вѣра въ авторитетъ—безъ всякихъ основаній—есть не болѣе, какъ произвольное, субъективное мнѣніе. Вѣра въ истину повѣствованій предполагаетъ собою вѣру въ истинность и непреложность повѣствователей. Но такая вѣра требуетъ, въ свою очередь, основаній. А для этого нужно доказать достовѣрность повѣствователей, раскрыть достоинство авторитета; этого-то авторъ и не счелъ нужнымъ сдѣлать.

Нельзя также не пожалѣть и о томъ, что авторъ во имя *объема своего сочиненія* отказался отъ обстоятельнаго изложенія такихъ интересныхъ и важныхъ фактовъ, какъ партіи въ православномъ восточномъ обществѣ при императорѣ Михаилѣ Палеологѣ, во время ліонской и фло-

---

*) „Странникъ" іюль, отд. III. „Патріархъ Фотій и первое раздѣленіе церквей".

рентинской уніей. Вслѣдствіе желанія автора соблюсти *объемъ своего сочиненія* вышло напр. то, что возникновеніе сношеній между востокомъ и западомъ о соединеніи церквей, приведшихъ къ флорентинской уніи, совершенно не уяснено. Если ужъ автору такъ желательно было соблюсти объемъ сочиненія, то кажется, если не безъ пользы, то положительно безъ вреда, можно было сократить объемъ очерковъ предпосылаемыхъ авторомъ въ каждой части и главѣ сочиненія, самому изложенію событій.

Наконецъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что заключительныя слова автора: „и такъ, на одной поверхности, но отнюдь не въ глубинѣ жизни, которою жила та и другая церковь, появлялись стремленія къ соединенію церквей; онѣ являлись, если можно такъ сказать, какъ жалкія растенія на поверхности почвы, на самомъ тонкомъ ея слоѣ" противорѣчатъ давности обще извѣстнаго и во всякомъ богослуженіи употребляемаго церковнаго прошенія: «о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ". Мы не можемъ допустить, чтобы и эта молитва церкви появилась на одной поверхности, но отнюдь не въ глубинѣ жизни, которою жила церковь. Не было въ исторіи событія, гдѣ бы нерелигіозные интересы не примѣшивались къ религіознымъ вопросамъ. Это мы видимъ напр. въ исторіи всѣхъ вселенскихъ соборовъ;—но однако это не могло уничтожить лежавшей въ основѣ событія религізной идеи. Поэтому намъ кожется, что основная мысль сочиненія, высказанная въ заключеніи, не вполнѣ вѣрна; это можно видѣть даже изъ тщательнаго разсмотрѣнія факовъ приводимыхъ самимъ же авторомъ.

Евгеній Дилевскій.

(Странникъ).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

О НАЗВАНІИ КІЕВСКОЙ РУСИ РОССІЕЙ.

Не очень давно было толкованіе о томъ, будто кіевская и вся западная *Русь* не называлась *Россіей* до ея присоединенія къ Руси восточной; будто и названіе *Малой Россіи* или *Малороссіи* придано кіевской Руси уже по соединеніи ея съ Русью великою или московскою. Чтобы уничтожить навсегда этотъ несправедливый и не русскій толкъ, надо обратить его въ историческій вопросъ: когда въ Кіевѣ и въ другихъ западно-русскихъ областяхъ своенародныя имена *Русь, русскій,* начали замѣнять, по греческому произношенію ихъ, именами *Россія, россійскій?*

Отвѣтъ: съ девяностыхъ годовъ XVI-го вѣка, въ правленіе короля Жигимонта III-го, то есть, вскорѣ послѣ того, какъ земля кіевская и все княжество литовское были присоединены къ Польшѣ, на люблинскомъ сеймѣ 1569 года.

Основаніемъ такого отвѣта служатъ того временные акты письменные и книги, печатанныя въ разныхъ областяхъ русскихъ, присоединенныхъ къ Польшѣ. Приведу свидѣтельства тѣхъ и другихъ.

1) Вотъ *первая* книга, напечатанная въ Кіевѣ, въ типографіи печерской лавры— *Часословъ*, 1617 года. Въ предисловіи къ ней іеродіакона Захарія Копыстенскаго сказано: «Се, правовѣрный христіанине и всякъ благоговѣйный читателю, отъ нарочитыхъ мѣстъ въ *Россіи* кіiовскихъ, сирѣчь лавры печерскія...»

2) Въ послѣсловіи къ *Анѳологіону*, изданному 1619 г., типографъ Памва Берында говоритъ къ читателю о лаврѣ печерской: «се убо приноситъ ти... матерь твоя *въ Россіи Малой.*»

3) Въ *Поученіяхъ св. Дороѳея,* напечатанныхъ 1628 г., лаврскій намѣстникъ Филоѳей Кизаревичъ съ братіей говорятъ, что сія книга издана въ общую пользу «великаго и славнаго *народа россійскаго* и прочіихъ народовъ пресладчайшаго языка славенска.»

4) Основательница кіевскаго богоявленскаго братства, Анна Гулевичевна Лозкина, въ своей записи о томъ 1615 года, говоритъ, что она учреждаетъ его—«правовѣрнымъ и благочестивымъ христіаномъ *народу россійскаго,* въ повѣтехъ воеводствъ кіевскаго, волынскаго и брацлавскаго будучимъ.»

5). Въ «реестрѣ братскомъ,» тогда же начатомъ, сказано: «Начинаемъ сіе душеспасительное, другολюбное братство церковное въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ... на утѣшеніе и утвержденіе въ благочестіи *нашему россійскому роду»* и т. д.

6) А вотъ еще стихъ изъ *Вѣршей* ректора кіевобратской школы, Кассіана Саковича, на погребеніе гетмана Петра Конашевича—Сагайдачнаго, напечатанныхъ 1622 г.: «Зоставивши теды намъ святыню въ *Россіи.»*

7) Окружная грамота, напечатанная въ Кіевѣ 1629 года, начинается такъ: «Іовъ Борецкій, милостію Божіею архіепископъ митрополитъ Кіевскій, и Галицкій и *всея Россіи,* всѣмъ посполито *Россійскаго рода,* такъ въ коронѣ польской, яко и у великомъ князествѣ литовскомъ, всякого достоинства, духовного и свѣтцкого, высокого шляхетного и низшого посполитого стану людемъ...»

Но довольно о Кіевѣ; обратимся къ землѣ Галицкой.

8) Тамъ львовское братство въ своей типографіи прежде всего издало *Грамматику,* 1591 года, въ наставленіе «многоименитому *россійскому* роду.» Въ ней упоминается о пришествіи патріарха Іереміи «во страны *Россійскія;»* митрополитъ кіевскій и галицкій Михаилъ (Рагоза) именуется «архіепископомъ всея *Россіи.»*

9) Того же 1592 года львовское братство обращалось въ Москву къ царю Θеодору Ивановичу, съ просительными посланіями, въ которыхъ именуютъ его «свѣтлымъ царемъ *Россійскимъ,»* вспоминаютъ «князя Владимира, крестившаго весь *російскій* родъ» и т. п.

10) Минуя другія акты и книги, назову еще *Октоихъ,* изданный—во Львовѣ 1630 года; тамъ сказано въ посвященіи о братствѣ—«въ градѣ Леондополи *Малыя Россіи.»*

Въ землѣ волынской находимъ тоже.

11) Въ числѣ книгъ, напечатанныхъ въ Острогѣ, извѣстна *книга Василія Великаго* (о постничествѣ), изданная 1594 года. Въ ея предисловіи встрѣчается такое выраженіе: «вы же, о православный *россійскій народе!*»

12) Въ мѣстечкѣ Рохшановѣ, принадлежавшемъ княгинѣ Иринѣ Вишневецкой, Кириллъ Транквиліонъ—Ставровецкій напечаталъ 1619 года свое *Евангеліе учительное*. Въ одномъ предисловіи говоритъ онъ: «ревностію поревновахъ о спасеніи братіи моей, рода моего *Російскаго*.» Въ другомъ предисловіи встрѣчается выраженіе: «по всей *земли Російской*.»

Такое же употребленіе именъ «Россія, Россійскій» было тогда и на сѣверо-западѣ русскомъ.

13) Въ столичномъ городѣ литовскаго княжества Вильнѣ, гдѣ была долго и резиденція митрополитовъ кіевскихъ, Михаилъ Рогоза первый изъ нихъ сталъ писать въ своемъ титулѣ: «всея *Росіи*» или «всея *Россіи*,»—какъ это видно изъ подлинныхъ актовъ 1590—1599 годовъ. Такъ продолжалъ писать и его преемникъ, уніатскій митрополитъ Ипатій Потѣй, въ 1600—1608 годахъ. А прежніе митрополиты кіевскіе, бывшіе до Михаила Рагозы, писали: «и всея *Руси*» или «всея *Русіи*.» Такъ писали въ своемъ титулѣ и московскіе митрополиты, бывшіе до учрежденія патріаршества въ Москвѣ. Первый патріархъ московскій Іовъ писалъ уже: «и всея *Росіи*» въ 1580—1586 годахъ.

14) Въ предисловіи къ *Евангелію учительному* патріарха Каллиста, напечатанному 1616 года въ Евью, коштомъ Богдана Огинскаго, сказано, что русскій переводъ этой книги—«выданьемъ изъ друку, на всѣ широкіи славного и старожитного *народа Россійского* краины разосланъ...»

15) Жители города Ратна, въ 1614 году писали къ преемнику Потѣя, Іосифу Руцкому, о непринужденіи ихъ къ уніи: «отче архіепископе всего *россійскаго языка!*»

Но возвратимся къ Кіеву. По возобновленіи здѣсь православной митрополіи въ 1620 году, митрополиты Іовъ Борецкій, Исаія Копинскій, Петръ Могила, продолжали писать въ титулѣ: «и всея *Россіи*.»

Приведу нѣсколько выраженій изъ писаній Петра Могилы.

16) Въ его предисловіи къ *Анѳологіону*, изданному 1636 года, читаемъ: «святого великого *россійского князя* Владиміра»—«и всей *церкви* православной *Россійской*»—«презацный *народъ Россійскій.*»

17) Въ его пригласительномъ листѣ къ луцкой братіи на кіевскій соборъ 1640 года, сказано: «отъ немалаго часу вся православная *церковъ россійская,* будучи отъ апостатовъ въ великомъ преслѣдованю, не могла прійти до того, абы волковъ драпѣжныхъ отдалити отъ себе.»

18) Въ грамотѣ патріарха Ѳеофана, писанной въ генварѣ 1621 года, при отъѣздѣ его изъ Кіева, сказано: «смиренія нашего благословеніе всѣмъ благочестивымъ христіаномъ въ *малой Россіи*... сыномъ *церкви Россійскія* восточныя.»

19) Гетманъ Богданъ Хмельницкій, въ своемъ бѣлоцерковскомъ универсалѣ, 1648 года писалъ: «Вамъ всѣмъ обще *Малоросіяномъ* о томъ доносимъ, такъ и до компанѣи военной, на предлежащее съ нимижъ Поляками дѣло военное васъ вызываемъ и заохочуемъ. Кому мила вѣра благочестивая, отъ Поляковъ на унѣю претворяемая; кому зъ васъ любима цѣлость отчизны вашей, *Украины Малоросійской*...»—о уволненію отъ бѣдъ лядскихъ всего *народа Малороссійского*... и т. п.

20) Въ заключеніе, привожу отрывокъ изъ отвѣтнаго письма Гетману Хмельницкому отъ Запорожской Сѣчи, писаннаго 3 генваря 1654 года, передъ наставшимъ уже присоединеніемъ Малороссіи къ великой Россіи. «А замыслъ вашъ, щобъ удатися и буди зо всѣмъ *народомъ Малоросійскимъ,* по обоихъ сторонахъ Днѣпра будучимъ, подъ протекцію великодержавнѣйшого и пресвѣтлѣйшого *монарха Російского,* за слушный быти признаваемъ, и даемо нашу войсковую вамъ пораду, абысте того дѣла не оставляли и оное кончили, якъ ку найлутшой ползѣ отчизны нашой *Малоросійской*...»

М. Максимовичъ.

30 ноября 1867 г.
Михайлова-Гора.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О НѢКОТОРЫХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ МОНАСТЫРЯХЪ ВОЛЫНСКОЙ ЕПАРХІИ, ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕ СУЩЕСТВУЮЩИХЪ.

1) *Туминскій* 1), крестовоздвиженскій монастырь въ с. Туминѣ, Луцкаго уѣзда, основанный князьями Четвертинскими въ 1635 году, для игумена, двухъ іеромонаховъ и послушника. Основатели снабдили монастырь и достаточнымъ фундушемъ для содержанія монашествующихъ, положивши для нихъ условіемъ, чтобы они находились подъ благословеніемъ и въ послушаніи константинопольскаго патріарха и митрополита кіевскаго. Но въ 1690 году князь Николай Святополкъ Четвертинскій, каштелянъ минскій, записывая монастырю 30,000 злотыхъ польскихъ и подтверждая дарованное монастырю его предками, съ нѣкоторыми прибавленіями, завѣщаетъ монастырю быть въ послушаніи римскаго папы, подъ тѣмъ предлогомъ, какъ значится въ его завѣщаніи, что прежніе игумены не могли имѣть никакихъ сношеній съ константинопольскимъ патріархомъ; подъ защитою этой, на словахъ только, а не на самомъ дѣлѣ, бывшей зависимости, не оказывали повиновенія ни епископу луцкому, ни митрополиту кіевскому; а отъ сего происходили въ монастырѣ всякіе безпорядки, для устраненія которыхъ Николай Святополкъ Четвертинскій не находитъ лучшаго средства, какъ единеніе съ римскою церковію 2). Изъ каталога уніатскихъ монастырей 1775 г. мы видимъ, что въ это время къ туминскому монастырю приписанъ былъ четвертинскій монастырь 3). Туминскій монастырь упраздненъ въ настоящемъ столѣтіи.

2) *Бѣлостокскій*, воздвиженскій монастырь въ с. Бѣлостокѣ, Луцкаго уѣзда, основанъ Симеономъ Гулевичемъ Боютинскимъ, писаремъ земскимъ луцкимъ, впослѣдствіи епископомъ перемышльскимъ, какъ это видно изъ записи его, данной монасты-

1) Передъ туминскимъ монастыремъ опущены свѣдѣнія о заглецкомъ и кременецкомъ монастыряхъ. Свѣдѣнія о нихъ помѣщены будутъ по окончаніи производящагося о нихъ дѣла. *Прим. Редакціи.*

2) Архивъ историко-стат. ком. при вол. сем.

3) Каталогъ базил. мон. Почаевъ 1775 г.

рю сему 1636 г. 30 января и 31 января тогоже года заявленной въ г. Луцкѣ 1). Передъ 1695 годомъ былъ въ этомъ монастырѣ игуменомъ Ѳеодосій Падальскій, избранный въ этомъ году въ игумены братства луцкаго 2). Подъ 1690 г. упоминается настоятель бѣлостокскаго монастыря Аѳанасій Падальскій, котораго православный луцкій епископъ Аѳанасій Шумлянскій посылалъ въ низкиничскій монастырь забрать имущество этого монастыря, по поводу нашествія на него татаръ 3). Въ почаевскомъ уніятскомъ Богогласникѣ 1825 года есть пѣснь чудотворной иконѣ Пресв. Богородицы въ монастырѣ бѣлостокскомъ, гдѣ говорится, что икона эта прославилась чудесами около полутораста лѣтъ назадъ 4). Если справедливо это извѣстіе, то прославленіе чудотворной иконы относится ко временамъ православія монастыря. Въ этомъ монастырѣ была постоянная резиденція сначала православныхъ, а потомъ—уніатскихъ епископовъ. По возвращеніи монастыря православію въ настоящемъ вѣкѣ, осталось принадлежащимъ монастырю одно только селеніе Бѣлостокъ, тогда какъ прежде принадлежало ему нѣсколько селеній 5). Въ бывшемъ бѣлостокскомъ монастырѣ съ 1843 по 1863 года помѣщалось православное духовное училище, нынѣ переведенное въ г. Житомиръ.

3) *Гощанскій* монастырь въ м. Гощѣ, Острожскаго уѣзда основанный въ 1639 г. княгинею Региною Соломерецкою, каштелянщею смоленскою, изъ дома Гойскихъ, которая подарила монастырю г. Курозваны. Основательница „тогда же надавъ оному монастырю фундушъ, предоставила право, чтобы оный монастырь на вѣчныя времена оставался для монаховъ греческаго исповѣданія, монахамъ же уніатскимъ, состоящимъ въ соединеніи съ римскою церковію, вовсе бы тамъ не имѣть мѣста. Но впослѣдствіи времени уніатскіе монахи, не взирая на то, завладѣли онымъ монастыремъ“ 6). Въ 1816 г. взяты

1) Почаев. арх. дѣло 1636 г. № 61, книги № 120.
2) Памят. Кіев. комм. для разбора древ. актовъ.
3) Рукоп. Инвент. Зимн. мон. при арх. волын. сем.
4) Богогласникъ, 1825 г., № 123.
5) Волын. Губ. Вѣд. 1865 г. № 5.
6) „О кляшторахъ базиліанскихъ“, Почаев. арх., книга № 94. стр. 324.

были въ православную острожскую семинарію книги изъ гощанскаго базиліанскаго монастыря 9).

4) *Низкиничскій* монастырь въ с. Низкиничахъ, Владимірскаго уѣзда, основанъ Адамомъ Григорьевичемъ—съ Брусилова—Киселемъ, сначала каштеляномъ, а потомъ—воеводою кіевскимъ, и супругою его Анастасіей Богушевичевой Киселевой, по записямъ заявленнымъ 1643 г. въ Луцкѣ и 1646 г. въ Кіевѣ. До основанія монастыря была въ Низкиничахъ приходская церковь, находившаяся подъ валомъ замковымъ, впослѣдствіи монастырскимъ, на мѣстѣ которой еще въ концѣ XVIII в. стоялъ старый дубовый крестъ. При этой церкви погребены были предки Адама Киселя: прадѣдъ его, неизвѣстный по имени, сынъ рожденнаго отъ княжны Святополковны Четвертинской Александра Киселя и Немиричевны; дѣдъ фундатора Гнѣдошь Кисель, легшій въ битвѣ подъ Оршею при Сигизмундѣ Августѣ I; отецъ фундатора Григорій Кисель, легшій въ битвѣ подъ Улою въ царствованіе Сигизмунда III, при гетманѣ Григоріѣ Ходкевичѣ; братья Григорія Киселя, дяди Адама-Павелъ и Гавріилъ, убитые въ прусской экспедиціи, и братъ фундатора Николай, также убитый на войнѣ въ Пруссіи. За души погребенныхъ здѣсь прѣдковъ своихъ Адамъ Кисель и устроилъ монастырь низкиничскій и заботился о матеріальныхъ и духовныхъ нуждахъ его 1). Издатель Цвѣтной Тріоди 1642 года, посвящая Адаму Киселю Тріодь, писалъ: „Вельможность ваша очень любитъ читать Св. Писаніе и пѣніе церковныхъ гимновъ, для чего держите при себѣ духовныхъ отцовъ иноковъ и строите для нихъ удобные монастыри 2). Въ 1648 году Адамъ Кисель записалъ монастырю землю въ Гощѣ и кромѣ того 1500 зл. польскихъ на Сѣдлищахъ, въ землѣ Хелмской, и пожертвовалъ колоколъ съ своимъ гербомъ. Въ 1649 г. Николай Кисель записалъ монастырю на Низкиничахъ 1000 зл. польскихъ. Въ монастырѣ этомъ существовалъ образъ Богоматери, считавшійся чудотворнымъ. Были также и портреты родителей Адама - Григорія и Евфросиніи

1) Архивъ волын. сем. 1816 г. № 57.
2) Рукоп. инвент. низкинич. мон. при арх. волын. сем.
3) Обзоръ русск. дух. лит., Филарета ч. I.

Киселей. Адамъ Кисель умеръ на 53 году своей жизни, 3 мая 1653 года. Тѣло его погребено въ церкви монастыря низкиничскаго, въ предѣлѣ Св. Георгія 1). Въ 1659 г. умерла и супруга Адама Анастасія. Низкиничи, по записи Адама Киселя, перешли къ племяннику его, сыну Николая Киселя, послѣ смерти котораго достались сестрѣ его Иларіѣ Николаевнѣ, вышедшей замужъ за Даніила Стемпковскаго. Эти преемники Адама Киселя утвердили фундушевыя записи его монастырю низкиничскому. Въ 1662 г. Низкиничи отданы были въ аренду Кадевичамъ Копчинскимъ; а съ 1680 г. являются поссессорами значительной части Низкиничь Догналъ-Цирины. 18 мая 1686 г. Юрій Цирина записалъ низкиничскому монастырю 4300 зл. польскихъ. Но съ 1690 г. начинаются страшныя насилія и притѣсненія монастыря со стороны Догналъ-Цириновъ, доведшія его до раззоренія и измѣны православію. Въ 1690 г., по поводу навѣтовъ татарскихъ и козацкихъ, проректоръ монастыря епископъ луцкій Аѳанасій Шумлянскій, въ епархіи котораго находился монастырь, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы отцы низкиничскіе, забравши всѣ монастырскія принадлежности и документы, переѣхали на время въ Луцкъ, для исполненія каковаго распоряженія присталъ въ низкиничскій монастырь игумена бѣлостокскаго монастыря Аѳанасія Падальскаго. Монахи низкиничскіе, забравши монастырское имущество, выѣхали изъ монастыря ночью и, чтобы скрыть слѣдъ,

1) Надъ гробомъ Адама Киселя была мраморная статуя, на верху которой были два гипсовые льва (гербъ Киселя), а въ рукѣ статуи „буздыганъ" богатый, захваченный около 1690 г. козаками. Внизу статуи — двѣ надписи на польскомъ и латинскомъ языкѣ. Послѣдняя говоритъ: „Мраморъ сей заключаетъ въ себѣ знаменитую отрасль фамиліи Свентольдичей, свѣтъ и украшеніе республики, Адама съ Брусилова Киселя, сначала каштеляна черниговскаго и кіевскаго, потомъ палатина брацлавскаго, прославившагося храбростію и воинскимъ искуствомъ: въ царствованіе Сигизмунда при Хотинѣ противъ турокъ, въ Пруссіи — противъ шведовъ, въ царствованіе Владислава IV — противъ москвитянъ. Онъ посыланъ былъ въ Москву для заключенія мира, въ силу котораго присоединено къ республикѣ воеводство Сѣверское; укротилъ возстаніе козацкое и среди заботъ объ этомъ дѣлѣ умеръ 3-го мая 1653 г., на 53 году своей жизни."

куда они выѣзжаютъ, распустили молву, будто они отправляются въ загоровскій монастырь на праздникъ. Но едва только отъѣхали они около полуторы мили, какъ напали на нихъ— Юрій, Михаилъ и Николай Цирины, молодые люди, переодѣтые татарами. Они прибили монаховъ, разграбили ихъ возы и забрали документы и серебряныя вещи. Низкиничскіе монахи узнали переодѣтыхъ Цириновъ и подали на нихъ протестацію. Когда по этому случаю начатъ былъ въ коронномъ любельскомъ трибуналѣ судебный процессъ,—то Юрій и Николай Цирины, выдавая себя за дѣдичей Низкиничь и фундаторовъ и ктиторовъ монастыря, обратились къ хелмскому епископу Александру—Августину Лодзятѣ съ просьбою, чтобы монастырь низкиничскій, какъ основанный при католическихъ владѣтеляхъ, онъ взялъ отъ епископа луцкаго дизунита подъ свою протекцію и юрисдикцію. При этомъ они въ оправданіе своего насилія говорили, будто бы луцкій епископъ Аѳанасій Шумлянскій хотѣлъ присвоить себѣ серебро, принадлежности и документы монастырскіе и забралъ въ Луцкъ, въ противодѣйствіе чего они и отобрали у монаховъ монастырское имущество. А Лодзята епископъ хелмскій, повѣривши имъ, что они—дѣдичи и фундаторы монастыря, взялъ его въ свою юриздикцію и попеченіе, обязавши Догналъ—Цириновъ возвратить монастырю захваченное. Поэтому случаю возникли между хелмскимъ и луцкимъ епископами споры, во время которыхъ монахи низкиничскіе разошлись по другимъ монастырямъ. Когда умерли означенные епископы хелмскій и луцкій, дѣло о монастырѣ было забыто 1). А между тѣмъ Юрій Догналъ—Цирина, представляясь дѣдичемъ Низкиничь, записалъ въ 1703 г. монастырю часть Низкиничь и денежную сумму; но потомъ, опасаясь, чтобы монастырь не поднялъ головы и не доискивался своихъ правъ, дѣлалъ монастырю разныя насилія и угнетенія, жаловался на монаховъ епископамъ, не давалъ монахамъ долго жить въ монастырѣ, скрывалъ у себя монастырскія фундушевыя записи и серебро, вырывалъ даже записи въ пользу

1) Такъ передаетъ инвентарь низкиничскаго монастыря. Въ исторіи Уніи Б. Каменскаго есть еще извѣстіе, что въ луцкой епархіи бискупъ Залѣнскій насильно обратилъ къ уніи монастырь низкиничскій и всѣхъ монаховъ велѣлъ обрить по римски. стр. 47.

монастыря изъ городскихъ книгъ, выдавалъ себя дѣдичемъ низкиничскимъ и ктиторомъ монастыря и на этомъ основаніи выбиралъ суперіора для монастыря. Юрій Догналъ—Цирина умеръ 1722 г., оставивъ Низкиничи сыну своему Франциску. Этотъ послѣдній въ томъ же 1722 году велѣлъ избить суперіора низкиничскаго Іонаша Визлинскаго, который и умеръ отъ этихъ побоевъ. Когда по смерти Августа II, при избраніи новаго короля, „наступили московскіе и козацкіе навѣты“ Францискъ Цирина спряталъ свое имѣніе въ низкиничской церкви, и туда посылалъ за разными вещами слугу своего Михаила Калинскаго. Однажды Калинскій нашелъ здѣсь монастырскіе документы и показалъ ихъ тогдашнему викарію монастыря Николаю Олесницкому, а этотъ послѣдній взялъ эти документы къ себѣ. Не нашедши ихъ къ сундукахъ, Францискъ Цирина избилъ сначала Калинскаго, а потомъ и Олесницкаго. Это было въ 1735 году. Въ 1741 году переведенъ былъ изъ уневской обители въ настоятеля низкиничскаго монастыря Іеронимъ Оземковичъ. Онъ отыскалъ монастырскіе документы и въ 1744 г. написалъ инвентарь ихъ. Но въ этомъ же году Аѳанасій Шептицкій сдѣлалъ его оффиціаломъ галицкой епархіи. Послѣ Оземковича низкиничскимъ настоятелемъ былъ Марцеллій Билинскій. Свѣдѣнія о монастырѣ, по недоконченному инвентарю, продолжаются до 1768 года 1). Къ концу XVIII в. низкиничскій монастырь вошелъ въ долги 2). Онъ упраздненъ въ настоящемъ вѣкѣ.

5) *Могилинскій* женскій монастырь, иначе называвшійся *Попов млинъ*, Владимірскаго уѣзда, основанный Адамомъ Киселемъ для матери своей Евфросиніи, которая и была въ этомъ монастырѣ игуменьею. Записями 18 августа 1646 г. въ Гощѣ, и 10 октября тогоже года въ Новгородѣ—Сѣверскомъ Адамъ Кисель пожертвовалъ этому монастырю сумму и грунты съ подданными 3), а именно — деревню Поповку и сумму на с. Иваничѣ 4). Евфросинія Киселева умерла раньше 1653 г. 5)

1) Инвент. низкинич. мон., при арх. волын. сем.
2) Почаев. арх., дѣло 1781 г. № 809.
3) Инвент. низкинич. мон., при арх. вол. сем.
4) Почаев. арх., № 138, л. 27.
5) Инвент. низкин., при арх. вол. сем.

Неизвѣстно, когда этотъ монастырь перенесенъ въ г. Владиміръ. Въ 1670 году онъ былъ уже уніатскимъ 1); а въ 1836 году присоединенъ къ полонскому уніатскому женскому монастырю 2).

6) *Страклокскій* монастырь въ с. Страклокѣ, Дубенскаго уѣзда, основанъ въ 1665 году вдовою Анною Пузиной, женою подсудка кременецкаго Михаила Пузины. Въ завѣщаніи своемъ основательница, отказывая на содержаніе монастыря недвижимое имущество и капиталъ наличными деньгами, прямо выражаетъ волю свою, чтобы устроенный ею монастырь и монашествующіе, которые будутъ жить въ немъ, всегда находились въ православіи и подъ вѣдѣніемъ православныхъ пастырей, и чтобы игуменъ монастыря свободно избираемъ былъ самою братіею, и если бы кто либо изъ дѣтей ея или потомковъ и другой кто либо, въ чьихъ рукахъ будетъ ея имѣніе, былъ другаго исповѣданія, а не православнаго - восточнаго, того она завѣщаніемъ своимъ устраняетъ отъ всякаго вліянія и власти надъ монастыремъ 3). Ему принадлежали имѣнія— Волица, Стракловъ и Комаровка 4); совращенъ въ унію, вѣроятно, въ началѣ XVIII вѣка, и въ первой четверти настоящаго столѣтія присоединенъ въ кременецкому базиліанскому монастырю 5).

7) *Шумскій* женскій православный монастырь въ м. Шумскѣ, Кременецкаго уѣзда, существовавшій на томъ мѣстѣ, гдѣ лѣтъ десять тому назадъ построенъ шумскій костелъ 6).

8) *Поддубецкій* монастырь въ селѣ Поддубцахъ, Луцкаго уѣзда 7). По извѣстію одной пѣсни почаевскаго уніатскаго Богогласника, „здавна" находился здѣсь чудотворный образъ Богоматери 8).

9) *Преображенскій* Острожскій монастырь. Онъ основанъ

1) Поч. арх., № 138., л. 27

2) Визита Полон. мон. при арх. волын. сем.

3) Почаев. арх., дѣло 1790 г. № 1038.; книги, № 122.

4) Тамъ же, дѣло 1727 г., № 284.

5) Тамъ же, № 138. л. 9.

6) Отношеніе вол. конс. въ кремен. судъ, отъ 20 сент. 1858 г., за № 7553-мъ.

7) Почаевс. арх. №№ 1284, 1331 и 1345.

8) Богогласникъ, 1825 г., № 120.

еще въ 1620 г. Анной Алоизой Ходкевичевой изъ рода князей Острожскихъ для iезуитовъ, и обращенъ въ православный по возсоединенiи Волыни съ Россiей. Указомъ святѣйшаго сунода отъ 24 мая 1795 г. острожскiй преображенскiй монастырь назначенъ для жительства минскаго викарiя, житомирскаго епископа, а съ 1797 года помѣщалась здѣсь и православная острожская семинарiя. Преображенскiй православный монастырь четыре раза подвергался пожарамъ: 1799 г., 1809, 1812 и 1821 г. — Послѣднiй пожаръ окончательно испортилъ монастырскiя зданiя. Поэтому монастырь былъ упраздненъ, а архiерей и семинарiя переселились сначала въ м. Аннополь, а потомъ въ г. Кременецъ 1).

Н. Петровъ.
(Вол. Еп. Вѣд.)

ПРЕДПОЛОЖЕНIЕ ОБЪ ОТКРЫТIИ ВЫСШАГО УЧЕБНАГО ЗАВЕДЕНIЯ ВЪ ВИЛЬНѢ.

Какъ скоро возникнетъ въ сознанiи общества такой или другой насущный вопросъ, вопросъ дня, онъ настойчиво требуетъ своего практическаго разрѣшенiя. Къ особенностямъ подобныхъ вопросовъ слѣдуетъ отнести то, что они живо интересуютъ собой все общество. Со всей справедливостiю это можно приложить къ вопросу объ открытiи высшаго учебнаго заведенiя въ Вильнѣ, этомъ центрѣ сѣверо-западнаго края. Мысль объ открытiи тамъ подобнаго заведенiя представлялась со всей своей неотразимостiю еще покойному графу М. Н. Муравьеву, бывшему генералъ-губернатору этого края, въ самый сильный разгаръ польскаго мятежа. Но въ ту пору этотъ вопросъ не получилъ практическаго разрѣ-

---

1) Очеркъ истор. прав. школы на Волыни, въ трудахъ К. Д. А. за февр. 1867 г.—Кромѣ перечисленныхъ монастырей, упоминаются еще унiатскiе монастыри Волынской губернiи: злочевскiй Дубенскаго уѣзда, верховскiй и пугинскiй Ковельскаго уѣзда. См. Почаев. арх. №№ 138, 631 и др.; но эти монастыри едва ли основаны православными. О пугинскомъ же монастырѣ положительно извѣстно, что онъ основанъ въ половинѣ XVIII в. для унiатовъ помѣщиками Вильгами.

шенія, и ему суждено было возникнуть съ новой силой въ настоящее время. Въ самомъ дѣлѣ—быть или не быть высшему учебному заведенію въ Вильнѣ? если быть, то какому именно—университету, или духовной академіи съ историко-филологическимъ факультетомъ? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ съ полной основательностію, мы скажемъ нѣсколько словъ о мѣстныхъ условіяхъ и потребностяхъ края.

У всѣхъ еще въ свѣжей памяти послѣднее польское возстаніе 1863 года, сильно взволновавшее наше общество, большая часть котораго была поражена совершенной неожиданностію этого явленія: до 1863 года мы почти ничего не знали, что дѣлалось въ бывшемъ царствѣ и сѣверо-западномъ краѣ. Только мятежъ—событіе, долго и обдуманно подготовлявшееся, показало намъ опасность, а послѣдующее изслѣдованіе этого явленія раскрыло его причины: — политическое движеніе было задумано въ широкихъ размѣрахъ, оно обнимало собой далеко не одну территорію бывшаго Царства Польскаго, но простирало свои виды на сѣверо-западныя и южныя губерніи русскаго государства.

Въ настоящее время всѣми признается безспорнымъ тотъ фактъ, что сѣверо-западныя губерніи составляютъ исконное русское достояніе, что «до временъ Чарторыйскаго и Чацкаго этотъ край не только былъ русскимъ въ народной массѣ, какимъ онъ всегда былъ и, безъ сомнѣнія, останется, но и большинство шляхты, не зная по-польски, тамъ говорило и писало по-русски. Нынѣшній польскій патріотизмъ въ западно-русскихъ губерніяхъ, какъ начало революціонное и противугосударственное, возникъ недавно; онъ сталъ силою подъ русскимъ владычествомъ въ теченіи настоящаго столѣтія, особенно съ той поры, когда онъ сталъ синонимомъ католицизма; до раздѣленія Польши западный край тяготѣлъ къ Россіи точно также, какъ нынѣ онъ, въ лицѣ мѣстной шляхты, тяготѣетъ къ фантастическому мѣстному королевству» *). Необходимо сознаться, что противурусское, противугосударственное направленіе дѣйствительно существуетъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, что истинно-русскими людьми остается

*) «Вилен. Вѣсти.» 1869 г., № 24.

въ этомъ краѣ только два бѣдныхъ класса—крестьяне и духовенство,—крестьяне кромѣ того представляютъ собой силу, нисколько непросвѣтленную образованіемъ, такую силу, дѣятельное служеніе которой для государства и отечества начнется только въ будущемъ. Большая часть остальной массы населенія, принадлежащая къ наиболѣе развитымъ и—особенно нужно помнить—зажиточнымъ классамъ, враждебна русскимъ интерессамъ и въ этомъ смыслѣ усердно волнуетъ другіе классы въ ущербъ этимъ интерессамъ. Въ виду этого, весьма любопытно прослѣдить—какимъ образомъ произошла эта измѣна своей родной вѣрѣ, своему народу, однимъ словомъ своей національности со стороны высшихъ классовъ общества. Это съ одной стороны раскроетъ предъ нами тактику нашихъ враговъ, а съ другой можетъ привести къ нѣкоторымъ практическимъ соображеніямъ относительно нашей собственной дѣятельности въ этомъ случаѣ. При изложеніи мы постараемся придерживаться польскаго историка-публициста, чтобы показать всю справедливость того значенія образованія въ дѣлѣ національнаго воспитанія народа, какое мы приписываемъ ему.

«Литва, говоритъ польскій публицистъ-историкъ, стала по духу и стремленіямъ польскою страной въ то самое время, какъ въ административномъ отношеніи она сдѣлалась русскою провинціей. Главнымъ орудіемъ, употребленнымъ Провидѣніемъ (?), прибавляетъ тотъ же публицистъ, къ развитію революціонной наклонности Литвы, было университетское образованіе. Въ этомъ отношеніи Чарторыйскій и Чацкій были первыми заговорщиками въ Литвѣ; они были великими мастерами занѣманскаго патріотизма.» Подъ руководствомъ ихъ самихъ и данныхъ имъ инструкцій, «достаточно было трехъ ученическихъ поколѣній для проникновенія всей массы одиннадцати-милліонаго народа революціонными тенденціями» *). Далѣе у того же писателя говорится, что Вильна служила обильнымъ и единственнымъ источникомъ, развивавшимъ вокругъ себя революціонное ученіе и польскія тенденціи, которыя польскій писатель называетъ «духомъ правды и свободы.» Виленскій университетъ каждый годъ «высѣвалъ созрѣвшія сѣмена»

*) [illegible] Polska [illegible] г. 243—244 г.

этого ученія; «воспитываемыя имъ поколѣнія, слѣдовавшія одно за другимъ, какъ будто новыми слоями покрывали народную ниву отъ Днѣпра до Буга, отъ Двины до Нѣмана. Провинціи жили и питались этой пищей, которая исходила изъ центра Литвы—Вильны.» Такимъ образомъ Чарторыйскій и Чацкій—первый, какъ кураторъ виленскаго учебнаго округа, а второй, какъ визитаторъ училищъ губерній волынской, подольской и кіевской—были главными двигателями полонизаціи края. Испробовавши многія средства къ искорененію русской національности, они наконецъ схватились за народное образованіе, какъ самое вѣрное средство польской пропаганды. Университетъ, лицей и гимназіи поглотили все ихъ вниманіе; въ нихъ они распространили польскія начала, направленныя къ тому, чтобы прежде всего сплотить шляхту въ одно польское учрежденіе и сдѣлать ее проводникомъ польщизны въ народѣ. За непосредственную полонизацію народа они предполагали взяться послѣ.

Духъ учебной польской пропаганты скоро привился шляхетскому сословію и такъ глубоко укоренился, что изъ среды этой молодежи развилась сама собой пропаганда, которую полонизаторы пронесли по всему краю. Юношество, воспитанное въ училищахъ, проникнутыхъ системой ополяченія, подъ руководствомъ профессоровъ, подобныхъ Лелевелю, Онацевичу и другимъ, выбраннымъ Чарторыйскимъ, впослѣдствіи дало изъ среды себя тысячи самыхъ ярыхъ фанатиковъ—враговъ всего, что носитъ на себѣ руское имя, и тѣхъ проповѣдниковъ польскаго дѣла, которыхъ необузданныя, пламенныя рѣчи сильно дѣйствуютъ на молодыхъ слушателей. Данныя, которыя представляетъ «Вил. Вѣстн.» на основаніи документовъ, хранящихся въ архивѣ канцелярія виленскаго учебнаго округа, показываютъ намъ, что всѣ учебныя заведенія были пропитаны революціонными стремленіями, между молодежью существовали различныя тайныя общества, которыя назывались на языкѣ начальства учебныхъ заведеній «невинными союзами между учениками университета» и которыя перешли сначала въ общества «вспомоществованія бѣдныхъ учениковъ» и «друзей полезныхъ увеселеній,» а впослѣдствіи извѣстны были

подъ именемъ «променистовъ,» «тайнаго общества филаретовъ» и устроены были по примѣру «общества шубравцевъ» въ Вильнѣ и «общества друзей науки» въ Варшавѣ. «Не имѣя отечества, мы должны любить его еще сильнѣе! Увы? не забывайте этой великой добродѣтели, знаменующей качество великихъ поляковъ. Оно лишь одно можетъ принести вамъ славу и благодарность согражданъ, если только вы ихъ ищете!» **)... вотъ что восклицали и старые, и малые въ учебныхъ заведеніяхъ, а вслѣдъ затѣмъ и вездѣ. Увлекаемые такимъ потокомъ революціонной дѣятельности, возбужденные до послѣдней степени, юноши съ замираніемъ сердца то и дѣло, что провозглашали: «конституція, вольность, ровность, неподлеглость!» Такимъ образомъ образованіе для нихъ было не цѣлью къ возвышенію матеріальнаго и нравственнаго состоянія страны, а средствомъ для ополяченія края совсѣмъ не польскаго. Связанные тѣсной дружбой, равно энергическіе—Чарторыйскій и Чацкій думали воспользоваться превосходствомъ шляхты въ образованіи и ея вещественной состоятельностію, дабы возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года съ подчиненіемъ ей Малороссіи и Кіева. Чарторыйскій не послушался даже убѣжденій императора Александра I ***).

Усерднымъ сотрудникомъ стремленій Чарторыйскаго и Чацкаго сдѣлалось въ это же время еще новое сословіе—католическое духовенство. Именно въ это время произошло тѣсное сближеніе между польщизной и католичествомъ и названія полякъ и католикъ сдѣлались синонимами. Приходскія школы поступили подъ непосредственное завѣдываніе католическаго духовенства: латинскій ксендзъ въ своемъ приходѣ являлся скорѣе польскимъ политическимъ агентомъ, чѣмъ служителемъ своей церкви. Въ теченіи короткаго времени римская церковь до такой степени усвоила себѣ идею польщизны, что освятила всѣ революціи, всѣ злодѣянія бандитовъ и даже присвоила священное значеніе польскому языку въ своемъ богослуженіи,—та самая церковь, которая въ

**) «Вил. Вѣстн.» № 22.

***) См. Богдановича о I-й эпохѣ преобразованій Александра I.

другихъ странахъ еще и теперь не дозволяетъ совершать богослуженіе на народномъ языкѣ.

Послѣ всего того, что мы сказали относительно распространенія польскихъ стремленій въ сѣверо-западномъ краѣ и вліянія тамъ въ одно время двухъ различныхъ силъ—политической и религіозной, путемъ образованія въ учебныхъ заведеніяхъ съ университетомъ во главѣ,—необходимость открытія чисто-русскаго высшаго учебнаго заведенія въ сѣверо-западномъ краѣ представляется со всей очевидностію. Этотъ край зараженъ въ лицѣ большей части своей передовыхъ людей польскими стремленіями, стоящими въ глубокой, непримиримой враждѣ съ русскими интересами. Во имя своихъ національныхъ интересовъ, Россія должна пресѣчь развитіе этихъ стремленій и, руководясь тѣми же самыми принципами, должна противопоставить образованію—образованіе, разумной силѣ — туже самую силу. Въ самомъ дѣлѣ — для того, чтобы обрусить сѣверо-западный край (а къ этому направлены въ настоящее время всѣ заботы правительства и общества), намъ необходимо возвысить въ немъ русскую народность, русскій духъ, умственное развитіе въ русскомъ духѣ, до такой степени, чтобы оно имѣло перевѣсъ надъ польскими стремленіями. Образованіе въ русскомъ духѣ, т. е. съ отстраненіемъ искуственнаго возбужденія польскихъ стремленій, составляетъ единственное средство успѣшно дѣйствовать на пути обрусѣнія края, — и чѣмъ слабѣе будетъ это возбужденіе, тѣмъ успѣшнѣй совершится желанное обрусѣніе. Потому-то высшее учебное заведеніе съ его просвѣтительнымъ, цивилизующимъ вліяніемъ вокругъ себя, въ центрѣ сѣверо-западнаго края—было бы явленіемъ въ высшей степени отраднымъ, и остается только желать, чтобы оно было какъ можно скорѣй устроено. Мы не можемъ сомнѣваться ни одной минуты въ полной цѣлесообразности предположеннаго устройства высшаго учебнаго заведенія въ Вильнѣ. Мы видѣли, съ какимъ успѣхомъ воспользовались этимъ средствомъ полонизаторы сѣверо-западнаго края; ихъ примѣръ въ этомъ случаѣ весьма важенъ: пользуясь образованіемъ, они успѣли подавить въ сердцахъ многихъ ихъ національное чувство привязанности къ родной странѣ, вѣрѣ, род-

нымъ обычаямъ,—намъ же въ дѣлѣ обрусѣнія края нужно воскресить въ сердцахъ русскихъ по происхожденію людей утраченныя чувства любви къ своей національности. Если бы намъ понадобились новые примѣры въ доказательство той мысли, что образованіе составляетъ самую лучшую мѣру въ дѣлѣ національнаго воспитанія цѣлаго народа или одного класса общества, мы можемъ найти ихъ у своихъ сосѣдей — нѣмцевъ: они всегда начинаютъ дѣло національнаго перевоспитанія съ образованія... Итакъ, образованіе, устройство для этой цѣли высшаго учебнаго заведенія въ Вильнѣ—вотъ насущный вопросъ дня. Заведенію, слѣдовательно, быть; но какому — университету или духовной академіи съ историко-филологическимъ факультетомъ?

Нельзя не радоваться тому, что вопросъ объ учрежденіи въ Вильнѣ высшаго учебнаго заведенія возбудилъ вниманіе и общества и журналистики. Но всего пріятнѣе, что люди, знающіе мѣстныя потребности и потому серьезно относящіеся къ этому важному вопросу, *безъ всякихъ колебаній* высказались за академію, какъ за средоточіе здѣсь науки и высшаго образованія, а мнѣніе это, сколько намъ извѣстно, подкрѣпили своимъ авторитетомъ и мѣстныя власти—какъ свѣтская, такъ и духовная. Ходятъ впрочемъ слухи, что нѣкоторые изъ сочувствующихъ скорѣйшему осуществленію мысли объ открытіи духовной академіи съ филологическимъ при ней отдѣломъ, желали бы видѣть при ней и юридическій факультетъ. Такое прибавленіе къ академіи мы находимъ не совсѣмъ соотвѣтствующимъ цѣли учрежденія и даже— едва ли возможнымъ, не потому, разумѣется, чтобы мы считали юридическое образованіе безполезнымъ для здѣшняго края, а потому что открытіе при академіи юридическаго факультета будетъ вліять на измѣненіе самаго характера академіи; и пожалуй на ея существованіе. Такая академія съ двумя свѣтскими факультетами, если бы и осуществилась, то показала бы собою первый примѣръ въ Россіи университета съ богословскимъ факультетомъ; а это едва ли мыслимо у насъ въ Вильнѣ въ настоящее время, когда этого нѣтъ въ другихъ частяхъ имперіи.

Устройство при академіи юридическаго факультета неизбѣжно

должно вызвать новыя значительныя и трудныя, въ настоящее время, издержки и эта трудность еще болѣе должна усилиться при теперешнемъ недостаткѣ профессоровъ. Поэтому желаніе видѣть при академіи юридическій и, пожалуй, и естественный факультеты, можно сказать, равносильно тому, чтобы — или вовсе не быть въ Вильнѣ ничему, или быть университету, но отнюдь не духовной академіи съ филологическимъ факультетомъ.

За тѣмъ, если обратимъ вниманіе на составъ, предѣлы и характеръ наукъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ академіяхъ, то мы должны сказать, что въ нихъ дается и теперь весьма почетное мѣсто историко-филологическимъ наукамъ, безъ нихъ и теперь невозможно вполнѣ богословское образованіе. Совмѣщеніе по этому въ духовной академіи историко-филологическаго факультета представляется возможнымъ и удобнымъ, какъ по самому характеру наукъ, такъ и потому, что открытіе историко-филологическаго факультета потребуетъ меньше профессоровъ и меньше средствъ. Для мѣстнаго русскаго юношества, желающаго посвятить себя на служеніе церкви, что при теперешнихъ реформахъ въ духовномъ вѣдомствѣ и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ вполнѣ возможно, такъ какъ доступъ открытъ всѣмъ,—или же на педагогическую дѣятельность въ здѣшнемъ краѣ, открытіе въ Вильнѣ духовной академіи съ упомянутымъ факультетомъ весьма сподручно. Высшее образованіе, какое молодые люди будутъ получать въ духовной академіи и состоящемъ при немъ историко-филологическомъ факультетѣ, будетъ полнымъ довершеніемъ того образованія, какое они получаютъ въ нашихъ семинаріяхъ и гимназіяхъ, въ которыхъ преобладаетъ классическое образованіе и изъ которыхъ они выносятъ достаточную подготовку для продолженія курса въ академіи и историко-филологическомъ факультетѣ.

Вил. Вѣст.)

ЗАМѢТКА О МѢРАХЪ ПРУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛЬСКО-ПРУССКИХЪ ПРОВИНЦІЙ.

Правительственныя мѣры, дѣйствующія въ сосѣдней съ нами Пруссіи по отношенію къ польщизнѣ познанской области замѣчательны тѣмъ, что упразднили въ Пруссіи почти окончательно такъ называвшійся вопросъ польскій. Мѣры эти тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что онѣ имѣютъ въ виду не *онѣмеченіе нѣкогда нѣмецкихъ провинцій*, какъ старается напр. русское правительство обрусить край русскій, а *онѣмеченіе провинцій чисто польскихъ*. Несомнѣнная польза этихъ мѣръ выразилась между прочимъ въ слѣдующихъ фактахъ: 1) во время мятежа 1848 года само прусское *землевладѣніе* отстояло ²/₃ области для прусскаго управленія; 2) во время мятежа 1863 года волненія происходили только на окраинѣ, смежной съ царствомъ Польскимъ и были далеки отъ кровопролитія, 3) въ настоящее время есть уже въ Познани *Киртнеры* вмѣсто *Вишневскихъ*.

Значеніе и успѣхъ правительственныхъ мѣропріятій прусскихъ главнѣйшимъ образомъ зависятъ отъ того, что польскій вопросъ нѣмцы разрѣшали и разрѣшаютъ двоякимъ путемъ: 1) *путемъ историческихъ указаній* и 2) путемъ *строгой національной политики*.

Мы познакомимъ читателей только съ нѣкоторыми подлинными выдержками изъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ брошюръ, изданныхъ въ Пруссіи—не для вразумленія поляковъ, а для установленія правильнаго взгляда на польскія дѣла въ самихъ же пруссакахъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ нихъ, весьма убѣдительно показываютъ, что нѣмцы не только *отлично знаютъ* польскую исторію и *ни на минуту не забываютъ ея*, но выучились еще весьма многому изъ опыта. Таковы напримѣръ брошюры:

1) Aufschlüsse über die jüngsten Ereignisse in Polen, 1846 г.

2) Die polnischen Forderungen in Betreff der Prowinz Posen gegenüber dem Recht, den Verträgen und der Thatsachen. Berlin 1861 г.

3) Das Grosherzogthum Posen und die Polen, сочиненіе бывшаго познанскаго депутата, составляющее сводъ работъ по польскому вопросу. 1861 г.

4) Anklage Schrift des Ober-Staats Anhalts bei dem Königlichen

Kammer-gerichte wegen Hochverraths, 1864 г. изданная слѣдственною коммисіей и многія другія *).

Вотъ какъ смотрятъ на польскій вопросъ прусаки: „Польскій вопросъ, говоритъ авторъ брошюры: Die polnischen Forderungen..., не только вопросъ о могуществѣ и безопасности прусскаго государства, но вопросъ долга правительства и всего прусскаго народа относительно нѣмецкаго населенія Познани. Никогда прусское правительство не согласится на уступки, которыя не лежатъ ни на какихъ его обязательствахъ и которыми оно стало бы виновно въ томъ, что отдало на жертву нѣмецкую національность и пріобрѣтенія, сдѣланныя нѣмецкимъ трудомъ и нѣмецкимъ развитіемъ. Если бы кто либо, подъ вліяніемъ такихъ совѣтовъ, покусился поддерживать своимъ вмѣшательствомъ неисполнимыя польскія требованія, то весь прусскій народъ станетъ, какъ одинъ человѣкъ, для защиты своего права и своихъ единоплеменниковъ".

Вотъ какъ знаютъ польскую исторію и руководствуются ея указаніями пруссаки: „что несвѣдующіе французы, говоритъ авторъ брошюры Das Grosherzogthum Posen und die Polen, не знаютъ ни поляковъ, ни ихъ исторіи, то это въ порядкѣ вещей; но нельзя искренно не пожалѣть, что многіе нѣмцы и въ ихъ числѣ люди, занимающіе высшія правительственныя должности, не жившіе или мало жившіе среди поляковъ, но только не имѣютъ о нихъ вѣрнаго, но напротивъ, объ ихъ характерѣ имѣютъ даже совершенно ложное мнѣніе (sondern eine durchaus falsche Ansicht). *При наружномъ спокойствіи, въ Познанской области полагаться на безопасность было бы преступною увѣренностію* (strafbare Sicherheit)"... И въ другомъ мѣстѣ: „Горькій и тяжкій опытъ 1846—48 гг. нисколько не привелъ поляковъ ни къ раскаянію, ни къ вразумленію и снова возобновились извѣстною частью польскаго населенія до приторности—bis zum Ekel—избитыя жалобы и всѣ обычныя революціонныя козни, съ подметными письмами плакадами, которыя съ полнымъ правомъ можно на-

---

*) Во 2-мъ томѣ извѣстнаго сочиненія В. Ф. Ратча: Свѣденія о польскомъ мятежѣ, Вильна 1868 г., находится весьма много выдержекъ изъ вышеозначенныхъ сочиненій—откуда мы почерпали свои свѣденія.

нять perpetuum mobile... Что предстоитъ Познани, если предоставить настоящее насторонiе безпрепятственному его развитiю? Тоже, что было за 15 лѣтъ—и дѣло разрѣшится мятежомъ".

Вотъ что сдѣлало прусское правительство для упроченiя своего господства въ польскихъ провинцiяхъ: „Создавъ однажды въ познанской области, государственными средствами и всею правительственною властiю прусскiе элементы столь сильными, что они не только могутъ противодѣйствовать полонизму, но постепенно уже стали сами поглощать польскiя стихiи, правительство предоставило дальнѣйшее веденiе германизацiи частнымъ интересамъ и борьбѣ обѣихъ нацiональностей. Правительство *всѣмъ своимъ влiянiемъ содѣйствуетъ усилiямъ пруссаковъ* скорѣе достигнуть того дня, въ который борьба прекратится и заботливо слѣдитъ, чтобы по всѣмъ вѣтвямъ общественной жизни водворить для достиженiя цѣли могучую нравственную силу—*силу прусскаго повсемѣстнаго преобладанiя.* Правительство усиленiемъ мѣстной администрацiи соразмѣряетъ численность личнаго состава чиновниковъ такъ, чтобы дополняя ими влiянiе мѣстнаго нѣмецкаго элемента удержать перевѣсъ за пруссицизмомъ надъ влiятельными элементами, которые служатъ полонизму. При подобномъ основанiи правительство естественно избѣгаетъ служащихъ поляковъ, такъ что въ 1861 году всѣхъ служащихъ поляковъ было не болѣе 70 человѣкъ. Такое ограниченное количество ихъ достигнуто, преимущественно, *калификацiей* т. е. экзаменомъ, котораго не выдерживаютъ они вслѣдствiе поверхностнаго усвоенiя науки, нѣмцы же служатъ даже на тѣхъ мѣстахъ, которыя требуютъ знанiя польскаго языка".

С. Шолковичъ.

(Вил. Вѣст.)

ВЕЧЕРНАЯ ГАЗЕТА О ПОЛЯКАХЪ И РУССКИХЪ ВЪ ГАЛИЦIИ.

Въ сосѣдственной и, по дипломатическимъ приличiямъ, дружественной намъ державѣ польщизна поднимаетъ голову. Галицiйскiе поляки съ напряженнымъ нетерпѣнiемъ ждутъ рѣшенiя вопроса о своей сеймовой резолюцiи, утвержденiе или отринутiе которой, по ихъ убѣжденiю, приблизитъ или отодвинетъ первый

шагъ къ неизбѣжному будто бы «отбудованію Польши.» Эта резолюція требуетъ, какъ извѣстно, полной и безусловной административной отдѣльности Галиціи почти на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на которыхъ выдвинулось на политическую сцену полунезависимое Венгерское королевство. Казалось бы трудно ожидать, чтобы, послѣ всѣхъ опытовъ, сильно расшатавшихъ искусственное зданіе разношерстной австрійской имперіи, желанія поляковъ были удовлетворены вполнѣ: тѣмъ не менѣе въ нашъ вѣкъ политическихъ фокусъ-покусовъ и самыхъ невозможныхъ шахматныхъ ходовъ позволительно ожидать всего. Весьма возможно, что гр. Бейстъ, радѣющій о своей личной популярности у австрійскихъ народовъ на счетъ габсбургской монархіи, можетъ сдѣлать еще одну ампутацію, обрѣзавъ нити, которыми пришитъ галиційскій лоскутъ къ австрійско-императорской мантіи. Тогда подъ бокомъ у Россіи будетъ создана quasi-дружественнымъ ей государствомъ такая комбинація, которая не можетъ не отразиться и на нашихъ внутреннихъ интересахъ.

Поляки, вѣковымъ опытомъ доказавшіе свою неспособность обитать на дѣйствительной почвѣ, нисколько не скрываютъ своихъ сумасбродныхъ плановъ, по которымъ первымъ рѣшительнымъ актомъ въ дѣлѣ возстановленія древней Польши должно быть пораженіе и обезсиленіе Россіи. Всѣ ихъ фантастическіе помыслы, вся внутренняя работа, всѣ натужныя усилія направлены къ единственно завѣтной цѣли—создать такое положеніе дѣлъ, въ результатѣ котораго возникла бы война между Россіею и Австріею, пальцами которой они хотятъ вытащить для себя изъ боеваго огня каштаны. Столь желанная поляками галиційская автономія должна имъ предоставить, по ихъ разсчетамъ, всѣ способы къ возбужденію между сосѣдственными государствами войны. Тогда Австрія, ради собственнаго спасенія, подниметъ могъ знамя Польши; по этому сигналу соберутся на поле брани поляки со всѣхъ концовъ свѣта; «Москва» будетъ уничтожена, а Польша, какъ фениксъ изъ пепла, воскреснетъ въ своихъ древнихъ предѣлахъ.

Конечно, все это — утопіи, способныя лишь вызвать улыбку

сожалѣнія. Польское оружіе намъ не страшно, нравственное ничтожество польской боевой силы намъ хорошо извѣстно. Но если дѣйствительно на нашей границѣ возникнетъ польская автономія въ томъ видѣ, какъ она проектирована въ галиційской резолюціи, то въ отношеніяхъ русскаго государственнаго начала къ подданнымъ нашихъ привислянскихъ губерній можетъ произойдти путаница, могутъ замѣшаться непріятныя осложненія, способныя задерживать ходъ нашего внутренняго развитія и истощать наши матеріальныя силы. Не польское оружіе для насъ опасно, но опасны тѣ безконечныя интриги, для которыхъ въ автономической Галиціи откроются широкіе пути, но опасенъ тотъ революціонный очагъ, изъ котораго, благодаря близкому сосѣдству, будетъ перебрасываться смрадное пламя въ населеніе нашей польской провинціи. А зная по опыту, какимъ чуткимъ эхомъ откликается каждый польскій звукъ за границею въ фанатическомъ клирѣ и не менѣе фанатической шляхтѣ привислянскихъ губерній, нельзя считать проектированную комбинацію въ Галиціи на столько ничтожною, чтобы не указать на средства, могущія противодѣйствовать ея зловреднымъ послѣдствіямъ.

Къ стыду нашему, мы лишь недавно открыли, что есть въ Австріи славянское племя, судьбу котораго злая исторія безжалостно связала съ судьбою галицкихъ поляковъ, что племя это *русское* (а не *рутенское* какое-то, какъ насъ завѣряли прежде), которое поляки стараются уподобить себѣ всѣми неправдами, чтобы умножить свою численную силу, но которое съ отчаяннымъ усиліемъ отбивается отъ своихъ исконныхъ враговъ и состоитъ съ ними въ ежеминутной напряженной борьбѣ за свое существованіе, что племя это, слѣдуя своимъ естественнымъ симпатіямъ, давно уже обращаетъ умоляющіе взоры къ Россіи, отъ которой ждетъ защиты и спасенія, и всѣми своими инстинктами жаждетъ слiянія съ нами. Вотъ та сила, которая, при нравственной поддержкѣ съ нашей стороны, можетъ для насъ послужить крѣпкимъ оплотомъ противъ польскихъ замысловъ. Эта сила въ состояніи спарализовывать всю ядовитость направляемыхъ противъ насъ козней тамъ, гдѣ оказываются безсильными стотысячные корпуса съ игольчатыми винтовками.

Поляки понимают это, и при всяком случаѣ, подъ разными предлогами, стараются искоренять въ нашихъ соплеменникахъ зародыши русскихъ симпатій, въ томъ разсчетѣ, чтобы Россія не воспользовалась ими во вредъ Польшѣ. Этому плану ополяченія русскихъ галичанъ слѣдуютъ поляки и въ качествѣ представителей Галиціи въ рейхсратѣ. Безстыдство свое они простерли до того, что недавно устами депутата своего, Зыбликевича, требовали, чтобы министерство просвѣщенія лишило русско-уніятскую семинарію казеннаго денежнаго фонда въ томъ вниманіи, что заведеніе это способствуетъ-де развитію въ священникахъ, а чрезъ нихъ и въ народѣ, симпатій къ «москалямъ». Поляки знаютъ, что начинающееся возрожденіе народнаго духа въ русскихъ массахъ происходитъ, благодаря вліянію духовенства; поэтому они хотѣли бы отнять у спеціально-русскаго заведенія всякія средства къ образованію русской молодежи. Съ прискорбіемъ замѣчая, что уніятское духовенство стоитъ теперь на одинаковой степени образованія съ латинскими ксендзами, они желали бы ввергнуть это духовенство въ неисходное невѣжество, какъ было во времена независимой Польши, чтобы безпрепятственно употребить русскій народъ, лишенный патріотическаго водительства, для своихъ политическихъ цѣлей. Соображая, что грамотность ведетъ къ размышленію, а размышленіе приводитъ къ историческимъ воспоминаніямъ, благопріятствующимъ великому русскому народу, польская сеймовая фракція расположена даже запретить угнетаемому галицкому народу учиться грамотѣ. Къ счастію, при настоящемъ порядкѣ вещей, поляки не пользуются пока властію въ такой мѣрѣ, чтобы привести эту часть своего святотатственнаго плана въ исполненіе. Вотъ почему, между прочимъ, русскіе галичане обнаруживаютъ страстное противленіе введенію въ Галиціи автономіи: они, несчастные, горькимъ опытомъ извѣдали, что предоставленіе полякамъ малѣйшей тѣни господства въ этой провинціи сопровождалось обыкновенно пагубою для русскаго народа.

Слѣдуетъ, однако же, отдать справедливость нашимъ антагонистамъ въ томъ, что они изъ всевозможныхъ положеній умѣютъ извлекать для себя выгоду. Не имѣя возможности останавить

развивающееся въ русскомъ народѣ образованіе, они успѣли эксплуатировать для польскихъ интересовъ и эту жажду къ обученію, пробудившуюся въ русскихъ галичанахъ. Такимъ подводомъ изъ широкаго русла народной жизни поляки отвели въ сторону обильный потокъ русскихъ силъ и раздѣлили нашихъ единоплеменниковъ на партіи. Извѣстно, что въ средѣ галицкихъ русскихъ образовалась фракція такъ называемыхъ украйнофиловъ, единственно по инициативѣ поляковъ и при ихъ дѣятельной поддержкѣ. Цѣль этой партіи состоитъ въ томъ, чтобы удержаніемъ народа на узкой тропѣ малорусскаго партикуляризма заглушить въ немъ всякое проявленіе обще-русскихъ симпатій и не допускать до сознанія общности его духовныхъ интересовъ съ великорусскимъ народомъ. Для этого издаются на малорусскомъ подрѣчіи такъ называемою кулишовкою букварь, учебники, беллетристическія сочиненія и даже св. писаніе; собираются памятники исключительно малорусской бытовой жизни, пропагандируется исторія Руси въ неблагопріятномъ для насъ свѣтѣ и т. п. Украйнофилы крѣпко держатся за свою обрядовую унію, потому что она обезпечиваетъ имъ сохраненіе малорусскаго элемента, а будетъ ли Галичина (восточная) принадлежать Австріи, или Россіи—это для нихъ безразлично, потому что украйнофильское направленіе очевидно не имѣетъ никакой будущности. Сепаративныя стремленія, этого нравственно-убогаго кружка выражаются въ малорусскомъ журналѣ «Правда» и въ членской организаціи, подъ именемъ «Просвіта» (просвѣщеніе). Главнѣйшими коноводами украйнофильской фракціи, безсознательно радѣющей польскимъ интересамъ, служатъ: д-ръ Сушкевичъ, пр. Вахнянинъ, Партицкій и Заревичъ. Къ сожалѣнію, въ составъ ея входитъ много воспитателей юношества и народныхъ учителей. Понятно поэтому, какъ много вреда могутъ причинить эти люди славяно-русскимъ интересамъ, тѣмъ болѣе, что украйнофильская партія явно покровительствуется австрійскимъ правительствомъ, а въ кассѣ общества «Просвіта», какъ насъ извѣщаютъ, никогда не выводятся *франки и талеры*.

Къ счастію, большинство галицко-русскаго народа, и при томъ

самая здоровая и интеллигентная часть его, группируется вокругъ львовскихъ русскихъ органовъ «Слова,» служащаго выраженіемъ наиболѣе просвѣщеннаго галицкаго общества, и «Слова до громадъ,» предназначеннаго для простолюдиновъ. Поборники и представители этой партіи, именуемой поляками московскою и святоюрскою, ясно сознавая свое славянорусское призваніе, дѣйствуютъ въ крѣпкой солидарности съ обще-русскими интересами, и всѣми своими силами стремятся къ духовному и политическому сліянію съ великимъ русскимъ народомъ. А въ чаяніи своего свѣтлаго воскресенія, какъ они называютъ будущую счастливую эпоху включенія Галичины въ общее русское отечество, галицкіе патріоты зорко и бдительно оберегаютъ возлюбленный ими народъ отъ поглощенія его поляками и неустанно борются противъ злокозненныхъ интригъ этихъ заклятыхъ и непримиримыхъ враговъ Руси. Въ главѣ патріотическихъ стремленій русскихъ галичанъ стоятъ, кромѣ гг. Дѣдицкаго и Площанскаго, редакторовъ-издателей двухъ вышеупомянутыхъ газетныхъ органовъ, еще отецъ протоіерей Петрушевичъ, прот. Наумовичъ, Е.О. Павлевичъ, бывшій гостемъ на московской этнографической выставкѣ въ 1867 году и делегатомъ на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ въ 1868 г., Д. М. Кулачковскій и Ю. М. Геровскій. Первые четыре, по преимуществу, работаютъ орудіемъ слова и силою убѣжденія, а послѣдніе, какъ дѣятели молодые и энергическіе, самоотверженно истощаются въ усиліяхъ, не щадя матеріальныхъ средствъ и личныхъ трудовъ, чтобы расчистить патріотической пропагандѣ возможно большій кругъ дѣйствія, олицетворить животворную идею въ жизни и мѣстныхъ учрежденіяхъ въ осязательныя формы и пріумножить количественно и качественно галицко-русскую живую силу.

Мы нарочно вдались въ подробное разсмотрѣніе духовнаго быта несчастной горсти нашихъ соплеменниковъ, искусственно оторванной отъ обще-русской жизни, съ тою цѣлію, чтобы дать наглядное указаніе: гдѣ слѣдуетъ искать надежныхъ союзниковъ противъ нашихъ враговъ, тайныхъ и явныхъ, — такихъ именно союзниковъ, содѣйствіе которыхъ обусловлено не временными только соображеніями, но условіями постоянно-прочными, каковы:

племенное тождество, общность цѣлей и интересовъ. Обидно и больно сознавать, что одна частица этой горсти поведена поляками въ фальшивую сторону, неблагопріятную славяно-русскимъ цѣлямъ, а другая, оскорбляемая нашимъ равнодушіемъ, позоримая поляками и преслѣдуемая польско-нѣмецкою полиціею, конвульсивно изнываетъ въ своихъ благородныхъ стремленіяхъ, безъ привѣта, безъ достаточной матеріальной поддержки, безъ дружнаго сочувствія... А будь съ нашей стороны надлежащее воздѣйствіе, сепаратизмъ въ галицко-русской семьѣ не имѣлъ бы мѣста, и плодотворная дѣятельность галицкихъ патріотовъ крѣпко обезпечила бы позицію нашу противъ польскихъ разрушительныхъ замысловъ. Между тѣмъ, въ географическомъ центрѣ галицко-русскаго патріотизма, во Львовѣ, мы не имѣемъ до сихъ поръ даже своего консульства, объ учрежденіи котораго тщетно и давно уже взываютъ наши братья къ русскому правительству.

Но ежели равнодушіе наше къ доблестнымъ соплеменникамъ, отстаивающимъ русскую идею противъ мертвящаго вѣянія полонизма, до сихъ поръ сходило безъ особенно вредныхъ для насъ послѣдствій, то теперь, въ виду польско-галиційской автономіи на границѣ нашей привислянской территоріи, пассивная политика была бы непростительнымъ пебрежіемъ къ нашимъ прямымъ государственнымъ выгодамъ.

(Веч. Газ.)

ПОСѢЩЕНІЕ АЛЕКСАНДРІЙСКОЙ ПАТРІАРХІИ ПАПСКИМЪ ЛЕГАТОМЪ, СЪ ЦѢЛІЮ ПРИГЛАШЕНІЯ НА ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ ПАПОЮ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ ВЪ РИМѢ.

Въ воскресенье, 16-го текущаго мѣсяца (марта), въ 2 часа по полудни, по предварительномъ соглашеніи, пришелъ въ патріархію тамошній католическій архіепископъ и папскій полномочный, въ сопровожденіи начальника лазаристовъ и двухъ другихъ аббатовъ, съ цѣлію вручить мѣстоблюстителю и намѣстнику александрійскаго престола, г. Нилу, въ присутствіи преосвященныхъ епископовъ пилусійскаго, трипольскаго и киринейскаго, приглашеніе папы на имѣющій быть въ Римѣ вселенскій соборъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій полномочный папскій обратился къ мѣстоблюстителю и намѣстнику съ рѣчью на французскомъ языкѣ:

„Ваша досточтимость, конечно, знаетъ цѣль настоящаго моего посѣщенія. По порученію, данному мнѣ его святѣйшествомъ папою, я имѣю вручить вамъ посланіе, коимъ здѣшній престолъ приглашается въ Римъ на вселенскій соборъ."

Мѣстоблюститель и намѣстникъ (по французски же); „Посланіе, которое ваше преосвященство имѣете вручить намъ, одинаково съ тѣмъ окружнымъ посланіемъ блаженнѣйшаго папы древняго Рима, которое было напечатано во многихъ газетахъ, или нѣтъ?"

Католическій епископъ: „Да, совершенно одинаково."

Мѣстоблюститель и намѣстникъ: „Расположеніе его блаженства, римскаго папы, къ возсоединенію вселенской церкви Спасителя нашего поистинѣ весьма похвально: объ этомъ издревле вся православная церковь возсылаетъ пламенныя молитвы къ начальнику мира и совершителю вѣры, и въ свою очередь здѣшній достопочтенный апостольскій престолъ преславнаго апостола Марка, знаменитый первосвятитель коего и свѣтильникъ православія св. Кириллъ нѣкогда, что́ безъ сомнѣнія вамъ не безъизвѣстно, возсѣдалъ лицемъ къ лицу съ папою римскимъ Целестиномъ на третьемъ св. вселенскомъ соборѣ. Такимъ образомъ, означенное расположеніе присуще обѣимъ сторонамъ, т. е. и мы и вы желаемъ полнаго единенія церкви. Но, къ несчастію, этимъ только и ограничивается общій знакъ согласія, въ дальнѣйшемъ же существуетъ явное разногласіе. Чтобы не прибѣгать къ другимъ доказательствамъ, обратимъ вниманіе на тоже самое новое окружное посланіе блаженнѣйшаго папы, какимъ здѣшній достопочтенный престолъ приглашается на имѣющій быть въ Римѣ вселенскій соборъ. По многимъ, и особенно по тремъ главнымъ причинамъ, настоящее посланіе рѣшительно не можетъ быть принято. Во первыхъ потому, что оно нарушаетъ и ниспровергаетъ равенство святыхъ Божіихъ церквей, ихъ независимость; оно утверждаетъ, что римскій престолъ есть владыка и глава прочихъ самостоятельныхъ престоловъ, и въ такомъ тонѣ созываетъ вселенскій соборъ; между тѣмъ какъ римскому престолу, какъ всѣмъ из-

вѣстно, предоставлено святыми вселенскими соборами только преимущество чести, а не главенство надъ другими церквами; съ другой стороны, самъ собою онъ не можетъ созывать вселенскаго собора безъ предварительнаго согласія прочихъ святѣйшихъ патріарховъ. Во-вторыхъ потому, что его блаженство папа старается убѣдить насъ, что только въ Римѣ обитаетъ спасеніе, тамъ лищь находится средоточіе истинной церкви, тамъ только благодать Божія дѣйствуетъ, по силѣ, какъ говоритъ онъ, дарованнаго Спасителемъ св. Петру особеннаго права; между тѣмъ благодать Божія и божественное достоинство церкви Христовой не ограничивается Римомъ или какою-либо другою опредѣленною мѣстностью, но дѣйствовала и дѣйствуетъ по всей вселенной, наполнила и озарила всѣ концы земли, и церковь основана повсюду преемниками боговдохновенныхъ апостоловъ, которыми, какъ трубами, дѣйствовалъ Духъ Святой. Въ третьихъ потому, что вселенскій соборъ онъ созываетъ въ праздникъ непорочнаго зачатія Богородицы, но такого догмата церковь совсѣмъ не знаетъ, и онъ только недавно столь дерзостно введенъ подобно другимъ нововведеніямъ. Но зачѣмъ все это? Если блаженнѣйшій папа древняго Рима искренно желаетъ умиренія и возсоединенія всей Христовой церкви, то пусть онъ обращается съ своими посланіями, какъ братъ и какъ равный къ равнымъ, къ другимъ святѣйшимъ патріархамъ и независимымъ церквамъ, и предварительно совѣщается съ ними относительно изысканія способа для сей цѣли; самымъ же лучшимъ способомъ было бы слѣдовать указанію исторіи и измѣнить настоящее состояніе римской церкви, возстановивъ оное въ древнемъ видѣ. Поступая же не такъ, онъ напрасно тратитъ свои усилія: раздѣляющая насъ бездна увеличивается болѣе и болѣе.

Католическій епископъ: „Послѣдовавшее со стороны святѣйшаго отца созываніе вселенскаго собора—законно: онъ имѣетъ на это право, такъ какъ онъ есть глава и владыка церкви, какъ преемникъ блаженнаго Петра. Впрочемъ я пришелъ сюда не спорить, а лишь выполнить возложенное на меня порученіе. Поэтому я считаю долгомъ прекратить споръ."

Мѣстоблюститель и намѣстникъ: „Пусть. Но мы не пріемлемъ такихъ притязаній, какъ противныхъ догматамъ церкви,

Глава коей есть самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ; право же созывать вселенскій соборъ принадлежитъ другому, а не папѣ: неложный свидѣтель сему исторія церкви."

Католическій епископъ: „Что глава церкви папа, это явно изъ того, что къ нему относятся какъ къ посреднику (посредникъ же естественно имѣетъ и высшее право). Вы конечно знаете, что здѣшняя церковь есть престолъ апостола Марка, который былъ рукоположенъ во епископа александрійскаго блаженнымъ Петромъ; слѣд. александрійскій долженъ подчиняться римскому. И развѣ Аѳанасій великій не обращался къ римскому, какъ къ посреднику?"

Мѣстоблюститель и намѣстникъ: „Рукоположеніе св. Марка апостоломъ Петромъ не заключаетъ въ себѣ признака главенства. Скажу даже вамъ, что всѣ апостолы равночестны и равновелики по достоинству, какъ пріявшіе всѣ одну и туже благодать Св. Духа. И если римскій престолъ хвалится Петромъ, то еще болѣе можетъ хвалиться имъ антіохійскій, какъ первый среди патріарховъ, потому что тамъ прежде всего оный блаженный апостолъ училъ и столько времени епископствовалъ. И опять, если римскій хвалится древностію, то несравненно болѣе права имѣетъ говорить о себѣ это александрійскій, который издревле былъ вторымъ по порядку, и лишь послѣ, когда столица была перенесена въ Константинополь, епископу этого города предоставлено второе мѣсто по порядку: Наконецъ, если Аѳанасій Великій, преслѣдуемый аріанствующимъ императоромъ и аріанами обращался къ римскому престолу, то это отнюдь не указываетъ на главенство. Сколько бывало случаевъ, что патріархи относились другъ къ другу, прося братскаго участія; но изъ этого не выводили того заключенія, что тотъ, къ кому обращаются, есть глава надъ другимъ".

Католическій епископъ: „Но для достиженія столь великой и желанной цѣли, по моему мнѣнію, вы должны нѣкоторые пункты разногласій оставить безъ вниманія и не останавливаться лишь на мелочахъ".

Мѣстоблюститель и намѣстникъ: „Это вѣрно и кто этого не желаетъ? Но здѣсь вопросъ касается не мелочей, а важнаго предмета. Чтобы не распространяться, мы снова повторяемъ вамъ, что такъ какъ настоящая попытка блаженнѣйшаго

папы оказалась безуспѣшною, то онъ, если только желаетъ соединенія каѳолической церкви, долженъ написать каждому изъ патріарховъ и сообразоваться съ ихъ общимъ мнѣніемъ относительно того, что должно дѣлать, избѣгая при этомъ всякой мысли о главенствѣ и всякаго догмата противнаго церкви. Тогда можетъ быть послѣдуетъ какой нибудь успѣхъ въ этомъ дѣлѣ".

Послѣ нѣкоторыхъ еще собесѣдованій о настоящемъ предметѣ легатъ папы удалился вмѣстѣ съ сопровождавшими его, унеся съ собою и папское приглашеніе, такъ какъ оно осталось не принятымъ.

(Христ. Чтеніе).

НОВОСТИ ИЗЪ РИМА.

Пятидесятилѣтній юбилей Папы.—Тайная вечеря въ Ватиканѣ.—Совѣщанія конгрегацій по поводу предстоящаго вселенскаго собора.—Антиримскій соборъ представителей наукъ въ Неаполѣ.—Папство въ настоящее время и во время господства Византіи въ Римѣ.

Недавно Римъ праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей священнической службы папы, который наступилъ 8 апрѣля н. с. Торжество началось тридуумомъ въ Латеранѣ и кончилось блестящею иллюминаціею. Папа самъ лично священнодѣйствовалъ въ этотъ день въ соборѣ Петра. Всѣ города Церковной Области прислали депутаціи съ подарками, состоящими изъ продуктовъ ихъ промышленности или мѣстности. Кромѣ того, прибыли многочисленныя депутаціи изъ всѣхъ странъ міра, и также не съ пустыми руками. Слышно, что Ватиканъ заваленъ ящиками, и о цѣнности подарковъ ходятъ въ Римѣ баснословные слухи. Разсказываютъ, будто бы императрица Евгенія прислала папѣ *золотой* пирогъ. Что отношенія Рима къ Франціи не испортились вслѣдствіе извѣстнаго письма Пія IX къ архіепископу парижскому, видно уже изъ того факта, что маршалъ Ніель разрѣшилъ въ Эльзасѣ вербовку волонтеровъ въ папскую армію. Римляне поднесли папѣ золотую чашу, для св. даровъ, украшенную драгоцѣнными камнями и весьма изящнаго рисунка. Она стоитъ 30,000 франк. Рисунокъ ея сдѣланъ

талантливымъ герцогомъ Сермонетою, который теперь совершенно ослѣпъ. Папа выказалъ въ послѣднее время необыкновенную бодрость и здоровье. Несмотря на утомительныя религіозныя церемоніи, которымъ обыкновенно въ Римѣ сопровождается страстная недѣля и пасха, папа принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе. Въ четвергъ на страстной недѣлѣ, онъ уже въ 10 часовъ утра присутствовалъ на обѣднѣ въ сикстинской капеллѣ, въ 11 перенесъ святые дары изъ сикстинской въ паулинскую капеллу, убранную въ видѣ гробницы, а въ 1/4 12-го онъ съ loggia собора давалъ торжественное благословеніе народу. Огромная площадь передъ соборомъ была буквально биткомъ набита народомъ.

Съ бастіоновъ крѣпости св. Ангела раздался громъ пушекъ, заиграла военная музыка, и Пій IX вошелъ въ соборъ святаго Петра совершить омовеніе ногъ. Роль апостоловъ изображаютъ 13 священниковъ различныхъ націй. Папа моетъ имъ правую ногу, цѣлуетъ ее и даритъ каждому букетъ и золотую медаль, цѣнностію въ 16 римскихъ экю (85 фр.) Послѣ омовенія ногъ папа отдыхаетъ немного и закусываетъ, а апостолы отправляются въ верхнюю залу собора, гдѣ для нихъ приготовленъ роскошный обѣдъ. Папа вскорѣ приходитъ къ нимъ, и начинается св. вечеря. Кардиналы-діаконы повязываютъ папу бѣлымъ передникомъ, обшитымъ кружевами, кладутъ ему въ руку глиняную ложку, одинъ изъ монсиніоровъ приносить миску съ постнымъ супомъ, и папа разливаетъ его апостоламъ, которые кушаютъ съ аппетитомъ обыкновенныхъ смертныхъ. Послѣ супа папа наливаетъ апостоламъ вина и накладываетъ имъ еще три кушанья изъ рыбы и зелени, потомъ благословляетъ ихъ и уходитъ. Апостолы остаются еще цѣлый часъ за столомъ, и тѣ кушанья, которыхъ имъ не съѣсть, они въ корзинахъ забираютъ съ собою. Всѣ эти обряды привлекаютъ громадныя толпы любопытныхъ зрителей. Во время омовенія ногъ въ настоящемъ году болѣе 50,000 народу тѣснилось въ соборѣ, и всѣ задыхались, не исключая и швейцарской стражи, которую женщины, страстныя любительницы религіозныхъ зрѣлищъ, заставили отступить къ самому выходу. Весь дипломатическій корпусъ, принцъ пармскій, герцогъ баденскій и маленькій князь монакскій присут-

ствовали при всѣхъ церемоніяхъ въ особенно устроенныхъ для этой цѣли трибунахъ. Въ пятницу папа снова присутствовалъ на преждеосвященной обѣдни и на торжественномъ перенесеніи даровъ изъ сикстинской капеллы. Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея священнодѣйствія папы возбуждаетъ невольно вопросъ: какъ будетъ смотрѣть исторія на Пія IX? Какъ на загадку, какъ на разочарованіе, или какъ на предостереженіе исторіи? Почему будетъ судить о немъ потомство? По его планамъ реформъ, по его ошибкамъ, по его уступкамъ, по его либерализму, или по его внезапнымъ проявленіямъ деспотизма? Будетъ ли оно судить о немъ по его конкордату съ Австріею и его апостолическимъ письмамъ къ Англіи, по его бѣгству изъ Рима, по его высокомѣрному поведенію въ Гаэтѣ, по его заботливости о христіанскихъ мощахъ, по его прежнимъ стараніямъ пріобрѣсти популярность, или по его нынѣшнему презрѣнію къ идеѣ единства Италіи? Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ Пій IX, по собственному своему выраженію, занимаетъ въ исторіи мѣсто пограничнаго пункта, отъ котораго расходятся противоположные пути.

Въ Римѣ дѣятельно происходятъ совѣщанія конгрегацій, которыя могутъ быть названы приготовительнымъ парламентомъ къ вселенскому собору, и значеніе ихъ при настоящемъ положеніи дѣлъ далеко не маловажно. Можно уже теперь сказать навѣрное, что соборъ будетъ только орудіемъ въ рукахъ этихъ конгрегацій. Подразумѣвается, что среди епископовъ не возникнетъ разногласія, и что они покорно станутъ соглашаться на проекты постановленій, вырабатываемые въ настоящее время. Такимъ образомъ возможность преній устраняется; но наврядъ ли это будетъ пріятно всѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя при своей покорности св. престолу все же чувствуютъ себя свободными членами великаго организма католической іерархіи. Между тѣмъ въ послѣдніе дни здѣсь разнесся странный слухъ: говорятъ, несмотря на всѣ приготовленія, соборъ не будетъ открытъ или будетъ отложенъ, что почти одно и то же. Многіе епископы будто бы подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ отказались присутствовать на немъ, и въ слѣдствіе этого партія, не желавшая собора, указыва-

етъ на недостаточность авторитета его рѣшеній, въ случаѣ съѣзда небольшаго числа лицъ. Извѣстно, что и въ коллегіи кардиналовъ далеко не всѣ члены ожидаютъ особенно блестящихъ результатовъ отъ собора; многіе опасаются, что постановленія его не будутъ одобрены и приняты нѣкоторыми государствами Европы, а это сильно поколеблетъ достоинство св. престола. Но если всѣ препятствія будутъ устранены, и соборъ откроется, то долго ли продлится онъ? Газета „Monde“ отвѣчаетъ на это: Тридентскій соборъ продолжался восемнадцать лѣтъ, но это былъ длиннѣйшій изъ всѣхъ девятнадцати соборовъ, и дѣйствительные труды его были окончены въ пять лѣтъ. По вычисленіямъ этой клерикальной газеты, предстоящій вселенскій соборъ долженъ закрыться лѣтомъ 1870 года, если не встрѣтится какихъ нибудь непредвидѣнныхъ событій. Въ случаѣ же возникновенія новыхъ вопросовъ, они будутъ разработаны въ теченіе лѣта, и закрытіе собора послѣдуетъ зимою 1870—1871 г. Нечего говорить, что все это однѣ предположенія. Недавно графъ Риччарди издалъ воззваніе въ Неаполѣ, въ которомъ предлагаетъ противопоставить римскому вселенскому собору анти-римскій въ Неаполѣ. Мысль эта нашла поддержку во многихъ свободномыслящихъ кружкахъ. Если демонстрація эта состоится въ небольшихъ размѣрахъ, то она будетъ, конечно, совершенно безцѣльна и можетъ принять комическій характеръ; если же она состоится въ большихъ размѣрахъ, то она задавитъ римское собраніе и превратитъ незванныхъ судей въ подсудимыхъ. Международный конгрессъ представителей науки, засѣдающій одновременно съ вселенскимъ соборомъ въ одномъ изъ италіянскихъ городовъ, не только отвлечетъ общественное вниманіе отъ конференціи прелатовъ, но выкажетъ всю несостоятельность послѣдней отчаянной попытки римскаго престола. Хотя римскій соборъ не грозитъ ни малѣйшею опасностью развитію человѣчества, хотя эти судорожныя усилія папства будутъ только способствовать его гибели; тѣмъ не менѣе мысль о схваткѣ сторонниковъ папства съ фалангою представителей науки представляется въ весьма обаятельномъ свѣтѣ, и анаѳема, которую изречетъ римскій соборъ противъ неаполитанскаго собранія, найдетъ себѣ, конечно, нежеланно и роковой отголосокъ въ всеобщемъ смѣхѣ.

Было время, когда папы еще назвались римскими епископами, когда они не думали не только о свѣтской власти, но даже о духовномъ преобладаніи надъ христіанскимъ міромъ; въ то время приговоры и изреченія папъ чтились всѣми. Римъ съ своими окрестностями, равно какъ и экзархатъ Равенскій, были просто византійскою провинціею и назывались римскимъ герцогствомъ. Папы были подданными греческихъ императоровъ, подобно прочимъ гражданамъ. Они вели жизнь простую, не мѣшались въ свѣтскія дѣла, раздавали огромныя суммы бѣднымъ, и помогали средней Италіи защищаться противъ лонгобардовъ. Въ то же время они по возможности защищали италіянцевъ отъ угнетеній византійскихъ намѣстниковъ и вообще играли роли помощниковъ всѣхъ несчастныхъ. Въ 727 г. римляне возстали, прогнали греческаго намѣстника и объявили герцогство республикою, а папу ея свѣтскимъ главою. Хитрый грекъ Захарій, бывшій папою въ 741 г., устроилъ дѣло такъ ловко, что лонгобардскій король Луипрандъ уступилъ папамъ города и области, отнятые имъ у Византіи. Это было началомъ свѣтской власти папы. Къ этимъ областямъ присоединились земли, которыя каролинги дарили папамъ, въ награду за свое коронованіе, и, наконецъ, папская власть окончательно утвердилась побѣдою въ столѣтней борьбѣ съ нѣмецкою имперіею. Чѣмъ же стали папы послѣ того, какъ они достигли своей давно желанной цѣли? Они стали политиками, воинами и интриганами, начали произносить приговоры надъ жизнью и смертью цѣлыхъ народовъ и разсылать во всѣ стороны своихъ палачей истреблять ереси. Въ продолженіе половины тысячелѣтія Римъ произносилъ смертные приговоры и превращалъ благочестивыхъ королей въ убійцъ. Настоящее время зашло еще дальше; оно воздвигало цѣлыя груды труповъ, чтобы утвердить: что такое папы теперь, мы укажемъ на кровавыя жертвы 1849 и 1867 г., и эти безмолвныя жертвы окажутся самыми краснорѣчивыми свидѣтелями. Въ день празднованія 50 лѣтняго юбилея своего священнодѣйствія, любуясь своими жандармами, зуавами, драгунами и пушками, принимая поздравленія и приношенія европейскихъ государей и благочестивыхъ пилигримовъ, Пій IX, быть можетъ, съ грустью вспомнитъ то время, когда папы были еще простыми

епископами. Онъ невольно долженъ былъ сознаться, что весь этотъ внѣшній блескъ не можетъ вознаградить за упадокъ внутренней силы папства. Конецъ свѣтской власти, за которую онъ такъ судорожно цѣпляется, близокъ, очень близокъ и онъ не можетъ не видѣть этого.

(Веч. Газ.)

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ И ПАНЪ ДУХИНСКІЙ.

Бѣглая польская шляхта, обыкновенно называемая эмиграціею, представляетъ поистинѣ жалкій кружокъ людей, страдающихъ психическою болѣзнію, извѣстною въ медицинѣ подъ именемъ однопредметнаго помѣшательства. Въ ихъ поврежденномъ мозгу крѣпкимъ гвоздемъ засѣла idea fixa возстановленія Ржечи-Посполитой, и для достиженія своей несбыточной цѣли бѣдные паціенты предлагаютъ разныя фантастическія и безсмысленныя средства, къ которымъ слѣдуетъ относиться, какъ къ проявленіямъ ихъ патологическаго состоянія. Поэтому польскіе органы, издающіеся на чужой землѣ, безъ малѣйшаго преувеличенія, представляются сборниками сочиненій, писанныхъ въ желтомъ домѣ. Возьмемъ на удачу № 103 *Неподлеглости*, издающейся въ Цюрихѣ. На первомъ планѣ статья подъ названіемъ: *Трехсотлѣтняя годовщина люблинской уніи.* Чего здѣсь нѣтъ! это самый безпорядочный бредъ разстроенной души, не имѣющій нималѣйшей точки опоры въ дѣйствительности, бредъ, цитировать который было бы жестоко, потому что онъ можетъ имѣть значеніе только для врачей-психіатровъ. Далѣе слѣдуетъ воззваніе къ „родакамъ" какого-то Беднарчика, „бывшаго полковника войскъ народовыхъ и оттоманскихъ," жительствующаго въ Батиньелѣ. Это воззваніе, как ни безсмысленна его исходная точка, все таки не лишено хоть грамматическаго смысла и представляетъ поэтому симптомъ умопомѣшательства не въ столь развитой степени. Бѣдный полковникъ воображаетъ своихъ соотечественниковъ не только при Вислѣ, Одерѣ и Виліи, но и при Бугѣ и Днѣпрѣ. Взываетъ онъ къ своимъ родакамъ, чтобы всѣ немедленно и дружно соединились въ одинъ голосъ и увѣнчали польскою коро-

нею того, въ комъ бьется польское сердце, т. е. ни более, ни менѣе, какъ принца Наполеона. „Въ немъ одномъ всѣ наши предводители видятъ силу, которая въ состояніи поднять край изъ неволи; подъ его только штандартомъ воскреснетъ людъ и *давняя шляхта.*“ Увы, средство это уже оказалось на практикѣ ни куда негоднымъ, потому что гораздо раньше оттоманскаго и народоваго полковника, именно въ 1862 году. бѣглая шляхта возвела на несуществующій польскій тронъ злоуполучнаго принца (фактъ историческій), но подвиги его на пользу польской справы не пошли дальше неприличной фразеологіи во французскомъ сенатѣ. Есть, впрочемъ, въ томъ же самомъ нумерѣ одинъ документъ, весьма интересный, стоющій серіознаго вниманія. Онъ изобличаетъ недостойную продѣлку одного изъ такъ называемыхъ передовыхъ польскихъ мыслителей и борцовъ за ойчизну, прославленнаго пана Духинскаго, который, подъ возвышенно-патріотическимъ предлогомъ, надулъ свою братію самымъ наглымъ образомъ. Въ 1863 году онъ напечаталъ въ Парижѣ воззваніе, шарлатанскіе пріемы котораго едва ли не превосходятъ пріемы извѣстнаго Дулькамары. Вотъ оно: „Взываю къ вамъ, мои соотечественники, чтобы вы собрали для пользы ойчизны капиталъ въ 13,800 фр. При помощи Божіей и этого вашего пожертвованія, я напишу въ теченіе трехъ лѣтъ исторію Польши, въ составъ которой войдутъ: *Принципы польскихъ дѣяній* (три части), *новгородскій памятникъ, дополненія, первыя основанія исторіи церквей—польской и московской, картинная галерея.* Этотъ капиталъ необходимъ мнѣ въ теченіе трехъ лѣтъ на мое содержаніе, на писаря, на ученыя путешествія и на уплату старыхъ долговъ моихъ въ Бѣлградѣ, Стамбулѣ и Парижѣ....“ Документъ оканчивается слѣдующими словами: „Спѣшите же, мои земляки, дабы не оставить на своей совѣсти укора, дабы потомъ никто—ни свои, ни чужіе—не могъ попрекнуть васъ въ томъ, что вы были равнодушны къ моему зову. Армія и дипломатія, которыя принесу я на алтарь отчизны, совершенно обезпечиваютъ вамъ побѣду. Теперь я еще въ цвѣтѣ силъ и чувствую жажду труда. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ (чего не допусти Боже) здоровье можетъ измѣнить, силы ослабнуть, стремленія угаснуть....“ Вслѣдъ за этимъ одинъ изъ прихвостней Духинскаго, Треноп-

скій, пустилъ подобное же воззваніе въ еще болѣе велерѣчивомъ духѣ, гдѣ Духинскій названъ „геніемъ и новымъ окомъ человѣчества,“ и гдѣ говорилось, что сей ученый шарлатанъ „знаетъ все, что до сихъ поръ одному лишь Богу было вѣдомо.“ Серіозно выслушали эту ерунду простоволосые земляки, и въ кассу Духинскаго дѣйствительно полились крупныя приношенія. Для какой цѣли употребилъ Духинскій обманомъ собранныя деньги, неизвѣстно даже самой эмиграціи; но вѣрно то, что прошло уже два раза по три года, а о чудодѣйственномъ талисманѣ, долженствовавшемъ вылиться изъ головы польскаго мыслителя, замѣнить для поляковъ армію и дипломатію и обезпечить верхъ надъ москалями,— объ этомъ талисманѣ ничего не слышно. Сама эмиграція, наконецъ, смекнула, что надули ее самымъ грубымъ образомъ и въ № 103 *Неподлеглости* требуетъ отъ новѣйшаго Дулькамары отчета. А онъ, бѣдняжка, такъ таки и не пошелъ дальше своей теоріи о туранахъ, надъ которою теперь подсмѣивается вся мыслящая Европа. Вотъ на какой цинисмъ способенъ первѣйшій изъ польскихъ верховодниковъ, имѣющій наглость величаться чуть не полубогомъ. Да успокоится же въ размѣшанной имъ грязи его развѣнчанная тѣнь! Въ концѣ концевъ оказывается, что ни сила, кроющаяся въ принцѣ Наполеонѣ, ни даже великое могущество пана Духинскаго никакъ не могутъ одолѣть препятствій къ возстановленію истлѣвшей Ржечи-Посполитой.

(Веч. Газ.)

ИЗЪ ХОЛМА.

Преосвященный холмскій Михаилъ собралъ 14 марта все находящееся въ Холмѣ духовенство на совѣщаніе объ изданіи епархіальной газеты, которая съ одной стороны должна быть органомъ духовной власти, а съ другой—помогать разъясненію нуждъ епархіи и содѣйствдвать соединенію разрозненныхъ на Руси элементовъ. Для обсужденія этого важнаго, особенно для мѣстныхъ русскихъ, вопроса, составленъ комитетъ изъ трехъ членовъ, которые въ самомъ скоромъ времени должны представить планъ

газеты. Говорятъ, что газета будетъ издаваться *литературнымъ* русскимъ языкомъ (значитъ, безъ примѣси мѣстныхъ выраженій и словъ?), содержаніе же ея будетъ по преимуществу духовное, а первое мѣсто будутъ занимать распоряженія правительства и епархіальныхъ властей.

(Совр. Лист.)

ОДЕРЖАНІЕ 12-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ" ЗА 1868 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.